
МАРИЯ ВЛАСОВА

МОНСТРОМ БУДУ Я

КНИГА 1

Мария Власова

Монстром буду я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70380367

SelfPub; 2024

Аннотация

Вы представляете себе такую подставу: МЕНЯ, главную кухарку при военном штабе, какой-то там генерал на фронт послал. Да не то, чтоб фигурально, с заданием послал! И не просто на фронт, а за его линию, в логово врага, как коварного шпиона! А враг-то страшный, особенно в броне, да и без нее тоже отнюдь не красавчик. Ну, ладно, задание я то выполняю, вот только кто меня потом спасет, особенно после того, как главный их монстр заявил, что я его жена? Вот так всегда: кому пироги да пышки, а я собираю шишки!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Настасья.	8
Глава 2. Очень глупый план.	15
Глава 3. И вот он конец?	21
Глава 4. Как меня отправляли на задание.	34
Глава 5. Монстры.	42
Глава 6. Кощунство на кухне.	52
Глава 7. Незабываемый ужин.	61
Глава 8. Баба или мужик?	73
Глава 9. Может, это чей-то план?	79
Глава 10. Живучий, гад!	85
Глава 11. Девичьи слёзы	92
Глава 12. Ванна.	100
Глава 13. День «Зю».	107
Глава 14. Ночное свидание.	122
Глава 15. Ночная гостья.	146
Глава 16. Все радости замужества.	154
Глава 17. Не смей.	161
Глава 18. Кровь и боль.	168
Глава 19. Жив.	184
Глава 20. Лиловые синяки.	189
Глава 21. Пламя и глаза.	200
Глава 22. Няня.	213

Глава 23. Противоядие.	223
Глава 24. Сложнее, чем ты думаешь.	229
Глава 25. Суженая монстра.	240
Глава 26. Ледвига пала.	258
Глава 27. В темноте.	278
Глава 28. Невеста при двух женах.	292
Глава 29. Вернуться домой.	313
Глава 30. Му Ре	332

Мария Власова

Монстром буду я

Пролог

Никогда не знаешь, как закончится твоя жизнь, и когда повернул не туда, выбрав неверный путь. Пожалуй, сейчас, когда мне осталось от силы несколько минут, вполне отчётливо понимаю, когда свернула на самоубийственную дорожку, и моя жизнь пошла наперекосяк.

Эта история началась, когда тьма вторглась на территорию Анталты, большой страны, находящейся между Вечными песками и Ледвигой, страной крайнего севера. Начало своего неумолимого шествия тьма взяла со стороны моря, и прибрежные города пали первыми. В Анталте началась паника, беженцы заполнили деревни и города. Тот ужас, о котором они рассказывали, наполнял души людей страхом, пробирающим до костей.

Люди рассказывали, что от моря идет несметная армия бессмертных духов, во главе с ужасным монстром, убивающим всех на своем пути: женщин, детей и даже домашних животных. Никто не мог ждать пощады, никто не мог надеяться, что война закончится нашей победой.

В моей родной деревушке, Светзаре, тоже появились бе-

женцы. Не сразу, а спустя полгода после начала войны, когда все побережье уже захватили, и бессмертная, по словам беженцев, армада двинулась вглубь страны. До нас вести доходили долго, поскольку Светзара – одна из самых богом забытых деревушек в стране, на границе с Ледяной пустошью и Ледвигой. Желających отправиться в нашу глухомань, стоящую почти на краю мира, всегда было немного, и вдруг целый поток беженцев, идущих даже не в Ледвигу, а напрямиком в бескрайнюю Ледяную пустошь, из которой еще никто не возвращался. Вся деревня пыталась их отговорить от этого безрассудного поступка, но беженцы были настолько напуганы, что, невзирая на наши слова, решались на такое безумное путешествие. Все потому, что Ледвига вступила в войну. Казалось бы, хорошая новость, однако было слишком поздно, и тьма уже начала захватывать земли соседей, не оставляя ни шанса на спасение.

Именно в тот день я и оказалась в начале своего пути, который привел меня сюда, к концу. Возникла же мысль: собрать всех своих и податься в пустошь вместе с беженцами, но я не сделала этого. А на следующий день прибыли полицаи рекрутировать добровольцев.

Ну как добровольцев, выбора-то особо не было. Либо все подходящие по возрасту и способные держать оружие мужчины семьи соглашались служить, либо всю семью вырезают, как свиней. Моей семье это тоже касалось, хоть отец и был жрецом в местном храме Спасителя. В семье у нас че-

тыре девочки, я – самая старшая, восемнадцать лет исполнилось. Мать умерла пять лет назад, рожая младшую из сестер, так что у нас остался один отец и больше никого. Вся деревня взбунтовалась, когда пришли к нам в дом забирать отца. Испокон веков жрецы не воевали, им запрещено проливать кровь где-либо кроме жертвенного алтаря. Начался бунт, ещё немного и всех жителей деревни просто бы перерезали, если бы один из полицаев не заметил, что отец мой стар и хромает, не сможет не то чтобы ударить, меч поднять.

Здесь-то мы всей семьей вздохнули с облегчением, пока не узнали, что из семей, где нет мальчиков, забирают девочек, не для сражений, а для работы на кухнях и в больницах. Конечно же, забрали меня, так как всем остальным сестрам не было и десяти лет. Так началась моя новая жизнь при штабе на западном фронте. Не скажу, что было легко: весь день на кухне готовишь на триста человек, а потом ночью не можешь уснуть под крики раненых в медпункте.

Я видела тела, изувеченные настолько, что с трудом верилось: была ли эта груда мяса раньше человеком? Слышала жуткие истории тех, кому посчастливилось вернуться с фронта, но сама не сражалась. Это ещё мне повезло с распределением, например, девочка из моей деревни, которую забрали одновременно со мной, попала к магам. Там смертность чудовищно жуткая, так что шанс вернуться домой у нее очень невелик. Мне же остается надеяться, что для меня ещё не все потеряно, и я смогу снова увидеть сестер и отца.

Глава 1. Настасья.

Спустя год, как я покинула родную деревню, мы с ней встретились, с моей подругой по несчастью. Как оказалось, эта встреча очень повлияла на мою судьбу.

Одной из обязанностей, которые возлагаются на военной кухне, является подача яств высшему командованию. Командование я не люблю, слишком уж наслушалась за год их откровенных мыслей по поводу этой войны. Наш король жаждет власти и, невзирая на то, что почти половина страны пала под захватчиками, бредит захватом горной Ледвиги, ослабленной этой войной так же, как и наша собственная страна. Мне-то, как повару, хорошо известно насколько уменьшились пайки солдат за этот год. Страшно от одной мысли, что, возможно, дома сестренки также голодают. Эти же мракобесы – генералы и военные начальники – еле помещаются в собственные мундиры.

Тьфу, на них, гадов несусветных, чтобы они косточкой в лососе подавились!

Одно хорошо, когда привозят для них продукты, могу немного припрятать для того, чтобы потом накормить раненых. По одному из указов тех самых военачальников раненым полагается лишь половина от пайка здоровых солдат. Бедные мучаются не только от боли, но и от голода. Очень часто ночью слышу, как какой-нибудь молодой паренек, с

оторванной рукой, которому и пятнадцати зим не миновало, просит корку хлеба. И это в то время, когда штабные крысы жрут так, что за ушами трещит!

Иногда так и тянет подмешать в изысканный рулет какой-нибудь отравы, чтобы эти нелюди мучились поносом! Но нельзя, за такое и головы лишиться можно, а кто тогда будет втихаря раненых подкармливать? Да и о сестрах подумать надо, что будет с ними, если я не вернусь? Папа уже стар, надеюсь, что он еще жив и смотрит за девочками.

Все, что у меня есть – это надежда, что эта война скоро закончится. Каждый из нас на это надеется... ну, кроме разве что короля, чтоб ему всю жизнь исключительно овсянку есть!

С такими мрачными мыслями я вошла в главную палатку штаба с подносом, который источал аппетитные ароматы отборной жареной телятины. Чтоб они слюной захлебнулись.

– Жди здесь, – мрачно буркнул один из солдат, вероятно охранник, пропуская меня внутрь.

Кажется, я знаю, кто останется без масла к каше за такое хамство. Ну, ничего, лицо я запомнила, постою! В небольшом закутке, перед входом в основное помещение палатки, как будто намеренно нет мебели, чтобы бедная прислуга и охранники не расслаблялись.

Ой, ручки, мои ручки! Загруженный поднос – не то, что может легко поднять слабая девушка. Я, конечно же, к их числу не отношусь, но и мне держать пять килограмм жарен-

ной телятины на вытянутых руках тяжелоюто.

Тем временем в центре огромного шатра заседают большие шишки, в числе которых пара стареньких генералов, которые на этой войне не сделали абсолютно ничего, кроме того, что регулярно спрашивали, что у них будет на десерт.

Эта война отняла уже так много жизней, что военачальниками становились не только дряхлые дедушки, но и воины, показавшие себя в бою героями. Одним из таких воинов считается Ферер, отважный офицер, отвоевавший в одиночку целый Форт Дусларт. Это стало прорывом для нашей армии, особенно учитывая, что ранее мы всегда отступали.

Какой же он красивый, мужественный и плечистый, совсем непохожий на обычных солдат. Он мне нравится, как, впрочем, и половине местных девушек, поэтому мы дружно сохнем по нему и сплетничаем за чайком с ромашкой.

– Мы несём колоссальные потери, с этим нужно срочно что-то делать. Нельзя, чтобы враги захватили столицу! – услышала обрывок его пламенной речи.

– И что вы предлагаете, Ферер?! Наши войска лишь чудом сдерживают свои позиции, но сил надолго не хватит! У вас есть блестящий план, как исправить ситуацию? – иронично вздернул бровь глава нашей армии Кромовский.

Мужчина под пятьдесят с довольно странными предпочтениями, что в пище, что в военных действиях. Чувства к нему у меня противоречивые, но, пожалуй, предпочту, чтобы он и не замечал самого факта моего существования.

– Да, у меня есть план, и он поистине гениален! – заявил Ферер, сверкая синими глазами.

Как много наших девок пало на суровом любовном фронте от этого взгляда синих глаз, но генерал всегда вел себя, как джентльмен, даже с простой кастеляншей. Подавила улыбку, когда два старых генерала скривились от его откровенного хвастовства. У меня же, как всегда, потекли слюнки от вида молодого генерала в красивой красной форме. У нашей армии форма яркая, красивая, не то что черная у противника.

– Ну, поведайте нам его, – равнодушно приказал Кромовской.

– Наша самая большая проблема в отсутствии информации о противнике и его дальнейших планах. Если бы мы располагали сведениями о дислокации его войск, мы бы смогли скоординироваться с Ледвигой и напасть на врага. Это дало бы нам весомое преимущество и привело бы к победе в войне.

От уверенности в голосе Ферера так и хотелось с сожалением вздохнуть. Где генерал, а где наши девочки-медсестры, а тем более я. Как можно сравнивать дочь жреца и принцессу, которую обещали ему в жены после победы над врагом.

– И что же вы предлагаете? Послать шпионов? Мы уже посылали, их тела так и не нашли, – вставил фразу один из старых генералов без доли жалости.

Невольно скривилась, мне приходилось видеть этих смертников здесь, в этой палатке, получающих последние

инструкции перед отправкой на верную гибель. Знаю, что это на благо страны, но посылать людей на смерть – это кем же нужно быть? Наверно, бедолаги сами понимали, на что идут, но не могли ничего сделать с этим. Иногда буквально не остается выбора, другие, принимая решение за тебя, лишают тебя этого.

– В некотором роде – да, – Ферер коварно улыбнулся.

Генералы заскрипели зубами от театрального поведения мужчины, и после долгой паузы он все-таки начал их посвящать в свои планы:

– Мы пошлем не просто шпиона, – театральная пауза, – мы пошлем шпионку.

Наступила тишина, во время которой я растерянно хлопала глазами, словно корова на пастбище. Все же знают, что с женским полом враги обходятся суровой всего – отдают в жертву какому-то богу. Послать девушку на верную смерть? Он что заболел чем-то?

– Вы бредите? – снисходительно улыбнулся один из дедов, и я впервые была на его стороне.

– Несмотря на слухи, которые ходят по провинции, не всех женщин они отдают в жертву своему глупому боже-ству, – загадочно улыбаясь, молвил в ответ Ферер таким тоном, как будто женщины ни на что другое и не пригодны. – При главнокомандующем всегда держат женщин для уборки и готовки.

– Ну, допустим, в этом плане есть смысл, но скажите мне:

какая женщина согласится прислуживать врагу? – Кромовский немного небрежно улыбнулся и махнул мне рукой, чтобы подошла.

Опомнившись, осторожно прошла к столу с подносом. На Ферера не смотрю, хотя чувствую, что в моих глазах он упал, как человек. Не стоит мужику посылать женщину на смерть, женщины должны рожать детей, а не воевать.

– У меня есть небольшая идея, я уже распорядился на этот счет, – лукаво улыбаясь, смотря почему-то на то, как я нагнулась, расставляя посуду перед генералами, самодовольно ответил Ферер.

В ту же секунду послышался шум и, сбив с ног охранника каким-то заклятием, в шатре появилась магесса. Женщина в ярком малиновом балахоне быстро обошла распластавшегося на полу стражника и, подойдя к столу, со всей силы ударила по нему кулаками. Мне чудом удалось схватить тарелку главнокомандующего, чтобы она не свалилась на пол.

– Вы что совсем в своем штабе выжили из ума?! – завопила гостя, а я невольно впала в ступор.

– Магесса, мы не... – начал было мямлить второй престарелый генерал, до этого молчавший, но та пресекла его одним взглядом.

Эту женщину я раньше не видела, судя по тому, что ее никто не затыкает, она – главная у магов. Их в штабе вообще не видать, все силы владеющих магией людей уходят на сдерживание порождений тьмы защитными барьерами. Вот

они реально работают, не то что эти бюрократы.

– Если вы думаете, что я соглашусь отправить одну из своих девочек жертвенной овцой на заклятие этой бредовой идеи, то вы – совсем глупцы! – закричала она и, гордо выпрямившись, продолжила. – Мы, маги, последняя сила, способная сдержать нападение. В армии каждый маг на особом счету, и Вам не стоит этого забывать! Я не позволю тратить жизнь своего мага на эту вашу ничем не оправданную глупость!

Овальное лицо, коротко стриженные, как у мужчины, волосы, но черты лица чувственные и утонченные. Взгляд резкий и волевой, он-то и показался мне очень знакомым.

– Магесса, я думаю, вы не в праве... – начал было Ферер говорить, но его внезапно перебило моё громкое и удивленное «Настасья!».

Глава 2. Очень глупый план.

Магесса стремительно развернулась в мою сторону и настороженно уставилась на меня, и мне захотелось откусить себе язык от греха подальше. Подумаешь, она показалась мне похожей на Настасью, девушку вместе с которой мы покинули деревню, однако ей не повезло, она попала к магам. Так, может, это действительно она?

– Любава? – после паузы странным голосом произнесла магесса и, прежде чем я что-то смогла сказать, крепко меня обняла.

– Жива, – услышала радостный шепот и, не выдержав, шмыгнула носом.

Мы не дружили с Настасьей в детстве, хотя и знали друг друга, все-таки одна деревня. Сдружились только, когда нас обоих забрали в лагерь на подготовку перед распределением. Ей не повезло так же, как и мне. У Настасьи есть брат, но он слишком мал, чтобы его забрали в рекруты, ему лет восемь от силы, потому и остался с бабушкой, а Настасья пошла на войну. Помимо наличия магической искры, она оказалась довольно стойкой девушкой, смелой и упрямой, наверное, потому ее и забрали в маги. Помню, когда я узнала, что маги мрут, как мухи, долго плакала вечерами, молясь Спасителю, чтобы с ней все было хорошо.

– Я очень рада, что ты жива, – тоже прошептала ей на ухо

нерешительно.

Меня перестали обнимать, но с высоты своего роста, а она выше меня почти на голову, снисходительно, но радушно улыбнулась. Не уверена, что самая главная магесса фронта имеет право демонстрировать свою привязанность к какой-то кухарке.

– Так рада тебя видеть, я давно не встречала никого знакомого, – она грустно повела плечами, как будто вспомнив что-то неприятное. – Ты сразу попала сюда? Не обижают хоть?

– Нет, все хорошо, – нерешительно и чуть глуповато улыбнулась.

Так хочется узнать у нее вести о доме, как там сестры? У магессы-то власти и информации, наверно, побольше будет.

– А дома как дела, не знаешь?

Настасья грустно мотнула головой, и мы вместе замолчали, вспоминая родных и знакомых.

– Так вы знакомы? – спросил вдруг Ферер, и все посмотрели на него. – Из одной деревни, как я понимаю?

Снисходительный взгляд Ферера в сторону магессы напрям даже меня, но та гордо расправила плечи, будто бы угрожая этим действием.

– А что?

На вопрос магессы молодой генерал не ответил и, как будто потеряв интерес к ее персоне, повернулся к генералам.

– Господа, мне кажется, мы нашли добровольца для нашего задания.

Мужчина махнул рукой в мою сторону, отчего я немного напряглась. Что за бред он несёт?

– Магессу? Вы с ума сошли?! Кто будет командовать магами без нее? Она единственная взрослая среди тех детей! – влез дедок, и я во второй раз мысленно поблагодарила его, пообещав сделать самый вкусный десерт для обоих старых генералов.

– А я показал не на магессу! – внезапно развернулся в мою сторону Ферер и, смотря прямо на меня, кровожадно улыбнулся.

– Пойдет она.

– Что? – опешила на мгновение, подумав, что мне послышалось. – Я?

– Кухарка? Серьёзно? – вставил свои пять копеек дедок, немного обидно, но, если это меня спасет от идиотской идеи Ферера, то я не против.

– Да! Вы просто посмотрите на нее! Эта коса, платье, речь и поведение! А главное – это глупое выражение лица, как у деревенской тупой девки! Да она идеальна для такого задания, её никто и никогда не заподозрит! И главное: она и так кухарка, так что подозрений будет меньше!

Все, зовите санитаров, Ферер, кажется, заболел горячкой и бредит. Однако таким тоном говорит, что я почти сама поверила в этот бред, если бы речь шла не обо мне.

– Вы что издеваетесь?! – завизжала от злости.

Некоторые из генералов посмотрели на меня почти пре-

зрительно, так, что плюнуть в рожу захотелось, а не, как обычно, в суп.

– Действительно, это переходит все границы, Ферер. Она не солдат, а просто девушка! – встала между нами Настасья, что и спасло наглого генерала от побоев.

– А нам и не нужен солдат, нам нужна воровка! – громко воскликнул он, отчего я встрепенулась.

– Я не ... – сразу попыталась отрицать, но он нагло перебил меня.

– Я лично видел, как вы ночами воруете со склада еду уже многие месяцы. Так что не стоит оправдываться.

И снисходительно так сказал, что мне стало совсем хреново. Попыталась обогнуть Настасью и треснуть его, чем достану по лицу, но мне не дали.

– Это правда? – вставил Кромовской, еле заметно улыбаясь.

Сговорились гады, нутром чувствую! Они все смотрят на меня, а я не могу и слова сказать. За воровство еды – расстрел, и плевать, что это остатки со стола генералов, и я отдавала их раненым. Если признаюсь, меня расстреляют, и непонятно, что будет с ранеными, если промолчу, то они поверят ему на слово и... меня опять-таки расстреляют!

– Да вы на нее посмотрите, сразу видно, куда еда девается! – язвительно воскликнул Ферер, показывая на мои округлые бедра и грудь.

Да, я всегда была крупной, статной, несмотря на низкий

рост, но ела я так же, как все и никогда не брала себе больше, чем положено. Ну и что, что мне даже после года на сухом пайке удается оставаться похожей на девушку, а не на скелет? Не выдержала и все-таки сказала, обращаясь только к Кромовскому:

– Ваши люди голодают! Пусть они ранены и не могут воевать, но они все еще остаются вашими людьми! Им нужны силы, а для сил нужна еда, которую им недодают. И если кто-то, – скосила глаза на Ферера, – заботится о них вместо Вас, в этом нет ничего предосудительного.

– Так вы признаете свою вину? – едким тоном подметил Ферер, я же, перестав смотреть на командующего, расправила плечи.

– Прочистите уши, я ни в чем не признавалась, – гордо вскинула подбородок, не на ту напали.

Знал бы, сколько раз на дню истосковавшиеся по еде и женской ласке солдаты прутся на мою кухню, а я их оттуда вышвыриваю, сильно бы удивился. Настасья подавила довольную улыбку, а Ферера перекосило от злости.

– Если вы закончили бредить, я, пожалуй, вернусь к своим обязанностям, – с гордо поднятой головой, отстояв честь своей деревни и свою безопасность, направилась к выходу из палатки.

– Любава, останьтесь, – услышала за спиной голос Кромовского и поняла, что так просто уйти мне не дадут.

– Десерт? – предложила, развернувшись.

– Пожалуй, господин Ферер оказался прав в этот раз, – серьёзно заговорил главнокомандующий, и я поняла, что попала. – Лучше Вас с этим заданием никто не справится.

Они что, серьёзно? Нет уж, я так легко не сдамся!

– В нашей стране есть закон, без моего согласия вы не можете меня заставить сделать что-либо! – предъявила я весомый аргумент, – Это же самоубийство! Думаете, я пойду на это?!

– Ваша родная деревня находится на границе с Ледвигой? Светзара? Если Вы добровольно не пойдете на наше сотрудничество, страна переживет исчезновение этой богом забытой деревушки. Не так ли? – он глянул на сборище согласных военачальников.

У них нет никакой чести, только холодный расчет. Говорят, что это залог победы в войне, а мне кажется, что это отмазка для превращения в подонков.

– Исчезнет? – повторила тихо Настасья.

– Думаю, учитывая вновь открывшиеся обстоятельства, маги согласятся переправить Вас, Любава, за линию фронта и, при необходимости, обеспечить Ваше возвращение.

Глава 3. И вот он конец?

Тогда я думала, мой мир рухнул, но главнокомандующий оказался прав в своем выборе. Ведь я сумела сделать все, что он задумал: получила работу и благополучно стащила карты с планами нападения из-под носа самого главнокомандующего вражеской армии. Да, я крута, и, по меньшей мере, самый продвинутый шпион нашего государства, однако почему-то от этого совсем не радостно.

Карты и планы уже на полпути в столицу, их унесла птица наколдованная Настасьей. А сама магесса, пытаясь выиграть для меня время, всё ещё оставалась внизу, там, где редкие белые вспышки уже полностью поглотила тьма. Вероятно, она понимала, что нас бросили, и никто не придёт на помощь, но почему-то всё равно осталась со мной. Возможность уйти у неё была, но излишнее благородство погубило уже не одного человека, так что, скорее всего, она всё-таки мертва. Теперь только мысль, что я сейчас умру так же, как и она, спасает от мук совести.

Ветер усиливается, у подножья горы наступает тьма. Русая коса под шлемом почти развязалась и теперь стремится вслед ветру. Меч кажется неподъемным, но лишь с его помощью я ещё держусь на ногах. Так глубоко всадила его в землю, что уже не смогу самостоятельно вытащить. Да, шпион из меня какой-никакой ещё получился, а боец так себе,

даже убежать не могу.

Мои силы на пределе от долгой беготни и нервного перенапряжения. Знаю, что он сейчас появится здесь, но я не смогу ничего сделать ему. У меня есть всего один жалкий шанс, маленькая надежда на мою догадку и ничего больше.

Чёрт, как я до этого докатилась? Никогда не думала, что умру вот так!

За спиной деревья и небольшие скалы, возможно, будь я хоть немного выносливей, сумела бы до них добраться, но сил не осталось, и все, что могу, это отдышаться.

Тьма добралась почти до вершины, где стою я. Начинают подгибаться коленки от страха, как всегда вовремя! Оборачиваюсь, там, вдали за деревьями свобода и красивейший в мире закат. Чёрт, мой последний закат, а я, к сожалению, не могу им полюбоваться. Быстро вытираю лицо от невольных слез. Вот ещё, плакать, как дуре, перед смертью не хватало!

Пусть я и не сама выбрала этот путь, но согласилась же, так что расхлебывать придется самой!

Он появился неожиданно, внезапно запрыгнув на вершину, буквально из ниоткуда. За его спиной почти нереальная тьма заполонила долину, просто демон из тех жутких притч, что отец читает на проповедях. Что-то коленки предательски дрожат, но все дело в его жуткой амуниции.

Черная, покрытая непонятной чешуей броня поблескивает на свету, чешуйки острые даже на глаз видно. Как они вообще ее не то, что носят, а надевают? Да ещё у него она та-

кой формы, что придает вид какого-то демона или монстра из рассказов беженцев. Как бы то ни было, но я знаю, что никакой не монстр внутри, а человек, ну, или почти человек. Каждый раз, как его вижу, так и хочется сократить время его существования на этом свете.

Броня на спине в больших острых иглах, шлем украшают такие же иглы, поэтому он похож на большого металлического дикобраза. Вытянутый передок шлема искажает форму головы, делая ее похожей на голову какой-то диковинной птицы с клювом. На груди выгнутая пластина, очертаниями напоминающая родовой герб военачальника – ворона. Но он настолько незаметный, что, если бы не знала, какой у него герб, не заметила бы. Все его тело заковано в сталь, а шипы на спине спускаются до пят, образуя что-то похожее на сложенные крылья или складки плаща. Вытянутые, светящиеся красным прорези для глаз дополняют и без того устрашающий вид.

Весь из себя брутальный тип, хотя на деле обычный монстр.

Артал Устрашающий, так называют его военачальники. Солдаты же, как и наши беженцы, не так благочестивы и называют попросту монстром. Не могу с ними не согласиться: двухметровый, облаченный в доспехи, он больше похож на страшного демона из чистилища, монстра, а никак не на человека. Когда же он поднял свой меч, забросив его на плечо плащмя, я немного струсила. Ну, как немного? Довольно

прилично, раз смогла вырвать из земли меч и, преодолевая себя, кое-как поднять его, наплевав на мозоли и боль в пальцах.

Монстр отреагировал быстро, так что я толком не поняла, что меня вообще с ног сбило. Одно мгновение назад он держал меч, и уже в следующее я уже встретилась с сырой землей лицом.

Ой! Мать его, серую, какое "ой"!

Шлем слетел и покотился с горы в пропасть. Меч все еще зажат в руке, но мир стал так странно вращаться, что меня тянет блевать. Самое подходящее состояние для противоборства с вражеским главнокомандующим. Ветер ударил в лицо, развевая вконец распутившиеся волосы.

– Женщина, ещё одна женщина, – страшный и грубый голос, изуродованный шлемом, заставил испуганно вздрогнуть.

Вот только интонация мне ещё больше не понравилась, снисходительная такая, как у Ферера. Ну и чего я тут перед ним разлеглась?! Поджала губы и, тяжело опираясь на меч, поднялась.

– Насколько же жалки ваши мужчины, если посылают вместо себя воевать женщин? – улыбается, точно улыбается, хотя я не вижу этого.

– Но мы ведь справились, – не удержалась от ехидной улыбки и гордо расправила плечи, поудобнее перехватывая меч.

Как это забавно, стою тут с мечом, который в руки-то впервые взяла неделю назад и без понятия, что с ним делать. Я такая самодовольная, а напротив меня опытный и безжалостный боец. И ведь приходится же делать вид, что не понимаю, как все плохо, и тянуть время, надеясь непонятно на что.

Он немного наклонил голову, внимательно меня изучая, отчего я нервно отступила на шаг и ударилась спиной об дерево. Выставила вперед себя меч, как будто перед атакой, на что он опустил свой на землю и медленно или слегка издевательски подошел ко мне, волоча его за собой. Мелкие камни, попадавшие острию на пути, разрезало как ножом масло. Нервно сглотнула, прикинув, как такой меч может обойтись с моей шеей.

– Женщины не должны видеть все ужасы войны, – когда он так близко, его голос звучит еще более угрожающе и страшно.

– Никто не заслуживает их видеть, – сухо прошептала в ответ, все время переводя взгляд с меча на страшный шлем и обратно.

– Возможно, ты права, – сжимает рукоять своего огромного меча.

Без предупреждения, одним ударом выбил мой меч, при этом едва не сломав мне пару пальцев. Невольно вскрикиваю, прижимаю руку к груди, хоть пальцы на месте остались. Ой, ещё какое "ой"!

– Я так понимаю карты уже далеко отсюда, а вас оставили на верную гибель?

Снова улыбается, точно улыбается, я же испуганно прижимаю к себе чудом уцелевшие руки. Чего он ждет? Думает, я не знала, что меня бросят? Да, ладно?! Знал бы он, как все на самом деле обстоит, посмеялся бы в голос над моей глупой судьбой.

– У меня к тебе всего один вопрос: как вы достали карты? Как проникли в мои покои и, самое важное, как ушли с ними? – интонация его голоса изменилась, ему не понравилась моя реакция на предыдущие вопросы.

Уже скоро я узнаю, верна ли моя догадка, или просто умру. Мне жаль Настасью, ее брат останется совсем один. Мои сестры хотя бы есть друг у друга – лишь этим и утешаюсь.

– Она умерла, да? Ты убил ее? – знаю, что глупо, но все равно спрашиваю, с отвращением смотря на этого монстра.

Как я смогу решиться на то, что произойдет дальше?

Резкий взмах и его рука в доспехе сжимает моё горло, почти перекрывая доступ воздуха. Мразь!

– Здесь вопросы задаю я! – говорит резко, так, что едва не обделалась.

В ужасе пытаюсь ударить по рукам, но только раню их об острые, как лезвия, чешуйки. Отпустил так же неожиданно, как и схватил, только дерево за спиной не дало мне совсем упасть.

– Или ты желаешь побыстрее умереть? – схватил руками рукоять меча.

Ну, все, настал тот самый шанс! Только не дрейфить! Даю волю слезам, одинокая слезинка стекает по щеке, после того как придаю своему лицу вид покорной смертницы. Смотрю на своего будущего убийцу взглядом щеночка на ярмарке.

– Можешь исполнить моё последнее желание? – сравняла нас в статусе одним обращением, хотя я деревенская кухарка, а он какой-то там военачальник армии монстров.

Он застыл, по шлему не понятно, о чем он думает, что несколько напрягает.

– Значит, отвечать на мой вопрос ты не собираешься? – судя по интонации, он такого поворота не ожидал, но зато спокойно принял равенство, между нами, по статусу.

– Нет, и ты задал три вопроса, а не один. На которые, кстати, я тоже не собираюсь отвечать, – совсем обнаглев, поправила его.

– Женщина, – разозлился снова, сжав рукоять меча, и всем корпусом подался ко мне, не достающей ему даже до подмышек.

Это что, у них ругательство такое? Или он намекает, что я старо выгляжу?

– Желание, последнее желание исполнишь? – совсем обнаглев, нервно облизала пересохшие от ветра губы. – У нас в тюрьмах не принято отказывать в последнем желании людям, идущим на смертную казнь.

О том, что это желание касается исключительно меню последнего ужина, решила утаить, слегка вызываясь смотря на военачальника. Я ожидала многого, но не довольно жуткого смеха. Так злодеи в сказках смеются, вот точно так!

– И чего же ты хочешь, женщина? Чтобы я тебя пощадил? – вон сколько снисходительности в голосе, что аж бесит.

Сам же нарываётся, не виновата я!

– Ты что тупой? Какое тогда это последнее желание?! – вырвалось у меня, а страшный металлический монстр на мгновение застыл.

Почему-то уверена, что осталась с головой в этот момент только потому, что ему интересно, что я хочу пожелать.

– Так чего же ты хочешь? Чтобы я пощадил твоих родных? – угадала, разозлился чуток.

– Нет, о том, чтобы они никогда не встретились с вами, я уже позаботилась.

– Так чего ты хочешь тогда, женщина? – он ступил шаг ко мне, почти приперев своим огромным телом к дереву.

Чешуйки на броне вот-вот порвут мою бедную кожу, но не это страшит меня. Понимая, насколько я мелкая по сравнению с ним, заставляет меня ещё больше нервничать. Тяжело выразить свое глупое желание, даже если оно, как планирую, спасет мою жизнь. Вместо того чтобы твердо сказать, испуганно шепчу:

– Поцелуй.

– Что? – в ту же секунду послышалось от монстра.

Кажется, он не расслышал, или попросту не поверил моим словам. Вот и как мне это снова произнести вслух? Мандраж от первой попытки ещё не прошел. Глотаю воздух ртом и резко втираю ему заранее заготовленную историю:

– Мне девятнадцать, у большинства девушек из моей деревни уже дети есть, а я ни с кем ни разу не целовалась. Не хочу умирать, по крайней мере, не целованной.

Вот, сказала и сама себе не верю, у меня должно было быть глупое и простое лицо и интонация простушки, а получилось очень быстро и неправдоподобно. Стоит монстр напротив меня, и, что-то мне подсказывает, что он в шоке. Через какое-то время военачальник отошел от шока и выдал:

– Ты хочешь поцеловаться? Со мной?

И тон у него такой, что я не выдержала и с горящими от стыда щеками ляпнула:

– А ты тут ещё кого-то кроме себя видишь?!

Вторая волна шока накрыла монстра, и я уже жалею, что кинжала или ножа у меня нет, уже бы прирезала его. Потом он снова засмеялся и отошел на шаг с целью оценивающе оглядеть меня с головы до пят.

– Ты не боишься меня? – как-то снисходительно спросил.

– Боюсь, но ты же все равно меня убьешь. Так почему же не исполнить свое последнее желание?

– А не боишься, что я захочу большего? – наклонился почти к моему лицу, и металлическая рука убрала прядь волос

с лица.

– Многие хотели, – оскалилась, убирая металлическую клешню от лица, – хотелка ломалась.

– И что же, правда, не целовалась никогда? – голос полный иронии.

Неужели понял, что я хочу сделать? Да нет, судя по тому, что я о нем знаю, логика явно не его конек.

– Нет.

– А не боишься целоваться с монстром? – опять этот снисходительный тон, который в конец меня выбешивает.

– Да что ты ломаешься, как баба? – фыркнула, понимая, что мой план сыграть в простушку пошел к черту, и надо хоть как-то заставить его снять шлем.

Пытаюсь схватить шлем и снять его, но меня хватают за запястья, больно сжимая их.

– Или что, ты боишься маленькой беззащитной девушки? – спрашиваю, ухмыляясь и играя на его нервах и гордости.

Он внезапно отошел на шаг и одной рукой скинул свой шлем. Ветер развеял длинные черные волосы, мужское лицо, изуродованное шрамами и гримасой злости. Самый большой шрам пересекает наискось все лицо. Когда-то он был безумно красив, но теперь лицо огрубело, и о былой красоте напоминают лишь черные выразительные глаза и немного полноватые губы. На правом ухе висит серьга из золота, напоминающая лезвие тонкого меча. С виду обычный человек,

вот только кожа сероватого оттенка. Может быть, он ожидал от меня удивления или, что наиболее вероятно, отвращения, однако я уже видела его, причем не только без одежды, но и даже слегка мертвым. Меня вообще теперь ему будет трудно удивить. Хорошо, что он не знает, что кроме его кабинета я и в спальне побывать успела.

– Не передумала? – холодный, почти безразличный вопрос, и прежде, чем я успела хоть что-то сказать, он оказался рядом и сжал в жестких объятьях.

Мне показалось, весь воздух выбили из легких, и тогда холодные губы накрыли мои в жестком поцелуе. Одетые в металл руки грубо прижимают к себе, к холодным доспехам, держа так, чтобы ноги не касались земли.

Было как-то странно, новые непонятные для меня ощущения, которые я решила запихнуть куда подальше, сосредоточившись на цели – высвободить зажатые руки, хотя бы одну. Есть у этих тварей одна особенность, им тяжело дышать нашим воздухом, для жизни им нужно дышать воздухом, который создают специальные синие растения с их родины. Шлем же содержит пыльцу этих растений, а без него они долго находиться на нашем воздухе не могут. Не то чтобы надеюсь, что пока мы будем целоваться, он задохнется, это было бы очень глупо с моей стороны. А вот шанс, что я дотянусь до серьги и всажу ее ему в шею, более реальный. Увы, к моему великому сожалению и досаде, держит слишком крепко, не давая возможности, не то что руку вытащить,

но даже банально на поцелуй ответить.

Чудом отрываюсь от его губ и зло говорю:

– Да ты вообще не стараешься!

Прежде чем он успел вспомнить, что поцелуй в желании был лишь один, сама его поцеловала, припомнив давнюю летнюю практику на помидорах. Горячий язык ворвался мне в рот, причем язык странный, немного раздвоенный на конце, отчего мне захотелось плевать. Было, мягко говоря, неприятно и щекотно, и я попыталась вырваться, но мне не дали. Решив, что хуже не будет, стала опять шокировать монстра, приняла его раздвоенную гадость, для пущего эффекта запрыгнула на него, сжав ноги у него за спиной. Точно раны останутся, и никакая броня не защитит от этих колючих чешуек.

Поцелуй на секунду прекратился, военачальник сказал что-то на другом языке или просто зашипел, а у меня по телу прошлись мурашки, а потом поцелуй продолжился куда нежнее, чем до этого. Хватка стала не такой жесткой, и я смогла высвободить одну руку. Осторожно и очень медленно двинулась к шее. Когда пальцы коснулись прохладной серой кожи, он напрягся. Затаила дыхание, ожидая его реакции, но она не последовала. Рука двинулась выше, ласково поглаживая его удивительно прохладную кожу, прошлась по шее мимо кончика серьги и схватила волосы на его затылке. Сжала руку, заставляя крепче прижаться к себе, почти сразу почувствовала, как меня придавили к дереву. Металличе-

ская клешня дернула за ворот кожаной брони, и я поняла, что у него хотелка ломаться не будет, если так и дальше продолжит.

Быстро схватила серьгу, как выяснилось очень острую, и вставила ее в шею, как спицу. От его крика дрогнула земля, или это случилось от того, что меня вышвырнули на скалу, которая, вполне ожидаемо, оказалась далеко не мягкой и пушистой. Боль пронзила спину и бок. Из последних сил открываю глаза, хотя меня так и тянет во тьму.

Он вытащил свою серьгу из шеи, кажется, я сорвала ее с уха, разорвав его. На его лице промелькнул целый калейдоскоп эмоций, понять которые я уже была не в состоянии. Похоже, их кожа крепче, чем наша, серьга порезала мою ладонь до мяса, его шея еле заметно кровоточила, как от простой иголки. Не честно! Получается, у меня с самого начала не было и шанса. Сил сказать что-то не осталось, оставалось лишь одно желание, чтобы все это скорее закончилось. Пусть никто не узнает, на что я пошла ради попытки выжить.

Несколько шагов и он уже возле меня, нагибается, а я покорно жду, когда меня лишат жизни.

– Что же ты наделала? – касается моей пылающей болью разрезанной ладони.

Ему что мало того, что ранил меня, поковырять надо ещё?

– Теперь я не смогу убить тебя, – вторая рука коснулась щеки, убирая мои волосы, он улыбнулся жестоко, – жена.

Глава 4. Как меня отправляли на задание.

Меня отправили на задание без подготовки в тот же день. Ну как отправили, после гениальной фразы: «При необходимости обеспечить ваше возвращение», я сорвалась. Руки сами потянулись набить морду и Фереру, и Кромовскому. Меня даже Настасья остановить не смогла, когда мой весомый кулак исправил форму носа Фереру.

Дальше я плохо помню, чем их лупила, однако то, что главнокомандующий получил от меня по лысеющей башке подносом, в памяти сохранилось. Старые генералы и магеса в побоище не вмешивались, либо решили быть на стороне тех, кто победит, либо пребывали в сильном шоке. Где это видано, чтобы какая-то кухарка несколько генералов и главнокомандующего избивала? Мужики испуганно кричали и кидались врассыпную, наматывая круги вокруг стола от злющей меня с подносом наперевес. Увы, эта весьма комичная сценка закончилась внезапно, когда Ферер вдруг вспомнил что у него, вроде как есть яйца, и не слишком культурно схватил меня за ноги, забросив на свое плечо.

– Видите, я же говорил: она то, что нам надо! – самодовольно сообщил он, не обращая внимания на кровь, хлещущую из его носа.

Мне не осталось ничего лучшего, как зло завизжать и двинуть локтем по спине. В ответ по моему заду хлопнула большая ладонь, так что я на секунду опешила.

– Успокоилась? А теперь можно и инструктаж проводить, – слащаво проговорил мужик, не убирая руки с моей филейной части.

Кое-как размахнулась и изо всех оставшихся сил так влепила ему подносом по заднице, что он мигом меня выронил.

– Ах, ты... – зашипел на меня мужик, явно собираясь отомстить за пятую точку.

– Достаточно! – вмешалась Настасья, встав между мной и этим самовлюбленным павлином. Жалко-то как, я ему еще хотела накостылять! Пусть знает, что его даже обычная кухарка побить может!

– И правда, достаточно! – подал голос Кромовской, прикладывая бокал к ушибленной челюсти. – Стража! Связать ее!

Меня тут же упаковали в веревочки и убрали грозное оружие подальше. Вот же гады, дружков послали, потому что сами со мной справиться не могут! Ну ладно, я с этого задания вернусь и как отомщу, так отомщу, что им в разы хуже будет!

– Ведите ее на корабль! – бросил Кромовской страже.

– Вы мне за это заплатите! – заорала, пока меня силой тащили на выход из палатки.

– Конечно, конечно... – улыбнулся Ферер, с окровавлен-

ным лицом и опухшим носом улыбка больше походила на оскал.

– Урод! – бросила я зло и погрозила ему кулаком перед самым выходом.

Через лагерь меня тащили насильно, причем под ошеломленные взгляды солдат. Да уж, позора не оберешься. К тому же я не могла никак успокоиться и зло посылала проклятья на всех генералов, военачальников и демонов вместе взятых.

К моему удивлению меня потащили не к конюшням, а к небольшой площадке, где располагался корабль. Это был самый настоящий корабль, только от кормы у него шли веревки, удерживающие огромный серый шар, наполненный воздухом. Возле корабля суетились люди в черных мантиях – маги. Рассмотрев несколько из них, пока приближались к кораблю, с ужасом понял, что это подростки.

Настасья и Ферер нагнали нас почти у самого корабля, причем нос молодому генералу подправить успели. Подростки с опаской косились на брыкающуюся меня и стражу. Еще бы, я то и дело норовила двинуть одному из них локтем или на ногу наступить.

– Ну что же, Любава, в путь-дорогу! – издевательски улыбаясь, проговорил Ферер и первым ступил по трапу на борт.

Настасья скривилась, но ничего не сказала, обернулась к детям и дала им указания к вылету. На летающем корабле я была впервые, меня затащили на палубу и привязали к мачте. Стражи поклонились Фереру и ушли. Этот гад опу-

стился возле меня на корточки и гадко-гадко улыбнулся.

– Думаю, это задание ты запомнишь до конца жизни, – сладковато произнес он, убирая прядь волос с моего лица.

– Это ты запомнишь меня до конца жизни! – моя нога нашла цель в виде коленки этого урода и с удовольствием ударила ее со всей силы, опрокинув его.

Мужчина зашипел и бросился ко мне, но его остановила Настасья. К ней я сейчас чувствовала смешанные чувства, она как бы мне сочувствовала, но при этом даже не подумала помочь.

– Вас ждет каюта, генерал, – холодно отозвалась она.

– Взлетаем! – крикнул парень на корме, и судно медленно и плавно поднялось в небо.

Почти сразу магесса развязала мне руки. Посмотрела на нее, показывая, что я думаю о ее такой помощи, и та виновато опустила голову.

– Ты знаешь, у нас нет выбора, – прошептала она виновато.

– Если так все время считать, так оно и будет, – хмуро просветила ее и растерла ноющие запястья.

Посмотрела на горизонт, мы медленно поднимались, но я не чувствовала резких движений, как будто просто за бортом меняется картинка.

– Ты найди способ предупредить наших, судя по всему, у военных чести нет. Когда я не справлюсь, командующий легко может стереть нашу деревню от злости, – бросила ей,

невольно признав, что дела мои очень плохи.

Я вышла на нос корабля и глянула вниз на огромный раскинувшийся лагерь. Даже переодеться не дали! На мне сейчас белое платье в пол с ярким красным передником поверх, волосы убраны под белый платок, который почти развязался.

– Ну что же, к линии фронта лететь несколько часов, так что мы начнем инструктаж, – снова вернулся этот гад, Ферер! Что ему в каюте не сиделось?

– Да не пошел бы ты в... – резко повернулась к нему, но вдруг корабль резко качнуло, что я, потеряв равновесие, чуть не выпала за борт судна. Ферер буквально за шкуру меня вытащил.

– А вот самоубийство я не приветствую, дорогая Любава. В наших общих интересах, чтобы вы достали планы, – слащаво проговорил он, ставя меня на ноги.

Хмуро уставилась на него, вот только почти сразу появилась тошнота, когда воздушный корабль качнуло в сторону. Кто же знал, что я так высоты боюсь? На дрожащих ногах добралась до мачты и прижалась к ней всем телом.

Там же до чёртиков высоко! Очень-очень высоко! Меня мутило от одной мысли, что будет, если эта летающая хрень упадет. Если учесть, что ни о чём другом думать я не могла, мутило меня все время. Так вот в обнимку с мачтой, зажмурившись от греха подальше, я всю дорогу до фронта слушала указания Ферера. Хотя на самом деле я всего лишь пыталась слушать, пока он делился оперативными сводками, где сей-

час армия, дислокация штаба, пытался заставить меня выучить сложную легенду, вручив новые документы. Но это все было впустую. Поскольку меня так воротило, что я ничего не понимала из всей его болтовни.

– Мы приближаемся к линии фронта! – объявила Настасья, и я впервые за день обрадовалась.

Земля! Мать вашу, земля! Твердая, большая! Не падает!

Моей радости не было предела, так сильно мне хотелось оказаться внизу. На четвереньках поползла, чтобы взглянуть на линию фронта и почти сразу пожалела о своем решении. Мир качнулся, как только я смогла разглядеть вдалеке огромную чёрную тучу, нависшую низко над деревьями. То, что сначала показалось мне тучей, на самом деле было высокой стеной темного густого дыма, настолько неприглядного, что в этой черноте нельзя было ничего разглядеть. Кажется, слова о том, что на территорию Анталты наступает тьма, оказались буквальными.

– Что это? – спросила, падая обратно на палубу. Меня все еще тошнило не по-детски, так что я не решалась еще раз туда посмотреть.

– Тьма, ее создают специальные машины врага, – ответил Ферер, всматриваясь в горизонт.

– Она опасная? – спросила, валяясь на палубе. Кажется, никого не волнует мое поведение, ну и ладно.

– Мы не знаем, это одно из твоих побочных заданий, узнать, зачем они напускают ее, – проговорил Ферер под мой

горький стон. Да они хоть что-то за эти годы узнали? Такое впечатление, что их разведка все это время ничем не занималась, а теперь за мой счет они хотят реабилитироваться.

– Мы почти у границы! – крикнул какой-то парень-подросток, и Ферер подхватил моё тельце на ноги.

Ноги меня держать не хотели, так что я от души вцепилась в руки генерала, попутно вонзая ногти в кожу. Пусть знает, что я злопамятная! Меня подвели к краю, и я несколько растерянно уставилась на тьму внизу. Ничего не было видно, совсем, такое было ощущение, что мы плывём в воздухе по чёрному морю. От изумления даже тошнота куда-то испарилась.

– Ну что же, Любава, вам пора, – ухмыльнулся генерал.

– Куда? – ошарашенно уставилась на него.

– Туда! – кивнул он на чёрное «море».

– Не хочу! – взвизгнула, пытаясь оторваться от мужчины и сбежать, но тот, держал крепко, так что руки жутко болели.

– Ну, что вы дергаетесь?! Анталта прежде всего! Вперед за короля! – с натягом говорил он пафосные речи, пока я обеими руками и ногами вырывалась, не собираясь уступить. Мысль о том, что меня просто хотят бросить за борт, щеко-тала нервы и не давала уступить.

– Да пошли вы со своей страной и королем! – ругалась я и, выгнувшись, цапнула мужчину за плечо через китель.

– Ну-ну, красотка! За такие вещи и повесить могут! – издевательски заулыбался Ферер, он был сильнее, так что я

уступала, скользя ногами по палубе.

– Отпусти! – закричала, от всей души лягнув этого дес-
пота.

– С удовольствием! – прошипел мужчина и попытался вы-
бросить меня за борт.

Закричала в ужасе и схватилась руками за перила, не да-
вая себя выкинуть.

– Вы что делаете?! А спуститься?! Я в лепешку разобьюсь,
и некому будет ваш безумный план исполнять! – на это муж-
чина только безумно захохотал, что напугало до чёртиков.
Сумасшедший! Просто сумасшедший!

– Настасья! – заорала я во все горло магессе, которая сто-
яла в нескольких метрах, не двигаясь. Она шагнула ко мне,
так что я протянула к ней руку, пытаюсь отбиться второй от
генерала.

Рука девушки схватила мою и тут же меня пронзила ужас-
ная боль.

– Это метка. По ней ты сможешь связаться со мной, но при
условии, что я буду не очень далеко от тебя, – сказала она
бесцветным голосом, отпуская горящую от боли мою руку.

– Настасья! – заорала зло, потеряв от шока преимущество.
Ферер подхватил меня на руки, хоть я и брыкалась.

– До скорой встречи, дорогая! – пафосно заорал он и бро-
сил меня в темноту. Вниз я падала, вопя, с закрытыми глаза-
ми и судорожно сжимая в кулаках погоны с кителя генерала.

Глава 5. Монстры.

Приземление было специфическим. Меня охватила тьма, потом я сначала спиной, а затем боковой встретилась с веткой, затем еще и еще с одной... Когда в конечном итоге с двухметровой высоты свалилась на землю, крепкий мат не вырвался из моего рта исключительно потому, что падение выбило из груди весь дух.

Отойдя от боли и злости, нерешительно огляделась. Лес как лес, не видно темной тучи, это где же они меня выкинули, уроды? Поднялась на ноги и поковыляла непонятно куда. Весь инструктаж прослушала, балда. Что делать – не знаю, куда идти – тоже не знаю.

В общем, иду я, иду и тут догадываюсь посмотреть на небо, а там черные облака, сквозь которые еле видно солнце. Я ведь дура даже не подумала вверх посмотреть, с чего-то решила, что банально погода испортилась. Вот уставилась я на небо, размышляя, зачем эти облака нужны, да и не заметила, как оно ко мне подкралось. Что-то холодное коснулось бока, но я не обратила на это внимания. Ну, ветка ну и что? Снова что-то коснулось, и я не удержалась и толкнула это что-то обратно. Что-то странно прошипело сзади, и пришлось повернуться посмотреть.

Не заорала я исключительно потому, что сначала не поняла, что это такое. Когда же это нечто двинулось ко мне,

тыкая длинным таким мечом, то бросилась бежать с диким криком. Но, похоже, я выбрала не тот путь для побега, потому как, продираясь сквозь кусты, оказалась на огромной поляне, кишашей этими тварями.

В то, что они люди верилось с трудом. Высокие, выше наших мужиков, плечистые, чисто теоретически, потому как размеры их амуниции впечатляли. Наша амуниция легче и не такая прочная, как их, в основном это легкая или тяжелая броня, в зависимости от оружия которым владел мужчина. Каждый солдат наших противников в свою очередь был одет в такую громадную амуницию, что казалось, они все с головы до ног закованные в броню. Черный, незнакомый мне металл, поблескивал даже при тусклом свете. Особенно впечатляла сама структура брони, если в древности под похожие одежды мужчины надевали кольчугу, то в варианте захватчиков она была не нужна. Шлемы полностью закрывали им лица и шею, плотно прилегая к груди, отчего воины казались похожими на ожившие металлические статуи. Я слышала от раненых жуткие истории о том, что их заставляли бороться с воинами из стали. Оказывается, мужчины не врали, в защите врагов нет прорех, разве что уязвимыми остаются узкие щели для глаз.

В паре метров от меня несколько таких железных человек пытались установить странного вида палатку. Настолько ослепительно блестящего материала, как этот, я не видела никогда раньше. Палаток было очень много, но стояли они

подальше, а где-то вддали виден какой-то замок. Мне туда надо? И как я проберусь туда через целую армию.

Железные твари оторвались от работы, стоило мне вывалиться на поляну. От множества обращенных на меня взглядов по спине пробежал холодок. Я же не воин! Что я тут вообще забыла?

Другие монстры окружили меня, что-то шипя и также угрожая оружием. Собрались в кучу, угрожая одной единственной безоружной мне. Они начали шипеть, и я не сразу поняла, что это их язык такой. Ну и как я планы их сворую, если не знаю ни слова на их языке? Ферер, скотина, как он не подумал об этом? Что делать, я толком не знаю, ситуация плачевная для меня. Может они там решают, как лучше меня убить, я же не знаю. Надо что-то придумать и быстро.— Ой, кустами ошиблась! — сказала, выдавив улыбку, и решила вернуться тем же путем что и пришла. Повернулась и чуть не завизжала при виде меча, направленного на меня. По ходу монстр из леса меня догнал. Чудовище что-то зашипело и начало тыкать в меня своим длинным мечом, чтобы я отходила назад к его собратьям. Какая лажа-то!

— Какие глазки у вас в прорезях красивые! — выдала я первое, что пришло в голову, проверяя, понимают ли они меня. Шипящие железные монстры сразу же перестали шипеть и во все глаза уставились на меня. Здесь-то я поняла, что меня понимают и, судя по всему, я ляпнула что-то не то.

— Я тут в лес пошла, грибы собирать и заблудилась. Спа-

сибо вам большое, что выбраться помогли. Ну, теперь я, кажется, нашлась, так что пойду домой, пожалуй, – невинно улыбнулась, глупо хлопая глазами и изображая полную дуру, и осторожно двинулась в сторону.

Стальная рука схватила меня за локоть, когда я уже подумала, что моя бредовая история прокатила.

– Женщина! – проговорило одно из существ, разворачивая меня к себе лицом. Сначала я не смогла понять, чем этот индивид отличается от остальных, кроме того, что разговаривает на понятном языке. Сравнив его с остальными, я нашла одно отличие в амуниции: две серебряные полосы на левом плече. Он среди них самый высокий в звании, что ли?

– Мужчина? – не удержавшись, с издевкой спросила у него.

– Ты чего нас не боишься? – с явной претензией поинтересовались у меня, другие также что-то зашипели в подтверждение.

– А что должна? – играя в дурочку, испуганно сжалась, озираясь, – А Вы вообще кто?

Наступила какая-то странная тишина, пока их главный сверлил меня взглядом из щелей.

– Ты откуда такая? – спросил мужчина.

Мой персональный концерт продолжается, так что я надула губки и, теребя косу, отвечаю:

– Не скажу!

– Почему?

– Мне маменька запретила, – придаю голосу совсем детское звучание, при том, что я уже далеко не ребенок. Играть в дуру можно в любом возрасте, главное делать это мастерски, полностью погружаясь в роль. Наступило молчание, за время которого я изо всех сил сдерживала издевательскую ухмылку. Металлические монстры уставились на меня во все щели... какое, однако, неприличное выражение получается.

– Мы здесь уже два дня. Ты что все это время в лесу пробыла? – кажется, мне не верят.

– Я не понимаю, а вы вообще кто? Маменька будет ругаться, если я буду с незнакомыми дядями говорить, – после этой моей невинной фразы несколько металлических тварей что-то зашипели на своем языке. Их главный в ответ очень резко зашипел.

Меня схватили под руки, так что я испуганно закричала:

– Не трогайте меня! Мамочка!

Под мои громкие вопли и не очень активные сопротивления меня потащили через весь лагерь. Сопротивлялась я не сильно, мне хватило утреннего шествия по нашему лагерю. Так что сейчас я лишь громко ревела, старательно кривя рожу и обещая всем удивленным металлическим чудовищам, что маменька их накажет. Привели меня к группе пленных селян, там и оставили почти с радостью.

– Дитя, ты откудава? – спросила сразу дородная старушка, перепугано на меня смотря.

Я осмотрела всех селян и про себя отметила, что осталось

их мало, причём в основном бабушки и дедушки.

– Оттудова, – ткнув пальцем в небо, отвернулась от охранявшего нас отряда из пяти металлических гадов. Бабка испуганно пискнула, удивившись тому, как я сразу стала серьезней. Остальные бабушки и дедушки с интересом обступили меня со всех сторон.

– Молодых давно уже забрали, еще в первый день, как деревню захватили. Ты чья будешь, девка? – спросил дед, смотря на меня с прищуром.

– Своя собственная! – ответила ему, гордо вздернув подбородок, на что дед улыбнулся и многозначительно выдал «наша».

– Куда их забрали? – спросила я тихо у бабушки.

– Да кто же знает, деточка. Там дети мои были, внуки и всех забрали, – у нее на глазах выступили слезы, – Знать бы, живы хоть.

Сердце сжалось от боли, а ведь я тоже не знаю, как там сестры и отец. Война приносит в жизнь страх, что останешься совсем один, а всех, кого ты знал и любил, просто не станет. Я обняла бабушку, поддавшись порыву, и лживо пообещала надежду, сказав старой женщине, что все будет хорошо. Врала себе, ей и остальным, но это ложь во благо, падать духом в неволе все равно, что умереть.

– Чего они вас тут оставили? – спросила, разомкнув объятия.

– Да кто же их знает, супостатов чертовых? – развел ру-

ками дед.

– А я слышал, что их главный сегодня приезжает, ему, видеть, обслуга нужна, вот нас и оставили, – заговорил другой дедок, он сидел на соломе, в таком почтенном возрасте держаться на ногах ему было утомительно.

– С собой, что ли, слуг не привезли? – удивилась немного.

– Здесь одни солдаты, мы за два дня их без амуниции пока не видели. Наши-то даже не воевали, сразу ушли за горы, как только тьма на горизонте показалась, – рассказала еще одна бабушка, сидящая рядом с дедушкой на сене.

– Из дома забрали, скот увели, детей увезли. Как жить-то дальше... – проговорила другая бабулька и, закрыв лицо морщинистыми руками, разрыдалась.

– Ну что ты плачешь, Матрена! Живы дети, живы! Главное верить, Спаситель поможет! – поджал губы самый первый дедок.

– Тебя как величать, девка? – спросил он у меня сразу же.

– Любава я, дедушка. А вас как величать? – улыбнулась добродушно, меня всегда учили уважать старших.

– Дедом Тимофеем, я в нашем Желобке сельским старостой был.

– Меня Любой величать, девочка, – представилась добродушная старушка, а за ней и остальные. – Ты присядь, присядь, деточка. Они нас тут уже два дня держат, под небом темным. Слава Спасителю, что хоть дождь не пошел.

Они что стариков на сеновале держали два дня подряд?!

Совсем, что ли, сдурели?! Как не стыдно старость не уважать!

– Они хоть вас кормили? – с мрачным выражением лица спрашиваю у стариков.

– Да где там, деточка. То, что из дома успели прихватить, то и едим, – помотала головой бабушка и достала из кармана широкого платья яблочко. – А ты кушать хочешь, девочка? Так возьми покушать, ты молодая, сильная, вся жизнь впереди. Это мы свой век доживаем, нас потому и не жалко.

Отрицательно покачала головой, чувствуя ужасную злость. Это как так можно, с пожилыми людьми поступать?! Чертовы изверги! Я им еще покажу!

– Странные они вообще, деточка, я и сам не замечал, чтобы они хоть что-то ели за эти два дня, – ответил староста, потирая бороду.

– Да это потому, что не живые они! Куда Спаситель смотрит, демоны это! Демоны из ада! – запричитала бабушка, с испугом смотря на одного из воинов, проходящего мимо.

Это заявление мне показалось странным.

– Может, они готовить не умеют? – предложила я версию.

Как-то раз мне рассказывали историю о том, что однажды целый полк голодал лишь потому, что повара убили, и никто не знал, как готовить на такую ораву. Мужчины вообще странные существа, считают, что готовить – это обязанность женщин, а если женщина не может готовить, то им проще сидеть голодными, чем приготовить самим. Это правило ка-

сается не всех мужчин, но что если весь этот странный народ монстров – такое вот сборище самородков?

Мою идею никто не опроверг, потому что начался какой-то переполох. Нас держали в десятке метров от единственной дороги, ведущей в старый замок, но этого было достаточно, чтобы увидеть все представление в полной красе.

Металлические уродцы быстро двигались, собираясь в две широкие шеренги по бокам от дороги.

– Главный их, что ли, едет? – предположил староста, и мы дружно начали вглядываться вдаль.

Что-то черное быстро двигалось и, стоило ему приблизиться, я поняла, что это какое-то странное животное. Одна из бабушек испуганно ахнула, чуть не лишившись сознания. Мне эта почти четырехметровая тварь напомнила чем-то ящерицу. Хвост, лапы, блестящая черная чешуя и хвост. Но самое странное, что эта якобы огромная ящерица была оседлана, и восседал на ней их главный. Он спустился на землю одним прыжком, и вся армия внезапно упала на одно колено, что-то шипя. После этого главарь двинулся в сторону замка. Что-то в этом существе было настолько страшным, что все мои товарищи по несчастью испуганно сжались. Острые шипы как у дикобраза, удлиненный «клюв» шлема, огромный рост, но самое жуткое – это горящие красным рези для глаз.

– Монстр, – испуганно прошептала и, кажется, дышать перестала, от того, что мне показалось. Показалось, что те са-

мы горящие «глаза» смотрят прямо на меня.

Глава 6. Кощунство на кухне.

Монстр ушел, и мы со стариками смогли выдохнуть. Это же надо, чтобы «такое» стояло у них во главе. Они, наверное, его до мокрых металлических штанов бояться, даже не думают подниматься, хотя монстр уже скрылся за воротами замка. Пока я в уме думала, успеем ли мы со стариками сбежать, пока эти тугодумы поймут, что главного уже нет, они поднялись и принялись расходиться по лагерю.

– Вон, один идет по наши души, – сказал старейшина, и остальные старики с обреченным видом встали с сена.

Я как все обернулась в сторону замка, откуда деловито шагал один из металлических человечков. Правда, он немного отличался от остальных, шлем его имел причудливую форму, чем-то напоминающий совиную голову. Бабушки и дедушки вдруг обступили меня, как будто пытаюсь защитить от него, так что я почувствовала смешанное чувство жалости и гордости за них.

Уродец встал напротив насупленного старейшины, но вместо того, чтобы смотреть на него, почему-то глядел исключительно на меня. Мне ничего не оставалось, кроме как осторожно обойти дедушку и, скрестив руки на груди, встать на защиту старших.

– Чего надо? – очень некультурно и не скрывая вызов, заинтересовалась у этой «совы».

Металлическое изваяние зависло, как будто не ожидая от меня подобной фразы, и я запоздало вспомнила, что играю роль деревенской девочки. Пришлось срочно опускать руки, строить заплаканную рожицу и слащавым голоском поинтересоваться:

– Дяденька, а когда нас домой отпустят?

«Дяденька» отмер и решил, что совершил ошибку, потому как попытался взглянуть на старейшину, недоуменно смотревшего на меня. Но выбирать себе собеседника было уже поздно, так что «дяденька» сдался и заговорил, обращаясь ко мне:

– Вас не отпустят домой. Вам выпала огромная чес...

– Как не отпустят? А как же матушка? Как же коровушка моя, Зоренька? А свиньи мои как? С голоду помрут же!!! Мы, кстати, есть хотим, чего тут пленных не кормят?! Со всем не совестно, что ли, вам, так со старшими себя вести?! – щебетала, играя в простушку, мне не сложно, как говорится, как выгляжу, так и действую.

«Дяденька» попытался снова заговорить с дедом, но я и шанса не дала, горестно заплакав и закрыв глаза руками (ибо слез там и в помине не было), завыла на всю долину:

– И что же с нами теперь будет?

– Вы будете работать в замке, пока главный военачальник, Артал Устрашающий будет находиться здесь. Надеюсь, вам все понятно? – голос у них какой-то странный, может это из-за брони? Но по-нашему они говорят неплохо, к моему

удивлению.

– Устрашающий? Это что, у него имя такое? Он реально, такой страшный? – сделала глаза побольше, мол, удивлена такой пафосной кличке, любят же мужички себе соответствующие клички придумывать. Слышу отчетливый скрип зубов, не из-под шлема же, да?

– А что за работа-то, хлопец? Мы как-то не в том возрасте, чтобы батрачить, милоч, – спас меня от гнева «дяденьки» дед Тимофей.

– Убирать будете, на кухне помогать. Мы знаем, что ваши старики слабы, потому и оставили вас здесь. – При этом щели опять уперлись в заметно выделяющуюся меня.

– А что с детками нашими-то? Куда их забрали? – баба Люба выступила вперед, ее глаза были полны слез, а старые сморщенные руки мелко дрожали.

«Дяденька» молчал, трудно было сказать почему.

– Где наши дети, внуки? – подержала бабу Любу толпа стариков.

– Они живы, пока что, – ответила «сова» наконец, и баба Люба схватилась за сердце.

– Вы что совсем, что ли?! Такое старому человеку говорить? – прошипела на него, помогая бабушке сесть обратно на солому. – А если она умрет?!

– Если она умрёт, это будет всего лишь еще одна жертва на войне и ничего больше, – безучастно ответило это отвратительное существо, и мне захотелось дать ему по металли-

ческому клюву. Я даже подалась вперед и остановилась от него на расстоянии удара, вот только тварь выше меня прилично, в размерах больше, да и, похоже, не видит она во мне противника.

– Жертвы на войне – это солдаты, те, кто должен защищать страну и свои семьи. Она же просто бабушка, она – не жертва войны, она, как и все остальные, жертва вашей бесчеловечности! – выпалила на одном дыхании, так что сердце забило дробь в ушах.

– Мы не люди, нам ваши человеческие законы не писаны.
– Действительно, вы не люди. Люди знают, что такое уважение к старшим и не заставили бы стариков голодать и спать под открытым небом двое суток! Вы не люди, вы монстры! – меня понесло, причем конкретно. Главное, что мое пылкое высказывание не осталось незамеченным. Остальные металлические человечки начали обступать нас со всех сторон и что-то страшно шипеть. Зрелище было настолько страшным, что я решила сразу привлечь «сову», ибо тот и не думал отгонять от нас своих солдат.

– А можно мне на кухне готовить, я готовлю очень хорошо, – хлопаю глазками, мило улыбаясь, но чего-то после моих предыдущих слов верить мне никто не торопится.

– У нас есть собственный повар, не хватало, чтобы вы монстра... Артала Устрашающего отравили!

Сдается мне, что и в мою заведомую невинность никто уже не верит. И как он догадался, что я собиралась сделать?

Мне же не показалось, что он собственного командира монстром назвал? Если я их монстрами считаю, то насколько ужасен тот, которого они сами монстром называют? Монстр монстров? Самое ужасающее существо в мире? Может, у меня и в самом деле получится его отравить?

– Да что вы такое говорите? Да я бы никогда... – оборвала эту фразу, дабы никто не смог поймать на слове.

– Идите в замок, быстро! – вместо ответа приказал «сова», развернулся и пошел в сторону замка. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним под шипение его солдат. Что-то мне подсказывает, что всё пошло явно не по плану. Как мне теперь сельскую дурочку играть?

Ну, может, будучи служанкой, легче будет пробраться в кабинет этого самого главного монстра? А дальше-то что? Как потом отсюда убежать? Да еще и стариков бросить, что ли? Как же тяжело жить-то!

Мы пошли по опущенному перед рвом подъемному мосту и остановились на входе. Все потому, что внутри металлических человечков не было. Даже тот же «сова» вдруг снял свой шлем, позволяя черным волосам почти до задницы укрыть броню. К нему подбежал один из солдат. У него тоже не было шлема, и я невольно вытаращилась на его темные до лопаток волосы, завязанные в тугую косу. Лицо его при этом было очень симпатичным, но, как мне показалось, слегка сероватым. Когда солдат помог снять амуницию с рук и ног «совы», тот повернулся к нам. Черты милovidные, на

первый взгляд мне показалось что женские, так что я не удержалась и ляпнула:

– Баба, что ли?

Черные глазки прищурились, миловидное личико скривилось, и я решила не сходить с опасного пути:

– Со шлемом вам лучше было, солидней, так сказать. Может, наденете обратно?

А что я? Я ничего! С чего я должна быть тактичной? Не надо было на мою страну нападать, женоподобный уродец!

Солдат, помогавший ему раздеться, что-то удивленно зашипел, на что «сова» – резко на него шикнул.

– Не груби, девочка, – остановил меня старейшина, так что я решила закрыть свой рот от греха подальше.

«Дяденька», как действительно оказалось в кавычках, подошел к нам и решил усмирить грозным взглядом, высоким ростом и... серым цветом лица? Посмотрела на солдата, потом на остальных, все их лица мне тоже показались какими-то серыми, что ли.

– А вы чего серые, отравились чем-то? – предположила, невинно хлопая глазами. То, что они такие от природы было и так ясно, но после моих слов личико «совы» скривилось еще больше, отчего на моей душе стало очень приятно, – еще говорили, что повар не отравит.

– Вас спасает только одно, девочка, никто из вас больше никогда не покинет этот замок, – мрачно произнес он, и я съежилась.

Нет, я догадывалась, что нас всех в конце убьют. Это было очевидно, мы же можем многое узнать за то время, которое нам позволят жить. Но все же, мне хотелось верить в лучшее. Отвернувшись и громко во весь голос зарыдала, прижавшись к бабе Любе и всхлипывая: «Матушка, как же так!!!». Кажется, в этот раз я сыграла очень убедительно, потому как страшно мне было по-настоящему. И как мне спасти стариков от такой незавидной участи? Меня должна высвободить Настасья, но как же они?

– Моё имя Марат Скрытный. Я, по-вашему, управляющий при Артале Устрашающем, за ваши действия перед главнокомандующим буду отвечать я, так что и карать буду вас я. И знайте наперед, у нашей расы нет предрассудков – жалеть старших, а наказание одно – смерть.

Спаситель мой, сколько пафоса прозвучало, как будто целую жизнь репетировал. Однако жутко стало, и несколько бабушек заплакало.

Марат что-то зашипел солдату, и тот развернулся к нам.

– За мной, л-людиш-шки, – прошипел солдат, и я немного удивилась.

Это что получается, они все умеют по-нашему говорить? Но при этом мы совсем не понимаем их язык. Нам пришлось пойти за ним в левое крыло замка. В самом замке было сыро и пахло чем-то странным. Чем дальше мы заходили внутрь, тем чаще я начала замечать необычную вещь, везде стояли цветочные горшки со странным фиолетовым сорняком. Вот

честно: листья длинные, на сорняк похожие и почти каждые пять метров встречаются. Зачем им столько комнатных горшков, да еще в таких местах, где и света-то нет, чтоб они росли? Что-то сомневаюсь, что предыдущие владельцы замка эту гадость разводили.

– Баб Люб, а что это за замок? – спросила тихонько.

– Здесь пан жил, гад редкостный, да правда, сбежал со всем ценным еще до того, как объявили, что враги близко. В молодости я здесь служанкой работала, не думала, что еще на своем веку придётся здесь побывать, – тихо проговорила она, все еще прижимая меня к себе.

Мы остановились в большом зале, здесь странные горшки были повсюду. Солдат встал посреди зала и начал нас делить. Дедушек он сразу послал на конюшни, бабушек разделил на прислугу и кухонных рабочих. Я без спросу пошла сразу за Любой, хотя меня ни в ту, ни в другую группу не включили. Солдатик вообще как-то странно косился на меня все время. Нас отвели на кухню и оставили там. Комната большая, столы, плиты, печи, двери большой кладовой.

Когда из кладовой появился их повар, мы с бабушками испуганно подпрыгнули. Это был мужчина с проседью в темных волосах, завязанных в хвост. Тучный слегка, он поставил перед нами мешок с колбасами и вяленым мясом и скривился. На лице его была седая борода, а цвет кожи был почти темно-серый, так что белки глаз смотрелись необычно белыми.

– Выбросить! – приказал этот их повар с отвращением и вернулся в кладовую. Я с удивлением заглянула в мешок и обомлела. Все свежее, хорошо пахнущее и такое на вид вкусное. И выбросить? Да он что, издевается? Видели бы мои раненые, как эти гады еду выбрасывают! Стариков они не кормили, при том, что еды оказывается полно! Да как так-то?

– Может, мы ее себе оставим, раз уж вы есть не будете? – предложила я тихо, из последних сил сдерживая свою злость.

– Я же сказал: **ВЫБРОСИТЬ!** Вы вообще есть не обязаны, отребья! – поворачиваясь, заревел повар, так что моя рука сама схватила сковородку и припечатала его по лбу.

Сначала мне показалось, что ударила слишком слабо, ибо он остался стоять, поэтому я ударила еще раз, а потом еще, и еще, пока безвольное тельце не упало напрямиком в кладовую.

– И что теперь будет? – испуганно пискнула бабулька.

Пелена злости с глаз сошла, и я поняла, что натворила. Тяжело вздохнула, про себя говоря, что он сам виноват, не надо было еду переводить, когда столько людей в стране голодает.

– Готовить будем, что ж еще, – шмыгнула носом, опуская сковородку на плиту. Мне все больше кажется, что это просто мой кошмар.

Глава 7. Незабываемый ужин.

Мы принялись за работу, сначала убрав на кухне бардак, который там был. Похоже, местный повар совсем не в курсе, что такое нормы гигиены питания – кругом одна грязь и злощастные горшки с фиолетовым сорняком. Сорняк вызвал во мне живое любопытство, зачем он стоит в каждом углу? Традиция такая? Или может они его едят? Словом, взяла я и отломала кусочек, и съела. На вкус безвкусен, как лист салата. Решила пусть стоит гадость заморская, если что в салат какой добавлю. Однако когда через полчаса мой живот жестоко скрутило, и я еле успела найти сортир, поняла, какая это опасная вещь, оказывается. Я несколько часов провела в этой специфической комнате, единственной на этаж, и мне так плохо не было даже после молока с рыбой.

Когда сидеть уже было бессмысленно, пошла обратно. Там я встретила того же солдатика и последовал феноменальный вопрос:

– А где повар?

– Так он это, в сортире засел. Надолго видать, – сделала безучастное лицо, отмывая руки мылом.

– А ты где была? – поинтересовался все тот же солдатик. Да что ему всё нейметя-то?!

– В сортире.

– Ты же с-с-сказала, что там повар.

– Так я ждала своей очереди.

– И? Где тогда он?

– А кто сказал, что я дождалась? Видите, руки мою, почву удобряла. Ясно? – солдатик шутку не оценил, смотрит на меня с прищуром.

– А ты что хотел, мальчик? – спросила Баба Люба с половником наперевес.

– Все ли готово к ужину, спросить послали, – ответил парнишка, косясь на половник.

– Бедненький мальчик, такой молодой, а уже посылают, – схватилась баба Люба за сердце и с сочувствующим видом принялась чистить картошку, не уделяя молодцу больше внимания.

Он взглянул на меня нехорошо, потом что-то зло прошипел, за что тут же получил половником от бабы Вари.

– За что? – возмутился парнишка, смотри, как животворно половник действует: один удар и акцента лишился.

– Будешь мне тут ругаться! – запричитала баба Варя, размахивая половником.

– Вы что наш язык знаете? – удивился парнишка.

– Не знаю, но по голосу сразу поняла – ругаешься! У меня же шесть внуков сорванцов, ругаются как сапожники! – баба Варя деловито хмыкнула и отвернулась обратно к большому тазу с супом.

После этого посрамленный малец ушел, и мы занялись своим делом.

– Ой, Любавушка, зачем вообще ты их выводишь из себя? И повара вон лупанула по голове сильно, теперь в кладовке колбасой связанный без сознания лежит. Ну, как так можно, молодой девице? – запричитала баба Варя через какое-то время.

– А кто его колбасой связал? Не вы ли, бабушки? Так и чего жалеть их, захватчиков этих? Вы хоть знаете, как люди там за линией фронта голодают, а вот эти изверги чего вздумали – еду выбрасывать! Так ему и надо! Когда проснется, я ему еще добавлю! Им всем добавлю! – пообещала, кромсая картошку. Внезапно живот так скрутило, что план мести сам в голове созрел.

– И как ты это сделаешь, девочка? Их вон много-то как, а ты одна. Смотри, чтобы боком тебе не вышло твое злодеяние.

– Так я не одна, мы же вместе, баб Варь! Убивать их не будем, но травить-то можем? – улыбнулась, приобняв бабуку. У меня бабушек и дедушек отродясь не было, умерли от чумы за много лет до моего рождения. Странные ощущения, чувствую себя их общей непутевой внучкой.

– Травить? О, Спаситель! – запричитала баба Оля.

– Ну и как травить-то будем, дорогуша? Да еще так, чтобы ничего нам за это не было? – заинтересовалась баба Варя.

– Вот ту травку видите? Так она ядовита очень, им животы так скрутит – на всю жизнь нашу готовку запомнят! – одна из бабушек как раз протянула руку, чтобы сорвать фиолетовый

листочек. – Так, а вот попробовать самим ее не надо! Я ее уже на себе проверила, два часа в сортире провела!

Чуть не повторила мою роковую ошибку: захотела попробовать эту дрянь!

– Ну и что нам с этой травой делать? В салат добавлять? – спросила баба Люба.

Чего мы только с этой травой не делали, мне даже пришлось прошмыгнуть в другие комнаты, чтобы этот сорняк пощипать. Получалось что у нас и салат, и мясо запечённое, и суп, и даже десерт – пирог с яблоками – абсолютно все было с этой дрянью. Мы сначала думали еще и компот из этой гадости сделать, но она окрасила его в фиолетовый цвет. Пошла я в кладовую за сухофруктами на замену и тут же заметила, что наш повар начал просыпаться. Мне не осталось ничего другого, как свалить на него мешок муки. Что я с этим дядькой буду делать дальше, не знаю, но что-нибудь придумаю.

Еду у нас из кухни забирали целой делегацией, несколько солдат и сам мужик с лицом бабы, в смысле Марат какой-то там. Мы с бабушками в одной части кухни сгруппировались, еда в чанах в другой, вместе с солдатиками. Теперь при свете свечей их лица казались не то что серыми, а какими-то черными.

– Все готово? – спросил Маратик, с прищуром заглядывая в чаны.

– Все готово, милоч, стынет уже! Несите аккуратней! –

это баба Люба вмешалась, она и говорила, что кому и в каких количествах готовить, не понятно как разобравшись в писульках этого повара из кладовой. Странное вообще дело, она, что ли, понимает их язык, а то набор палочек и точек из его книги никто больше не понял.

– Где еда главнокомандующему? – спросил он, оглядывая нас и останавливаясь взглядом на мне.

– Вот она! – показала бабушка на два больших серебряных подноса с тарелками, накрытыми крышками.

Маратик крышки снял и придирчиво осмотрел еду. На что там смотреть-то? Жареная свинина, картошка с травами, салат и похлебка из говядины.

– А повар где? – спросил он, смотря исключительно на меня. Как будто знает, что это я его того этого. Почему всех так интересуется этот вопрос?

– В сортире, – без запинки ответила я, медленно хлопая глазами.

– Найти! – приказал мужик с женским лицом и обратился уже ко мне. – Подойди.

Ну, я подошла, наблюдая, как солдатики умчались по коридору, и не подумав заглянуть в кладовую. Придала своему лицу самое смиренное выражение, поистине ангелочек воплотила.

– Пробуй! – приказал он снова командным тоном, указывая на подносы.

– Зачем?

– Хочу проверить, не отравила ли, – он улыбнулся так холодно, что показалось, как что-то гадкое по спине ползет. Бабки занервничали, да мы с этим сорняком, что только не делали! Я даже в кашу его смолола и все столовые приборы соком легонько смазала, благо он безвкусный. Сделала лицо попроще и как схватила кусок мяса, отломала ломоть хлеба и принялась есть с таким аппетитом и задором, что от блюда с едой меня оттягивали.

– А что такое? Вы же сами сказали есть, вот я и ем! – прошамкала я, строя дурочку и дожевывая мясо, стараясь не думать об адских часах, которые наступят совсем скоро.

– Я сказал: попробуй, а не ешь все! – возмутился Марат. – Бери поднос, понесешь. И чтобы ни кусочка больше не съела.

Оставшийся солдатик взял один поднос, мне же достался второй, куда ручки раньше всего добрались, так что баба Люба любя доложила и мяса в специфическом соусе и хлеба, правда, нормального. Мог бы и сам Маратик занести, нечего было меня заставлять, но я не возмущалась. Такой хороший шанс увидеть этого их монстра монстров, да и обстановку разведать в первый день заключения – просто подарок с небес.

Но какой был облом, когда меня и на порог не пустили, заставили стоять с этим подносом минут десять под дверью. Дверь хорошая, двустворчатая, дубовая, такую выбить тяжело будет. Но хорошо хоть с этой стороны не закрывается, за-сов внутри. Одну из комнат главных покоев увидела лишь

мельком, и то ничего необычного, кроме огромного фиолетового сорняка в вазе в качестве украшения угла, не заметила. К тому же меня смущало, что по обе стороны от входа стояли два здоровых солдата и тщательно делали вид, что они здесь пустое место. Руки уже начали побаливать, как и живот, когда дубовая дверь открылась, являя собой Маратика.

– Заноси! – приказал он, пропуская меня внутрь. Радость от личной встречи с их монстром я решила спрятать, заставив себя выглядеть испуганной. На что не то баба, не то мужик понимающе ухмыльнулся.

Комната оказалась очень светлой, но освещал ее не свет свечей, а какие-то небольшие камни, всего несколько штук в разных углах комнаты, но зато светло было как днем. Так что я вполне смогла оценить роскошную прихожую с большим обеденным столом, на котором красовался поднос с едой, бокал и бутылка чего-то золотистого. Вино белое, что ли? Жаль, но самого монстра монстров поблизости не наблюдалось.

– Поставь новый поднос, а старый убери. Быстро! – раскомандовался Маратик. Ну, а я что? Нарочито, очень медленно ставлю поднос на стол, попутно пытаюсь найти монстра монстров взглядом.

Проблема заключалась в том, что эта комната – центральная, из нее ведут по обе стороны двери в другие комнаты, и с какой стороны, как черт из табакерки, выпрыгнет этот

монстр, не понятно.

– Артал, как тебе ужин? – крикнул в комнату слева Маратик, с ухмылкой поглядывая на меня.

Посмотрела мельком на тарелку, суп он вообще не ел, мясо с пюре лишь поворошил. Чёрт! Ну и как мне его отравить-то? Ладно, еще остался пирог, может хоть он подействует? Из комнат никто не ответил, так что я просто медленно поменяла подносы местами, наблюдая за странной жидкостью в бокале. Сначала я подумала белое вино, но теперь понимаю, консистенция не та. Больше на мёд похоже, вот только он обычно мутный, а этот прозрачный и как будто сверкает. А на вкус какой? Может попробовать? Прикусила губу, не сворую же я его со стола! Мне бы хоть чуточку, интересно же, что там эти монстры пьют. Взяла и подсунула поднос, собираясь нарочно столкнуть бокал на стол. У меня даже почти получилось, когда тонкие серые пальцы почти на лету подхватили падающий бокал.

Подняла взгляд на гада, который так коварно не дал мне осуществить план по захвату иноземного бухла. Но уткнулась почему-то в мужскую спину в черной странной одежде, незнакомец как раз отвернулся и вылебал вожделенную мной чужеземную отраву до последней капли. Да еще такой плечистый, высокий, как скала, а волосы длинные, как у бабы. У них что мода такая дурацкая? Какой же длины тогда волосы у их баб? По земле, что ли, волочатся? Этот, пока ещё мне незнакомый, представитель расы монстров поставил пу-

стой бокал на стол и, совершенно не замечая негодующую меня, двинулся к Маратику!

– Еда ужасна, – сказал он таким надменным тоном, что руки у меня непроизвольно сжались в кулаки. Мы с бабушками готовили весь ужин вместе, им было тяжело, возраст уже не тот, чтобы стоять у плиты столько часов. А этот, непонятно кто, говорит, что наша еда ужасна?! Моя еда ужасна?! Да как он посмел?! Все всегда хвалили мою готовку, да как он смеет?!

Начала искать взглядом что-то тяжелое, так чтобы помасивней было и достало до этой гориллы серокожей.

– Может десерт тебя порадует, Артал, – слащаво пропел Маратик и взял бутылку со странной жидкостью, собираясь налить себе.

– Сомневаюсь, – равнодушно проговорил незнакомец, подходя к камину и садясь в мягкое кресло все так же спиной ко мне.

– Унеси, – прохладно бросил мне не то мужик, не то баба. Закусила губу, так треснуть их главному захотелось, что еле сдержалась. Причем я не увидела в нем ничего устрашающего, кроме того, что он самая настоящая горилла. Высокий такой, что мне стремянка понадобится, чтобы по башке его ударить. Без жуткого костюмчика эффект явно уменьшился, несмотря на то, что морду лица его я не видела. Какой он монстр монстров, если не внушает этого ужаса, так, еще один зазнавшийся мужик.

Повернулась к столу. И как мне два подноса сразу нести? Начала громко греметь тарелками, пытаясь уместить посуду на одном подносе и побесить шумом местного шута, то бишь их главнокомандующего.

– Марат, ты плохо исполняешь свои обязанности, – слышалось от камина, когда я, наконец, вместила все на одном подносе. Не то баба, не то мужик уставился на меня взглядом полным ненависти. А я что? Я работаю, он даже пикнуть не успел, не то что накричать на меня. Сама ушла, по дороге захватив из его ручек бутылочку иноземной гадости.

Попробую ее потом, в тишине и покое, когда проверю сначала на ком-то другом. Живот до сих пор от их сорняка сводит. Дотащила подносы до кухни, где меня уже ждали перепуганные бабульки.

– Ну и какой он, этот Устрашающий их? Страшный? – спросила баба Люба, лучше бы о моем самочувствии поинтересовалась, честное слово! У меня нутро так крутит, что ничего не могу. Мне бы в сортир, а они деталей хотят, как бабки на базаре.

– Не знаю, я его лишь со спины видела, мужик, как мужик. Серый и здоровый, – попыталась от них отбиться и доползти до коридора, но где там.

– Серый? Ой, мамочки! – пискнула одна из бабок и начала читать какую-то молитву.

– Они все серые, вы что, не заметили?

– Ну, так думали, они просто болеют чем-то, – ответила баба Варя, остальные утвердительно закивали.

– Ох, если бы! Да еще их главный ничего не съел, как будто догадался обо всем, – простонала, сгибаясь пополам. Так, дела уже серьезные, и мне пора искать комнату для уединения.

– Ой, Любавушка, а ты сама-то как? Упырь этот есть тебя заставил, худенькую такую. Плохо все, да? – запричитала баба Люба, пока я пыталась обойти ее тучное тело и добраться до заветного коридора, а потом и нужной комнаты.

– Если вы меня не пустите, все будет очень плохо и стыдно! – пробубнила я на бегу.

До коридора я добралась, но там меня ждал жестокий облом, к заветному месту уже собралась длинная очередь, так что в коридоре не протолкнуться. В том, что очень скоро все догадаются, что причина их недомогания кроется в еде, у меня не было сомнений. Так что на кухню я возвращалась тоже бегом. Там мы дружным советом решили, что бабки в кладовой закроются, повара разбудят и, если что, все свалят на него. Мол, не показал, не рассказал, напился бедненький и в кладовой уснул. Мне даже пришлось трофейное бухло отдать, чтобы по натуральной пьянка выглядела.

Сама я с ними не осталась, меня звала природа. Идея пойти на этаж с покоем этого их монстра монстров пришла от нужды. Строилась она на том, что его бояться, и очереди может не быть вовсе. На этаже поняла, что как-то людей нет

совсем, а все от того, что туалет на этаже был лишь один, и тот – в личных покоях этого здорового монстра.

В любой другой ситуации я бы побоялась пойти прямо-ком туда, но живот скрутило так, что в покои я вбежала, не успев прикрыть за собой дверь. В комнатах было темно и тихо, лишь в камин, тихо потрескивая, тлел огонь. Сразу же побежала в ванную, которую я нашла чисто интуитивно, посчитав, что она должна быть не далеко от спальни.

Ох, как мне живот-то крутило на белом фаянсовом друге. На что только не пойдешь, чтобы этим козлам заморским, подлянку сделать. Время тянулось долго, я не особо прислушивалась к тому, что происходит в покоях этого Устрашающего, сосредоточившись на главном деле. Поэтому к моменту, как я закончила свои дела и собиралась вытереть руки после умывания, громкий шум застал меня врасплох.

Глава 8. Баба или мужик?

Это что было? Звук был громкий, как будто где-то за стеной шкаф упал. Ноги у меня онемели от сидения на толчке, так что к двери я двигалась долго, попутно отмечая, что там явно что-то происходит. Бум, бах, крик! Как будто драка в нашем сельском клубе, музыки и криков лишь не хватает.

Остановилась возле двери и тихонько ее приоткрыла, подсматривая в щель.

Мое дыхание сбилось, по спине прошли мурашки – я такого в жизни не видела. То, что они не люди, я поняла сразу. Какой человек может так быстро двигаться, что длинные волосы кажутся шлейфом. Они летают, как какие-то плащи, при каждой попытке одного из оппонентов нанести удар. Их было пятеро, четыре против одного – не честно. Судя по всему, этот пятый совсем не разделял мою точку зрения. Он сражался один, легко орудуя своим огромным мечом с такой скоростью, что казался одной сплошной черной дымкой. Остальные по сравнению с ним двигались как мухи, он то и дело отталкивал их от себя, как будто играя, словно убивать их сразу было слишком скучно для него. Четверо других одеты в темно-коричневые одежды со шлемами на голове. В пылу драки они что-то шипели друг другу, пытаясь нападать организованно.

Похоже, через какое-то время черному вихрю надоела эта

драка, так что он молниеносным ударом отсек одному из нападавших голову, второго в мгновение ока лишился руки и проткнул плечо третьего. Из трупа без головы хлынула кровянистая жижа, заляпав потолок и стены. Тот, которому отрубили руку, попытался бежать, чем еще больше забрызгал все окружающее пространство. Ой, не завидую я тому, кто будет убирать эту кровянистую жижу. Присмотрелась, а рука то серенькая, как и валяющаяся в луже крови башка. Но дурно от вида такого количества кровянистой жижи мне не стало. Все дело в том, что я, как повар и вообще девочка деревенская, не брезгливая. Папаня мой жрецом все время был, а им скотину и животных убивать нельзя – так что вся черная работа всегда была на мне. С ножом я управляюсь хорошо, скотину освежевать могу любую, как-то раз даже волка зарезала, когда тот на меня в лесу напал. Но что мои кулинарные заслуги по сравнению с настоящим мастером меча?

Черный вихрь крутанулся, увернувшись теперь уже от двух противников. Судя по звуку разбившегося стекла, безрукий решил покинуть помещение весьма радикальным методом – через окно. Взмах мечом и раненного противника тоже лишают головы, еще больше усложняя последующую уборку. Голова в какой-то тряпке катится по полу и останавливается почти у самой двери в ванную. Что я там говорила о брезгливости? Беру свои слова обратно, ибо от вида торчащей кости позвоночника внутри свело сильнее, чем от той травки фиолетовой.

Так, дышим, дышим... Просто дышим! Сейчас он с последним разберётся, прислугу убирать позовет, я под шумок в толпе бабушек затеряюсь и свалю. Не пойму, чего он тянет? Последний остался, и они стоят друг напротив друга и шипят – разговаривают.

Стоят, шипят и шипят, шипят и шипят... Желание кашлянуть и закончить этот их непонятный разговор все больше и больше одолевает меня. Сколько можно, из отрубленной головы уже кровушка натекла под самую дверь. Я уже и скрываться устала и, дабы занять себя хоть чем-то, решила присмотреться к оставшемуся болванчику и тому самому черному вихрю.

Какой мужик-то! Не просто высокий, а огромный, вот только лицо все в шрамах и серое как пепел в камине. Волосы черные, длинные. Это из-за этого его монстром обозвали? Или, потому что мудака и дерется страшно? Странно, что второй по сравнению с ним какой-то мелкий и щуплый. Да и голос у него на женский похож.

Здесьшний главнокомандующий вдруг сделал шаг к щуплому и сорвал с его головы странную маску. Длинные медные волосы распластались по плечам щуплого, и отчего-то мне показалось, что это женщина. Одета она была в брюки и какую-то странную рубаху коричневого цвета. У нас женщины не носят штанов, хотя в армии разрешают иногда, да и маги могут себе позволить. Не дело это, женщине в мужской одежде ходить. Скользнула взглядом по фигуре незнаком-

ки. Там не то что грудь, бедра не наблюдаются – фигура как у мальчика-подростка. Тем не менее, этот монстр монстров смотрит своими глазами страшными на нее, не отрываясь, как голодная собака на кость. Словно это не она тут с дружками своими пришла его зарубить.

Мне снова стало скучно, так что, совсем обнаглев, чуть больше приоткрыла дверь и решила развеселить себя, придумывая, о чем они там вообще шипят друг на друга.

Вот монстр монстров опирается на свой огромный меч и шипит:

– Ты баба или мужик, я не понял?

В ответ она возмущается, поднимает свое оружие и шипит:

– Ты что не видишь?! Смотри, какой у меня голос писклявый? Кем еще я могу быть?

– Может ты подросток? Ты посмотри у тебя же все плоско, как доска! Никакого рельефа!

После этой фразы, ну или не совсем этой, монстр монстров получил совсем не по-бабски кулаком в челюсть. И монстр хорош, даже не увернулся, как будто не ожидал или банально разрешил этому «нечто» бить себя. Он что-то зашипел, так что я предложила свою версию:

– И сиськи у тебя как два прыща.

«Нечто» попыталось снова ударить нашего монстра, после этой сказанной с каменным лицом фразы, однако в этот раз он красиво отбросил её в стенку за своей спиной. Теперь я

могла рассмотреть ее лицо, и в самом деле не такое красивое, как у Маратика. Не знаю красивее ли ее, но, когда она так злобно шипит, показывая белые зубы, кажется очень страшненькой. Глаза у нее такие же черные, как у монстра, но при этом узкие, как у коренного народа Ледвиги. Нос тоже узкий и длинный, губы неестественно полные, скулы низкие, лицо овальное. Ну, по нашим меркам на лицо она все же еще ничего, если б не его серый цвет. А может, и правда, мужик, подросток какой?

Представление продолжалось, монстр повернулся ко мне спиной, слегка загораживая мне обзор. Ну, что встал? Добей его уже, спать давно пора! Торчу тут в туалете как дура, от скуки бред под их шипение подставляю.

– Уверен, что не мужик?

– Уверен!

– Так докажи!

– Докажу! – после шипения, эта предположительно девушка бросается на монстра и целует в затылочной засос.

Меня так проняла мысль, что возможно это не баба вовсе, а парнишка подросток, и такие «отношения» в их расе норма (ибо богу своему баб наших они приносят в жертву), что я издала что-то похожее на «фу». Именно этот звук отвлек монстра от сосания (не поцелуй, а гадость) именно в тот момент, когда почти бесполое нечто подняло кинжал для удара по ничему не подозревающему идиоту. Именно идиоту, ибо не надо целовать баб, которые еще мгновение до этого пы-

тались тебя убить!

Кто же знал, что потом он повторит ту же ошибку уже со мной? Жалко только у этой пигалицы был запасной план, не то что у меня.

Так вот, монстр хватается ее за руку, она пытается вырваться и рвет какой-то пакетик с красным порошком. Порошок тут же разлетается в воздухе, и монстр начинает оседать на пол. Хватает бабу за шею, но задавить не успевает. Ох, как бы было хорошо, если бы они друг друга поубивали! Я бы смылась по-тихому. Но меня баба эта не разочаровала, прошипев что-то (я допустила, что это было что-то вроде «есть у меня сиськи»), она с кривой рожей всадила свой кинжал монстру в брюхо. Дальше был злобный смех плохого героя и нелепый отход через выбитое окно с помощью веревки из простыней.

Когда все стихло, я открыла дверь ванной, отправив тем самым голову в другую часть комнаты. Аккуратно переступая лужи крови, подошла к тельцу их монстра монстров.

– А кровь-то у нас одинаковая... – произнесла вслух, смотря на торчащий клинок и лужу крови под ним. – Красная.

Мне бы уйти, но я почему-то нагнулась и посмотрела на изуродованное шрамами лицо.

– Не демон, а человек, которого можно убить. Не монстр, а всего лишь еще один глупый мужчина, – хихикнула и ушла, старательно не задевая кровавых пятен.

Глава 9. Может, это чей-то план?

Я всегда считала себя человеком добрым, где-то глубоко внутри, по крайней мере. Трое захватчиков убивших друга друга, во время своей разборки – это для меня, как оказалось, самая лучшая новость за весь день. Спать я отправлялась довольная, на душе расцвели цветочки, временные трудности и бредовое задание отошли на второй план. Казалось, что вечер ничто не сможет испортить.

Ага, казалось...

Вышла я из покоев уже усопшего, сделала несколько шагов к лестнице и меня заметили.

– ТЫ! – крикнули мне в спину так громко, что я подпрыгнула на месте.

Обернулась и увидела милую сердцу моему картину: скрюченный, еле живой и белый как мел Маратик цеплялся одной рукой за перила лестницы, вторая же держалась за живот. О причине заболевания спорить не приходилось, это все мои великолепные блюда сделали. Монстр выглядел как покойник, хоть сейчас в могилку. Такими белыми люди не бывают, привидения чистые. Язык даже щекочет, так сильно хочется предложить ему полежать в ближайшем кладбище.

– ТЫ!!! – зло закричал не то баба, не то мужик и бросился ко мне.

Видимо в предсмертной агонии, ибо споткнулся и упал на

колени. Моя нога сама по себе поднялась, от желания добить бедолагу, а не для того чтобы помочь уменьшить страдания. Грех не воспользоваться такой прекрасной возможностью, избавить целую армию в один день от главнокомандующего и его заместителя. Главное, потом в комнату его затащить, как будто они сами друг друга порешили. В армии начнется паника, мы с бабками и дедами под шумок сбежим, а потом, даст Спаситель, всех их перебьем, оккупантов этих.

Видимо, вселенной мой глобальный план не понравился. За ним по лестнице поднимались солдаты, судя по всему вполне здоровые. Мне пришлось ногу опустить, правда, на пальцы помощника главнокомандующего. Со всех сторон раздалось шипение, я ногу быстро отдернула и сама упала на колени.

– Что это с вами, господин? Что болит? Совсем плохо? – глаза сделала побольше, даже губы заставила задрожать. Ручки на груди сложила, мол, помочь хочу, но такую бяку как он трогать не могу.

Маратик поднял на меня очень тяжелый взгляд, примерно, такой как очередной солдат, получивший по голове черпаком от меня, за очередную пошлую шутку. Он что-то зашипел, и стража меня тут же подняла на ножки и взяла под руки, так что стало слегка страшновато.

– Ты...

– Я? – перебила, смотря на него большими глазами петуха, которому собираются отсечь голову.

– ТЫ! Это твоя идея, не так ли? Чем, чем ты всех отравила?! – его лицо приобрело такое выражение, что я впервые подумала, что он всё-таки мужик.

– О чем вы, господин? Мне так живот скрутило, что я еле в кустики дошла, облегчиться! – глаза выпучила, а голос тихий и такой писклявый, что у самой уши в трубочку скрутились. Жаль, монстра совсем не впечатлила.

– Чем ты всех отравила, дрянь?! – ожидала удара, мужчины в своей ярости так и поступают, но его не последовало. Несколько насторожило и то, что после такого громкого заявления, стражники в свою очередь крепче в меня не вцепились. Неужели у них есть для меня наказание похуже? Какому там богу они женщин в жертву приносят? Нервно сглотнула, что-то я даже узнавать не хочу.

– Ничем. Я все как всегда готовила, разве что приправу эту вашу добавила и все, – протараторила я быстро, перспектива весомого наказания меня не радовала.

– Какую еще приправу? – напряженно сузил глаза Маратик, что спина похолодела сразу.

– Так вот эту! Вон она повсюду здесь расставлена. Вот и подумала я, что это у вас приправка такая, на наш салат похожая. Мне вон как живот скрутило, от нее, что ли? – главное придать своему лицу выражение искреннего недоумения, глазами хлоп-хлоп.

– Эту? – со странной интонацией переспросил Маратик, оборачиваясь, чтобы посмотреть на растение.

Как оказалось, на травку глянул не только он, стражи также с открытым ртом ошарашенно смотрели на эту, не побоюсь этого слова, отраву.

– Ну да, а что нельзя было брать? – уточнила, с тайным удовольствием наблюдая, как вытягиваются их лица.

– Это же священная трава Мирна!!! Ее не то что есть, к ней прикасаться нельзя! – душераздирающим голосом Маратика можно было дырки в стене сверлить. Ну, я ему и подыграла, выпучив глаза:

– А что она такая заразная? Может мне руки теперь помыть надо?

Ну а что, мало ли что за травка фиолетовая такая?!

На меня смотрели долго, как будто решая, что со мной такой непутевой делать дальше. Пришлось сделать ещё более глупое лицо и большие невинные глаза. Правда, что-то мне подсказывает в то, что я глупая сельская девочка, уже мало кто верит.

Может, стоит тогда не прикидываться ею? Нет, ну это уж совсем глупость. Особенно если учесть, что за стенкой труппы валяются, а я на этом этаже не должна находиться. Скосила взгляд за спину Марату и чуть не выругалась. Я даже дверь не прикрыла! Какое палево! Мой взгляд заметили, помощник главнокомандующего обернулся и как-то странно посмотрел на открытую дверь. Повернулся к стражникам и что-то зло зашипел, на что второй в ответ тоже что-то виновато зашипел. Мне этот их язык так надоел, что я автоматом

мысленно представила их речь.

– Почему дверь открыта? А если наш монстр простудится?!

– Так окна уже выбиты, а монстр уже точно не простудится.

– Откуда знаешь?

– Да какой мужик, после нескольких минут с ней в одной комнате, целым оставался?»

Стражники схватили меня и подняли над землей, так что мне оставалось лишь предполагать, о чём они говорили и к каким выводам пришли.

– Что ты здесь делала? – прошипел мерзко Марат.

Меня не удивил вопрос, он был логичен для данной ситуации. Меня другое удивило: никто из них так и не бросился проверять, как там их главный поживает. Если проанализировать их действия, сразу заметна оплошность. Мы с бабушками и дедушками – военнопленные, но нас назначили на довольно важную работу. К тому же наши передвижения по замку не ограничили. Здесь есть два варианта: либо они совсем тупые и верят в нашу покорность и безвредность, либо это часть какого-то сложного плана. То, что они захватили большую часть страны, говорит о том, что они не глупы. Вывод: убийство главнокомандующего определенно входило в этот план. Нас с дедушками и бабушками сделают виноватыми, как будто это мы бунт подняли и сначала отравили, а потом и перерезали их главного монстра. Ну, а потом, как

военнопленных, нас быстренько казнят, не дав слова сказать в своё оправдание. И все, конец!

– Туалет искала, – отвечаю, слегка испуганно.

– Ну и как, нашла? – в голосе явная издевка, о чем этот мужик думает?!

– Нашла. Кустики во дворе. А вы с какой целью интересуетесь? – язык мой, враг мой.

Маратик так зашипел, что один из стражников отпустил меня и бросился в покои монстра. Через секунду послышался рев, так что я невольно удивилась. Оказывается, в их языке есть не только шипящие, удивительно. Однако это открытие меркло от осознания, что мои проблемы стремительно увеличиваются в масштабах.

Глава 10. Живучий, гад!

Хочу домой, очень хочу. Почему именно я? Я никак не пойму, почему я? Все этот козел, Ферер! Вот с каким бы удовольствием я ему голову оторвала, если бы сейчас увидела! Но, похоже, сейчас головушку мне оторвут, и я так и не смогу отомстить этому гаду.

Марат бросился на рев в покои, второй стражник рванул за ним. Меня они одну не оставили, также затащили в комнаты главного монстра. Заместитель двигался быстро, так что я и не заметила, как он оказался в спальне возле тела главнокомандующего. Меня завели внутрь и оставили стоять у дверей одну. Стражники разошлись по комнате, зачем-то заглянули даже в ванную, затем выглянули через разбитые окна на улицу. Они шипели, переговаривались друг с другом, но я ничего в который раз не понимала, так что пришлось снова придумывать.

«— Мужик или баба?» — подал голос один из стражников, ощупывая тела остальных.

Сдается мне, что он ищет какие-то улики, а может, щупает их, чтобы понять баба это или мужик? А то, правда, как они сами-то понимают, кто из них кто? По лицам не поймешь, а других половых признаков у той бабенки я не заметила. Вдруг, у них все женщины такие? Как понять, почему они наших-то женщин богу своему жертвуют? Мы же и кра-

сивее, да и пофигуристей, подержаться есть за что. Может, чтобы их бабы на нашем фоне не комплексовали? Или может это у них мода такая, быть похожими на мальчиков-подростков? Ну ладно, с модой, но как с такой комплекцией детей рожать? Бедра уже, чем у мужчины, она же разродиться не сможет, я-то знаю, часто на родах повитухе помогала. После этого, кстати, решила, что материнство – это не моё. По крайней мере, еще несколько лет так точно, да и в мужья мне никто пока не набивался. Только солдаты предложения непристойные делали, но я их быстро ставила на место.

Еще до войны, папа говорил мне, что я выйду замуж лишь после того, как сестры подрастут, и тогда я очень злилась на него. Мне было обидно от того, что все мои подруги повыскакивали замуж, едва им исполнилось шестнадцать. Вот тогда отец и приставил меня помощницей повитухи. После увиденного ужаса, мне замуж расхотелось, но деткам на свет появляться я все также помогала. Есть что-то трепетное в том, чтобы держать на руках это маленькое беззащитное создание. Мой отец, очень хитрый старец, добился того, что я осталась с ним и смотрела за девочками. У меня три сестры, самая старшая после меня – Ория, ей недавно должно было исполниться десять лет. Она у нас в семье самая умная и самостоятельная, большая моя помощница. На ней и остались две младшие задиры. Сара, ей как раз восемь, та еще жучка, и София, ей исполнилось шесть уже. С Софией у меня всегда было много проблем. Можно сказать, я заменила ей мать,

и помыкала она мной, как ей вздумается. Меня это раздражало, особенно потому, что стоило мне ее наказать за проступок, она бежала к отцу жаловаться. Отец ее баловал безмерно, если не сказать одержимо. Вспомнила о семье, и так грустно стало, что на глазах слезы выступили. Как там без меня сестрички? Тяжело им, ведь от отца в хозяйстве всегда толку было мало. Шмыгнула носом и отвернулась, чтобы никто не заметил слезы.

– Эй! Подойди сюда! – крикнул Марат, так что пришлось повернуться к нему. Он стоял над телом главнокомандующего в луже его крови. Чувствуя подставу, осталась стоять на месте.

Стражники тем временем разделились, один из них побегал на выход, что-то прошипел. Я хотела смыться за ним, но мне не дали.

– Что я тебе сказал?! Живо сюда, девка! – мне пришлось повиноваться, медленно и без особого энтузиазма, обходя каждую лужу крови, остановилась в шаге от тела главнокомандующего. Ну, до чего глупая смерть, не правда ли?

– Помоги мне! – скомандовал он, беря тело главнокомандующего за плечи. Что это он собрался с ним делать?

– Я? А может, лучше он? – кивнула на другого стражника, проверяющего еще одно тело.

– Живо! – грозно рыкнул на меня этот гад. Мне не оставалось ничего другого, как наступить в лужу чужой крови и с перекошенным лицом ждать дальнейших указаний.

– Подержишь его, – приказал он и поднял монстра монстров, придавая телу сидячее положение.

Чтобы удержать, мне пришлось схватить его за плечи. А плечи эти, кстати, были очень ничего: широкие, крепкие, на таких было бы хорошо просыпаться по утрам. Дальше этого фантазия не зашла, мне вдруг слишком сильно захотелось спать после бесконечного диверсионно-трудоого дня. Не знаю, что там делал Марат, но длилось это долго. Он что-то шипел, то ли так с умершим прощался, то ли его проклинал. От всего этого я подустала. Притулившись к еще теплому телу умершего, положила голову ему на плечо, стараясь не думать о том, что его рана сквозная и моё платье с фартуком превратились в непонятное нечто. Может у них такой посмертный ритуал? Откуда мне знать?

– Еще долго? – глаза почему-то сами собой закрываются, что-то я устала как собака.

– Еще немного, – он делает какие-то странные пасы руками, мне не видно, что именно. Да ещё и широкая спина главнокомандующего обзор закрывает.

Закрываю глаза, слабость во всем теле подталкивает уснуть, но я держусь.

– А вы не слишком-то боитесь мертвецов, – проговорил помощник со странной интонацией в голосе, смеется, что ли? Нашел повод, тут его начальника убили, а он смеется. Тфу! Ну, что за урод, а?

– А чего их бояться? Надо живых бояться, – равнодушно

бубню под нос, а потом слегка дергаю плечом, подперев своей спиной спину мертвого главнокомандующего. – К тому же нет ничего страшнее мертвых детей.

Поджала губы, кажется, лишнего взболтнула.

– У вас есть дети? – спросил почти сразу Марат странным голосом.

Я что так старо выгляжу? В каком-то роде у меня есть дети, сестры, все-таки я их вырастила. Зевнув, я еле слышно согласилась, не имея ни сил, ни желания уточнять.

– Сколько?

– Трое, – бормочу, закрыв глаза плотнее, почему-то мне показалось, что моя импровизированная подушка становится теплее, мне же в свою очередь становилось все холоднее.

– Дайте руку, – протягиваю свою конечность, её хватают и тянут на себя, почти заставив меня перегнуться через тело.

Теперь-то я увидела какие-то странные символы, вычерченные вокруг огромной раны на мужской груди, они светились легким голубым свечением. Моя же рука была на рукоятке кинжала, которым главнокомандующего и зарезали. Он меня подставить собрался?! Мои глаза увеличились вдвое, я попыталась вырвать свою руку, но Марат зажал ее своей. Он зловеще шипел какую-то тарабарщину, при этом его серая кожа странно мерцала. До жуткой боли сжав мои пальцы, он выдернул кинжал из груди главнокомандующего.

Меня подставили! Подставили! Все мое платье в крови, в руке этот кинжал, все – теперь я убийца! От злости я закри-

чала, но мой крик заглушил другой, который совсем не ожидала услышать. Главнокомандующий дернулся и ожил! При этом меня так сильно качнуло от его движения, что я улете- ла за спину. Все тело ужасно болело, я почти не чувствовала ног, но все равно сжимала этот чертов кинжал. От страха, от ужаса, от злости. Я многое в этом мире повидала, но вот ходячих мертвецов... Мне казалось, что с каждым вздохом этого монстра мне становится все хуже, как будто это чудовище забирает мои силы, мою жизнь.

Он шипел что-то, хотел подняться, но Марат не давал. Символы, мерцание... это их магия? Неужели этот урод с бабским лицом вытянул жизнь из меня и даровал ее этому чудовищу?! Желание забрать хоть одного из них на тот свет с собой, было невыносимым, но не совпадало с возможностями. Тело совсем не слушалось, да и спать хотелось неимо- верно. Они шипели, разговаривая друг с другом, пока Ма- рат не шикнул кому-то еще, и меня не подняли на руки, а потом забросили на плечо. Кажется, болтаюсь я на плече у стражника. И куда он меня несет? Судя по замаячившей пе- ред глазами лестнице, вниз. Закопать, что ли решили? Почти на полдороги нас догнал советник и силой вырвал из моих рук кинжал, хотя мне и удалось немного поцарапать эту га- дину, прежде чем он это сделал.

Мы спустились в подвал, здесь было сыро и темно, про- шли вглубь и остановились перед решетками.

– Любава! – закричала одна из бабушек так пронзитель-

но, как будто меня мертвую им принесли. Открыв решетку, меня внесли в камеру, забитую бабушками и дедушками. А вот места для меня свободного не нашлось, положить было некуда, если только на руки им.

– Ой, деточка, – завывала баба Люба, обнимая меня и вытирая мои щёки от крови.

– Да жива она, жива! Смотри, сама не задуши! – причитал рядом староста, и мне, наконец, стало легче. От этого «жива», наверное, я закрыла глаза и позволила себе уснуть, не в силах бороться с одолевшей меня усталостью. Они мне за все заплатят, эти серые гады!

Глава 11 Девичьи слёзы

Бабульки и дедули с каким-то детским восторгом слушали о моем плане мести захватчикам. Они вообще с не совсем здоровым интересом стали готовиться к диверсиям и проявляли небывалый энтузиазм.

– Любава, я хочу тебе что-то показать, – сказала мне баба Люба, когда старики уже улеглись спать. Она достала какую-то странную книжку из кармана юбки.

– Что это? – слегка рассеянно посмотрела на обложку, я не знала языка, на котором была написана книга, но мне он показался знакомым.

– Когда-то очень давно я работала здесь служанкой, еще при старом графе. Он у нас был человеком начитанным, любил коллекционировать все старое и редкое. Вот эта книга, была очень дорога ему. Он сам долго разбирал ее, пытаюсь выучить один из древних языков. Никому из домочадцев занятие графа не нравилось, а я была молодая да любопытная, и граф, увидев в моих глазах живой интерес, приобщил к изучению древнего фолианта. Обаятельный был мужчина, обходительный и главное умный. Я потому и меню смогла прочитать, язык их похож на тот, что в этой книге, – книжка и впрямь была старой, я с восторгом листала страницы под умным взглядом бабули.

– А меня научите? – с предвкушением спросила у нее.

Мне казалось, я еще никогда не была так близка к тому, чтобы вернуться домой.

Вот только чужаки не разделяли моей радости и стремлений. Этот недомужик – Марат – приставил к нам стражников! Теперь даже на кухне за нами наблюдали несколько человек, так что ни обсудить планы, ни поговорить спокойно нельзя было. Самое интересное случилось следующим утром, когда бабули и дедули разошлись пакостничать, а мы отправились на кухню травить монстров дальше. Темно было, раннее утро, солнце еще не взошло. Стоило нам заявиться на порог кухни, как нас встретило нечто белое, машущее бутылкой и страшно рычащее!

– Мать моя кухарка, это что такое?! – баба Оля схватилась за сердце и начала медленно сползать по стенке.

– Чур, тебя, нечистый! – особенно религиозные бабушки, Матрена и Христина, начали осыпать чудище солью, еще больше усугубляя наше положение. Остальные четыре бабушки во главе с бабой Любой принялись молиться вслух, также нечисть эту отгонять. Шум начался такой, как не на всяком базаре в людный день стоял, что и где творится, понять было невозможно.

– А ну все ША!!! – закричала я, ударив для пущего эффекта по столу кулаком. Баба Оля подпрыгнула, кажется, ее сердечный приступ отменился. – Нечисть, а ну вон пошла с моей кухни!

Нечисть моими словами не прониклась и принялась от

бабушек отбиваться. В свою очередь, мне пришлось схватить скалку и с ней наперевес погнаться следом за проворной нечистью. Это нечто белое носилось между рядами, бешено визжа и оставляя за собой смешанные с солью мучные следы.

– Любава, оставь скалку! Его солью надо, солью! – кричала мне в спину баба Люба, проворные бабушки отставали от меня ненамного.

На пол падала посуда, непрощеный гость, пробегая мимо, сбрасывал ее со столов. В темноте сложно оценить, как много ее пострадало, но под сапогами она хорошо хрустела. И вот под этот шум, эта неведомая нечисть споткнулась о большую кастрюлю и полетела на пол. Нас с бабушками постигла та же участь, только мы уже споткнулись об его объёмное тело. Начались крики, стоны и причитания. Меня так нехило придавили сверху, что ни вздохнуть, ни выдохнуть, радовало лишь то, что нечисти в самом низу пришлось совсем не сладко. Бабки громко стонали, совсем не спеша покидать образовавшуюся кучу-малу. Каждая из них умудрилась по триста раз спросить, не видел ли кто ее вставную челюсть, и уточнить была ли у нее вообще.

Когда включился свет, я впервые обрадовалась монстрам, ибо выбраться из-под ругающихся бабушек к тому моменту не представлялось возможности.

– Что тут происходит? – поинтересовался с долей издевки вездесущий Марат. Ну да, ему смешно, а мне уже дышать

нечем. Стражники начали разбирать выше лежащих бабушек, в конце только я одна сама вскочила на ноги. Нечисть поднялась на четвереньки. Выглядела она страшно и немного жалко. Длинные волосы на спине полностью скрывали его облик.

– Чур, тебя, нечисть! – баба Оля бросила в нее жменью риса и так удачно, что в стражников она тоже отлетела.

– Арфий, что здесь происходит? – спросил этот субъект у нечисти, как у давнего друга.

– Так это ваша нечисть! Нечестивцы, Спасителя на вас нет! – запричитала баба Люба, хватаясь за сердце.

– У них свои боги, – брякнула тихо, смотря на помощника главнокомандующего с плохо скрываемой ненавистью.

Один Спаситель знает, чего этот гад натворил со мной вчера. Нечисть встала на ноги и стала еще более внушительной при свете свечей. Высокий мужчина с длинными волосами показался знакомым, несмотря на серую кожу.

– Эти женщины закрыли меня в кладовой! А стоило мне выбраться оттуда, как напали на меня и принялись бить! Они не достойны жизни, уважаемый Марат.

Повар, что ли? Он склонился в поклоне, как будто смиренно каясь. Сам же заместитель посмотрел на меня так, как будто уже все знал и того, кто именно во всем виноват, выбрал. Но кто же сказал, что я буду молчать?! Мой язык иногда мне не только проблемы создает, но и зад спасает!

– Ой, смотри какая цаца! – похлопала скалкой себя по ла-

дони, недвусмысленно давая понять этому «повару», что отлично владею и этим предметом быта. – Как нажраться вашего дорогущего вина и уснуть в кладовой на мешке с мукой, так мы первые! А как готовить на всю эту ораву, так нет, извольте, работайте бабы сами?! Это, что ли, справедливо, а? Так еще и женщин пожилых пугать вздумал, нечестивый! Сейчас я тебе покажу, кто тут настоящий повар!

– Всех вас ждет незавидная участь, – ухмыльнулся на мою речь Марат.

Замахнулась скалкой на этого гада, так у меня оружие труда тут же отобрали, и к стенке отодвинули. Думают, что мужики, и им все можно?! Да как бы ни так! Если надо, я ему и без скалки накостыляю, и этому Марату, и заразе той живучей, чтоб он одну эту фиолетовую травку ел, гад! И так жаль мне стало себя, бабулек и долю свою горькую, что разрешила себе зареветь, громко и от души. Да так удачно, что бабки даже поверили, бросились внучку свою временную защищать.

– Ты что делаешь, супостат окаянный?! Ты чего девочку обидел?! Принесли ее вчера, всю в крови, еле живую! А теперь еще и до слёз доводишь?! Да мы тебе сейчас ухи-то надерем, чтобы знал, как девушек обижать! – баба Люба своей могучей сковородкой как замахнулась, так смельчаки эти и отпрыгнули к двери.

– Не плачь деточка, не плачь! – баба Оля обняла меня, правда, в росте она едва доставала мне до подмышки, так что это я ее больше жалела.

– Детей наших забрали, внуков! И думаете, что теперь мы вас слушать будем, смотреть, как ребенок плачет! Давайте бабы, навалились кучей! Нечего этим захватчикам детей наших обижать!

Бабки похватали добро кухонное, кто с кастрюлей, кто с черпаком, готовы были уже на этих пятерых захватчиков броситься, но не учли, что силы-то не равны. От того то я слезы в грязный фартук вытерла, голову смело подняла и встала впереди воинственных бабушек.

– Вам стоит извиниться, старших обижать нельзя. И особенно угрожать им.

– Арфий, разберись со своей обслугой, чтобы вчерашнее не повторилось никогда, – вполоборота бросил Маратик, не удосужив меня ответом. Негодяй! Ушел, оставив двух стражников за нами следить.

С самим Арфием разобраться было легко, один он бы все равно не смог накормить такую ораву воинов. Время уже поджимало, скоро нужно было подавать завтрак, так что выбора особо не оставлялось, как готовить. Во время работы наша нечисть все время придиралась, пока мне не надоело, и я не стала намекающее махать у него перед носом скалкой. Как оказалось, такой убедительный способ действует не только на наших солдат, но и на здешних монстров.

Время шло, скоро будет уже неделя, как я здесь находилась, а в выполнении своего задания не сильно продвинулась. Баба Люба научила меня их алфавиту, но разобрать,

что написано в книге толком не могла. Но самое главное, за нами почти все время следили, придумать, как именно я смогу вновь попасть в покои главнокомандующего, оказалось довольно просто, сложнее было избавиться от стражи. Нам даже мыться не давали, и вот это было ужасно, особенно для меня. В моих волосах до сих пор была засохшая кровь. А такие длинные волосы как у меня требуют постоянного ухода, иначе становятся похожими на свалывшийся конский хвост. Сколько бы мы не просили, стражи не внимали нашим нуждам в гигиене.

На восьмой день я не выдержала и решила снова воспользоваться хозяйской ванной. Кажется, меня жизнь ничему не учит. Чтобы добраться до нужного мне этажа и комнаты, пришлось слегка сжульничать. Абсолютно «случайно» опрокинуть на ногу Арфию кастрюлю с кипятком, ну, по крайней мере, я кричала, что это кипяток. Поднялась суматоха, этот трус орал как резаный от едва теплой воды, попавшей ему на ногу. Бабки перепугались и начали на нем все народные способы лечения от ожогов применять. Ладно бы еще остановились, когда медом и мылом намазали. Совсем другое дело, когда они начали уговаривать его поссать на собственную ногу. Словом, поднялся такой гул, что выбежать с кухни незамеченной оказалось проще простого. Стражников возле двери главнокомандующего не оказалось, так что я на свой страх и риск постучала в дверь. Мне не ответили, и я смело зашла внутрь, на этот раз плотно прикрыв за собой

дверь. В покоях никого не было. Заприметив кабинет, толкнула дверь. Однако она был заперта на ключ, так что теперь и ключ от этой двери придется доставать.

Как и ожидалось, в спальне сменили ковер и белье, даже с потолка кровь оттерли, правда, следы все так же были видны. Стекла в окна вставили, но всё равно понять не могу, как теперь можно здесь спать? Я бы не смогла. В ванну кралась довольная жизнью, дверцу оставила немного приоткрытой, а то мало ли что. За небольшой туалетной имелась большая ванная комнатой, с огромной белой ванной. Это тебе не деревянное корыто, как у меня дома, в котором мне приходилось стоять на четвереньках, тут я в полный рост лечь смогу! Горя приятным предвкушением, я повернула краны и смотрела, как вода набирается в ванну. После постоянного ношения ведер с водой, благости цивилизации вызывали внутренний трепет. Набросав в воду лепестков, налив щедрую порцию пахнущего хвоей мыла и взболтав его до нежной пены, я уже чувствовала себя практически в раю.

Глава 12. Ванна.

Стащила свою одежду, она все еще влажноватой была. Вечером накануне в очередной раз постирала платье и фартук, хотя это не очень помогло: следы крови так и не отстирались. Вот же чертов главнокомандующий, не понравилось ему в загробном мире, в наш вернулся. Меня больше еду носить ему не посылали, но я все равно бесилась, когда очередную порцию еды возвращали нетронутой, с той же припиской «еда ужасна»! Ужасна?! Серьёзно? Да я каждый день над его порцией полдня работаю, а он ни ложки не попробовал! Чем он там питается, святым духом?! Или это моей энергии откачанной Маратиком хватило, вот увижу этого мерзавца, он мне за всё ответит! Гад! Дал бы монстру умереть, не было бы проблем. Ну, ничего, он у меня ещё получит!

Старейшина по ночам тайком учит меня управляться с мечом, если учитывать, что для тренировок я использую палку, мои успехи не велики. Зато мне обещали кожаную броню и меч достать, но на это нужно время. Нас с бабушками в последнее время периодически обыскивают, дабы ножи с собой с кухни не забирали. Делают они это, кстати, забавно, с помощью магии, водят руками близко к телу, и каждый раз так смешно смущаются, когда к груди руки прикладывают. Серая кожа на их щеках приобретает еле заметный фиолетовый оттенок, видать, они так стесняются. Ну, как им не

смущаться, если у их баб там всё плоско как у доски, а у нас красотой форм не обделены даже бабки. Не понимаю, на кой они наших баб в жертву приносят, как-то не похожи их солдатики на женоненавистников, скорее на неопытных юнцов.

Все проблемы и невзгоды решила оставить на потом, опустила в ванную и чуть не застонала от блаженства. Как же приятно смыть с себя всю грязь и понежиться в горячей воде. Полежала так, ни о чем не думая, слишком устала всего за одну неделю. Нырнула под воду, намылив перед этим свои длинные волосы, всегда с ними было много проблем. Мыть надо часто, расчесывать тоже, я бы их давно подстригла, да мама в детстве говорила, что в волосах вся женская красота и сила. У нее были красивые длинные волосы, заплетенные в косу, помню, как играла с ней и добрую мамину улыбку. Вынырнула резко, вытерев лицо сразу и от воды, и от слёз. Расклеилась я в последнее время, нельзя так.

Слышу шум из-за приоткрытой двери, неужели кто-то пришел? Монстр вернулся? Застыла, обратившись в одно сплошное ухо, услышала шорох, а за ним властные шаги. Звук приближался, скрипнула дверь в ванную, и мне не оставалось ничего, как нырнуть обратно под пену. Застыла, ничего не видя и не слыша до тех пор, пока не кончился воздух. Легкие обожгло огнем, когда вынырнула из воды, судорожно вдохнула, пытаюсь отдышаться и осмотреться. Дверь в ванную комнату была нараспашку, но внутри кроме меня никого не было. Тень мелькнула в спальне, и я поняла, что по-

ра сваливать, но как это сделать, будучи голой и мокрой, не представляю. Тихо встала и вылезла из ванной на холодный воздух. Свои вещи я оставила за небольшой декоративной деревянной ширмой, туда я и направилась, скользя мокрыми ногами по полу. Стоило мне спрятаться за ширмой, подглядывая в щель между деревянными перегородками, как появился сам монстр монстров.

В каком-то странном одеянии, немного смахивающем на рясу жрецов, обильно расшитую серебряными нитками причудливыми узорами. Он распахнул ее и небрежно бросил на пол перед ванной. Мыться, что ли, собрался? Я здесь голая стою, мерзну, а он мыться собрался, вот засада! Под рясой оказались еще и широкие черные штаны, с такими же узорами на штанинах. Был бы мужик мужиком, если бы не шрамы по всему телу, серый оттенок кожи и волосы длинные. Скосила взгляд в район паха, здесь всё точно так же, как у наших мужиков, разве что чуть больше, но и сам он повыше наших мужиков будет. Даже не знаю: завидовать или сочувствовать той плоской бабенке, если при таких «положительных качествах» она его всё равно убить решила. Может, не настолько он хорош? Рана от ее кинжала алеет на груди, но при этом выглядит так, как будто ей несколько недель. Монстр тем временем забрался в подготовленную мной ванную и почти сразу закрыл глаза, откинувшись на бортик.

У меня зад уже замерз, мокрые волосы прилипли к груди и спине. Так и простудиться не долго, а монстру хорошо, ле-

жит в горячей воде, отмокает! Между прочим, это моя ванная, я ее для себя набирала, не для него! Чертовы захватчики, на святое покусились! Перегородка еще не во весь рост, приходится стоять в три погибели. Подождала еще какое-то время, монстр так и не шелохнулся. Уснул, что ли? Хорошая возможность улизнуть незамеченной. Высунулась из-за перегородки, на меня никак не отреагировали. Очень тихо подняла с пола свою одежду, одевать ее сейчас слишком опасно, нужно сначала выбраться отсюда хотя бы. Все время оглядываясь, медленно двинулась к выходу из ванной. Когда я была уже у двери, услышала его голос:

– Раб, включи горячую воду.

По спине прошлись холодные мурашки. Мои глаза вылезли из орбит, и, прижав к груди свое добро, я обернулась на главнокомандующего. Он не сменил позы, из ванны виднелись его широкие плечи и копна длинных волос. Заметил меня? Что мне теперь делать?

– Я долго еще буду ждать? – в голосе послышалась угроза, так что хочешь – не хочешь, пришлось идти к ванне.

Вроде и кран-то недалеко, руку протяни и сам открой его! Вот же ленивый напыщенный болван! Подошла тихо и встала возле крана, монстр все еще лежит с закрытыми глазами. Он так медитирует или спит? Отец иногда тоже то ли спал то ли медитировал сидя вечером в кресле, хотя потом оправдывался тем, что молился Спасителю мысленно. Сама я в бога нашего не верила, если бы он был на самом деле, мама бы не

умерла. Не знаю, как вера отца после этого не пошатнулась. Мне всегда казалось, что им движет страх, если Спаситель забрал у него жену, то заберет что-то еще.

Может, он меня на самом деле не видел? Просто подумал, что на его зов обязательно явится кто-то? И вообще, чего это он нас рабами называет?! В нашей стране рабство давно отменено, хотя, если подумать, мы, скорее, военнопленные, а не рабы.

Открыла кран горячей воды, мысленно надеясь, что он в этом кипятке сварится. Монстр никак не отреагировал, так что я сделала несколько шагов в сторону дверей.

– Убери одежду, раб, – прилетел в спину еще один приказ.

Повернулась посмотреть на этого засранца, все так же лежит в ванне, не двигается.

Не обнаглел ли ты, уродец? Уже нагнулась за его брюками, как он поторопил меня:

– Быстрее.

Схватила эти чёртовы брюки, потянулась за робой, и он снова за свое!

– И халат принеси, раб.

Раб, раб, раб... Да он издевается! Вот же гад!

– А спинку тебе не потерять? – ляпнула, повернувшись к нему, даже не сразу поняла, что сказала это вслух.

Воздух из легких выбило, тишина затянулась, как и мой ступор. Плеснула вода и я не нашла ничего лучшего, как, наплевав на все, повернуться и побежать к выходу из этих

чертовых покоев. Так быстро я никогда не двигалась, открыла дверь и, выбежав, прикрыла ее за собой, тяжело дыша. Кажется, он все-таки меня увидеть не успел, оборачиваться времени не было, так что я не уверена. Но, судя по тишине, за мной он не пошел, и то хорошо.

Но окружающая меня тишина была какая-то давящая, обернувшись, заметила двух пурпурного цвета стражников, смотрящих на меня во все глаза.

– Отвернулись! – рывкнула, тоже покраснев, и те как по команде повернули головы в другую сторону.

Натянула, наконец, на себя платье и с запозданием заметила, что штаны главнокомандующего оказались в ворохе моей одежды. Что мне с ними делать? Еще в воровстве обвинят, оно мне надо?

– На, – всучила их одному стражнику, – ему верни.

Пурпурный стражник с непониманием несколько раз перевел взгляд с меня на штаны своего верховного и обратно, но штаны взял, в конце концов. Пребывая вне себя от злости и смущения, я ляпнула еще одну фразу, дабы стражник ничего не успел у меня спросить.

– Кто же знал-то, что у него маленький такой.

Босая, с фартуком и сапогами под мышкой, но безумно довольная, что помыться всё-таки удалось, я потопала по лестнице, направляясь на кухню. А ведь нужно было всего лишь повернуться, чтобы увидеть его или обратить внимание на так ничего и не просивших у меня стражников. Но я

была слишком занята своими мыслями, слишком привыкла, что на меня никто не обращает внимания. Здесь, в плену у страшных монстров я не была одной из многих деревенских девушек, волей судьбы закинутых на фронт. Мне стоило вести себя по-другому, стоило играть свою роль лучше.

Глава 13 День «Зю».

День «Зю» настал как-то неожиданно и не вовремя. Почему день «Зю»? Да потому что остальные планы с другими буквами алфавита были по разным причинам забракованы.

Бабе Любе, например, план «Ж» не понравился, сказала, что мы и так в полной «ж», с чем все незамедлительно согласились. План «Б», «В» «П» и «Р» отклонили, потому что баба Галя потеряла свою вставную челюсть и этих букв произнести просто не может. Из-за глухоты деда Афанасия пришлось убрать все гласные, а то он по триста раз переспрашивал, о чем мы говорим.

Словом, после длительной перепалки, наши дедушки и бабушки, наконец, выбрали название по единственному непонятному звуку, что выдавала баба Галя «зю». Что именно имела в виду бабушка, мы так и не поняли, главное, что дед Афанасий не переспрашивал, что мы там говорим.

Дедушки вовсю готовились лишить армию провизии и освободить всю захваченную живность. Бабушки запаслись их травой, чтобы повторить отравления, да и вообще фантазия дедов и бабок все время сводилась к банальной резне. Откуда в них столько кровожадности представить не сложно: уже почти две недели они не видели своих родных и не знают, живы ли они.

Баба Люба предложила схватить этого главнокомандую-

щего и допросить всем скопом. В отличие от них я его видела в деле и поэтому сразу сказала, что это не вариант. Старикам пришлось терпеть этих оккупантов почти две недели, пока я пыталась выполнить свое задание. Выполнение его все время тормозится по нескольким причинам. Первая самая банальная: после случая на кухне с «кипятком», нас теперь охраняют трое симпатичных сереньких солдат. И хорошо охраняют, даже еду подкинутую нашими бабками не едят, а я так выворачивалась, чтобы с этого их священного растения листочки оторвать.

Вообще после моих приключений в ванной, все они на меня странно посматривают. Не то чтобы и до этого не посматривали, но от их взглядов уже кожа чешется. Стоит же наорать на них или банально спросить что-нибудь – молчат и смотрят друг на друга, как болванчики.

Судя по тому, что прямо у меня никто ничего не спрашивал, мое фееричное появление в костюме «в чем мать родила» не осталось незамеченным для рядовых солдат. Но сам главнокомандующий к счастью ни сном, ни духом об этом не упомянул. Единственное, что тревожит: Марат странно себя ведет, и дня не пройдет, как приходится проверить, не натворила ли я чего. Он так и спрашивает у своих, ну, по крайней мере, я так думаю.

Баба Люба меня буквам научила, да и словам некоторым, но только письменным. Мне остается исключительно гадать, какой из шипящих звуков какую букву означает. Может, с

горем пополам, и разберусь, где пошлая поэма, а где военные планы, но всё равно ума не приложу, как в штабе-то их разберут? Неужели там раньше не могли смекнуть, что если у этих монстров свой язык, то и письменность имеется? На что они вообще рассчитывали, отсылая меня сюда? Что сдохну просто? А вот хрен им, я сама выживу и бабушек с дедулями вытащу! Вернусь и лично скалкой промеж глаз Фереру тресну. Жаль, но сейчас это вряд может мне помочь или дать хоть какой-то ответ на роящиеся в голове многочисленные вопросы.

Как мне пробраться в этот кабинет и планы похитить, ума не приложу. Солдат стало больше, как будто все углы подпирают, то и дело глаза мозолят. А я, мало того что грязная и в ванную теперь не попасть, ещё и уставшая от того, что ночами изучаю этот глупый язык и учусь фехтованию, так ещё и мужики с приставаниями лезть перестали. Не то что мне раньше нравилось, как солдаты наши приставали или как эти оккупанты глазками своими смотрели, но так я хоть не чувствовала себя мерзко грязной и жутко страшной. Каждый день проходил одинаково, и когда уже почти привыкла к нагрузкам и обстановке, про меня решили вспомнить с той стороны фронта.

Случилось это в обед, почти через две недели с начала моих приключений. Как раз горела во всю работа над ужином, ноги, как обычно, гудели. В кухне стояла духота, даже с приоткрытым окном было не продохнуть. Пару бабушек

присели на лавку в темном углу кухни, им стало плохо от жары. Самое странное, что это всего лишь весна, но жара стоит такая, какой и летом не часто бывает. Первое что почувствовала это дикую боль в запястье, настолько сильную, что уронила половник в котел с супом. Меня обрызгало кипятком, поэтому я и заорала, кюравшись от котла. Только затем услышала у себя в голове решительный голос Настасьи:

– Любава, ты здесь?

– Деточка, что такое? Обожглась? – бабушки бросили все свои дела и кинулись ко мне.

Обступили вокруг, подняв такой шум, что не понятно, слышат ли они Настасью или нет. Каждая бабушка посчитала своим долгом посоветовать разные способы лечения ожогов. Самым радикальным был наш серенький повар: Арфий штаны свои начал снимать, полечить меня собрался с помощью «золотого дождя». Нет, это не он ушибленный на всю голову, просто, когда проводишь так много времени с бабками, под завязку заполненными знаниями нашей народной медицины, и не такие рецепты услышишь. Как-то с ходу решила использовать этот шанс, чтобы слинять, наконец, из кухни и уже в тишине и покое узнать: я схожу с ума или на самом деле слышу свою подругу?

– А-а-а, насилуют! – завизжала во все горло, пару пуговиц на платье незаметно расстегнула и резвенько так за спины сереньким отпрыгнула.

Бабки тоже удивили, половина которых на сторону Ар-

фия встала и начала меня уговаривать из-за сереньких выйти, мол, моча у них хорошая, лечебная такая. Мои брови поползли вверх, подгоняемые мыслями: «Чем же они тут успели позаниматься, чтобы проверить чудодейственные свойства подозрительной жидкости?». Вторая половина бабулек вместе со мной выдала дружное «Фу-у-у!», чему я сначала обрадовалась, пока они не сказали, что лучше своей собственной пользоваться. Здесь начались жаркие дебаты, с криками и доказательствами типа «мне бабка говорила...» и «чья бы мычала, а твоя бы молчала». Словом, когда на грохот и крики явился Маратик, я была готова его расцеловать, лишь бы он с этой битвой старушек на почве народной медициной разобрался.

– Что здесь происходит? – крикнул он так резко, что бабки застыли и уставились на него.

Дальше он моментально нашел виноватого, разумеется, это оказалась я, прячущаяся за спинами троих сереньких парнишек.

– Твоих рук дело? – спрашивает у меня с грозным наездом.

– А почему сразу я? – возмущаюсь, вылезая из-за своей симпатичной защиты.

– А кто еще?

Это он о чём? Я вообще примерная девушка была, проблем никому не создавала, пока не нашлись на мою душу больные на всю голову генерал и главнокомандующий. И как

понеслось, закутилось, я прямо сама от себя не ожидала.

– Вы что не видите, здесь дебаты ведутся, о пользе отечественной и иноземной уринотерапии!

Ох, как сказала, так сказала! Бабки однозначно зауважали и начали снова спорить.

– Чего? – переспросил серенький.

– Уринотерапии!!! – повышаю голос, как будто тупому объясняю всем понятные вещи.

Бабки в тон мне кивают, мол, как он такой важный медицинский термин не знает! Если говорить полный бред, так с уверенностью в голосе и каменным лицом, так что машу в сторону Арфия.

– По вашему же повару видно, что он уринотерапией пользуется!

Киваю так, мол, это самые обычные и всем понятные вещи. Главное, стоит наш повар со спущенными штанами, а рядом пара наших бабок в одних ночных рубашках: разделись из-за жары. Вот и забегали глаза Маратика: с повара на меня, потом снова на повара, затем на не слишком одетых бабушек, дальше к абсолютно невозмутимой страже и в результате остановились всё же на мне.

– Теперь еще раз, но по-человечески, – попросил он со страдальческим лицом.

И это он меня «по-человечески» просит говорить? Да чтоб его всю жизнь одной лишь уринотерапией лечили, захватчик бесов!

– Я руку обожгла, они меня лечить уринотерапией хотят, – выставила свою руку в пузырях перед ним.

Помощник посмотрел сначала на меня, такую невинную ещё и глазами хлопающую, затем почему-то на штаны повара и еще больше посерел.

– Вы, – махнул рукой на бабушек и повара, – за работу живо! И чтобы я больше не слышал о вашей этой уринотерапии!

Ничего так фантазия у нашего недомужика, работает! Давлю улыбку, хмурюсь, мол, больно, работать не могу. Может хоть вниз отправит, в нашу камеру?

– Ты, – не очень вежливо ткнул он в меня пальцем, – за мной.

Мне ничего не оставалось, как пойти следом за Маратиком. Шел он нарочито медленно, по пути проверяя работу всех стражников в здании. Мне даже интересно, а куда он собственно меня ведет? Неужели их монстр монстров узнал, какие я слухи о нём пустила? На языке парочка слов вертится, которые ярко описывают то, во что я опять вляпалась. Понятия не имею, как буду выкручиваться.

– Любава, ты меня слышишь? – слышу в голове голос Настасьи и спотыкаюсь на лестнице.

– Все в порядке? – спрашивает помощник, вместо того чтобы помочь подняться.

– Да, – отвечаю ему сухо.

Серенький монстр меня взглядом окидывает и дальше

идет по своим делам. Мне остаток дня за ним хвостиком ходить?

– Любава! Как я рада тебя слышать! Уже думала, что ты умерла, не знала, что и делать! – слышу опять Настасью и снова спотыкаюсь, правда, в этот раз не падаю.

Маратик снова разворачивается и в этот раз молча смотрит на меня с прищуром. Улыбаюсь натянуто, опускаю глаза, шмыгаю носом, плечиками пожимаю – мол, дура душой, на каждом шагу найду препятствие. Вдохнул, повернулся и пошел дальше. Иду за ним, только теперь за стенку держусь. Эх, дать бы ему со спины чем-нибудь тяжелым. Такая возможность пропадает серому под хвост! Кстати, а он у них есть? Судя по амуниции их монстра, хвост имеется, а так и не скажешь. Посмотрела внимательнее сзади на штаны Маратика – свободные, может и впрямь хвост есть. Хотя на голом главнокомандующем такой интересной особенности не заметила.

– Как ты там? Тяжело? Ты у нас сильная, со всем справишься! Линия фронта за эти две недели сдвинулась на пять километров, так что, чтобы наладить связь, пришлось пробираться в тыл. Ферер не хотел помогать пехотой, пришлось, прикрываясь отрядом магов, самой сюда пробираться.

Слышать эту информацию было интересно, так и хотелось высказаться по поводу одного ужасного генерала, но при сереньком нельзя. Мы поднялись на второй этаж, в этот раз Маратик захотел проверить работу дедов, а я следом мыш-

кой крадусь.

– Любава? Ты вообще можешь говорить? – наконец догадалась о причине моего молчания магесса.

– Нет, – шиплю как можно тише, немного отвернувшись к окну.

– Что «нет»? – неожиданно спрашивает серенький, быстро обернувшись.

– На нет и суда нет – пословица, – ляпнула первое, что в голову пришло.

Мы как раз уже возле дедушек стояли, он у них что-то выяснял касательно мебели, которую те зачем-то уносили с этажа вниз. Присела на диван с блаженством, слишком отвыкла от нормальной мебели. Скрипучая кушетка в медицинском блоке в штабе уже казалась давно забытым раем. Маратик глазки свои красивые снова сощурил нехорошо так, что сразу поняла, пора менять тему.

– Устала, – картинно закрываю глаза, ноги на диван закидываю.

Ох, как же я мечтаю выспаться хоть немного! Эта мечта преследует меня со дня смерти мамы, хотя может и раньше. Отец всегда был консервативен, заставлял вставать с петухами и работать до изнеможения, пока он свои молитвы читает и службу утреннюю ведет.

– Знаю, как сильно тебе тяжело, но выхода нет. Одно прибрежное поселение встало на сторону врага. Кромовской отдал приказ магам и пехоте его уничтожить. Это было моё

первое задание, и меня заставили убивать и женщин, и детей. Невыполнение приказа – предательство страны. Ты же понимаешь? Голову отрежут не только нам с тобой, но и нашим родным. Об этом законе никто из солдат не говорит, но все о нём знают. – с сожалением прозвучали слова Настасьи в моей голове.

– ВСТАЛА! – кричат на меня где-то рядом и так издали одновременно.

Вздрагиваю всем телом, стремительно встаю на ноги, но меня слегка шатает. Убивать собственных людей? Что жители деревни нашли в этих серых, раз пошли против своей родины? Пускай они были не в своем уме, но зачем и детей убивать?

– Что делать? – спрашиваю тихо у Настасьи, но смотрю при этом на противного серого помощника главнокомандующего.

– Выполнить приказ, достать планы, а я... я попытаюсь что-то придумать, найти выход.

– За мной, – прорычал серенький, кинув на меня ещё один пристальный взгляд.

Голос Настасьи дрожит, сейчас со мной говорит не уверенная магесса, а испуганная деревенская девушка. Нет, с таким настроением нам из ситуации не выбраться. Беру себя в руки, гордо поднимаю подбородок.

– Сделаю, – обещаю Настасье, заставляя Марата обернуться на мои слова.

Помощник смотрит еще более пронизательно, его взгляд останавливается на моей руке, я сжимаю запястье целой, опасаясь, что на коже видно метку магессы.

– Время поджигает, дорогая моя. Не знаю, как скоро мой отряд смогут заметить их солдаты, – тем временем раздается в моей голове.

– Ты странно себя ведёшь. Что ты скрываешь? – мы с помощником вышли на верхний этаж, миновав этаж главнокомандующего.

Для себя отметила, что стражи возле его палат не было видно. Хорошая возможность, но, к сожалению, серый неотрывно следит за мной.

– Ты уже видела эти чертовы планы? Умоляю, скажи, что ты знаешь, как достать их! – в голосе подруги слышны слезы.

Молчу, не решаясь сказать Настасье, что без понятия, как они должны выглядеть и где их толком искать. Помощник верховного монстра пошел по коридору, открыл дверь в одну из комнат. Здесь всего три двери, но судя по ним, тоже покои, хоть и не такие роскошные, как этажом ниже. Он открыл дверь, пропуская меня вперед. С опаской зашла в какой-то пыльный кабинет. Повсюду книги либо раскрытые, либо аккуратно сложенные в стопку. Похоже, серенький занимался чтивом по ночам. Взглянула на фолианты с завистью, у нас дома имелась только одна книга – сборник стихов и наставлений Спасителя. Отец еще в детстве заставлял ее учить на память, все пятьсот семьдесят три страницы мелким шриф-

том. Стоит ли признаваться, что я в этом не преуспела и не помню ни строчки?

– Любава? – слышу в своей голове обеспокоенный голос подруги, но не могу ей ничего ответить.

Серенький сел в кресло за столом, убрав свои шикарные волосы за плечи. Моя грязная и растрепанная коса с его шикарными патлами никогда не сравнится. Почему, глядя на этого мужика, у меня появляется чисто бабская зависть? Если бы у него еще грудь была больше моей и бедра шире, я бы уже ему в лицо плюнула и с громким криком «стерва» волосы повыдирала. Не то чтобы я так раньше делала, но с жестокими захватчиками можно, да?

– Я так понимаю, эта ваша «травма» – часть коварного плана? – глазки его смотрели на меня с прищуром.

– Любава? – повторяет подруга, пока я судорожно жду момента, чтобы ей ответить и ищу подходящие для этого слова.

– Или Вам просто нравится доставлять мне неприятности своими выходками? – он повысил голос, как будто я его обижаю своим молчанием.

– Мне вообще нравится доставлять всякие нужные предметы, – на ходу придумываю, что бы такого ляпнуть, чтобы одновременно сошло за ответ и своей подруге, и этому серенькому.

Слышу, как скрипят его белоснежные зубы, мне бы такую гигиену рта.

– Любава! Ты меня напугала! Время поджигает! Можешь

сейчас их достать? Они нужны срочно, я постараюсь тебя вытащить! Эти их машины, вырабатывающие тьму, развернули обороты! Не знаю, что будет дальше, мы несем колоссальные потери! А ещё голод начался, вся живность из лесов сбежала из-за этой тьмы...

Нервно сжимаю руки, не обращая внимания на боль от ожогов.

– Слушай сюда, женщина! Не знаю, откуда ты взялась здесь, и что тобой движет. Но неужели ты думала, что сможешь так легко обмануть меня? – серенький приподнялся, упираясь обеими руками в стол.

– Нет, – отвечаю, как можно спокойней.

Меня, что ли, раскрыли? Нет, этого я допустить не могу.

– Чем ты вообще две недели занималась? Любава! Ты хоть не повелась на этих монстров, как бабы из той деревеньки?

Настасья впадает в нервную истерику и выдает мне интересную дополнительную информацию. Это что всю деревню убили из-за сошедших с ума по красивым серым личикам баб?

– За кого ты меня вообще принимаешь?! – выкрикиваю зло, от одной лишь мысли, что она посмела обо мне так думать.

– За легкодоступную деревенскую бабу, которая чуть ли не с разбега в постель к нашему главнокомандующему залетела! Хотя что-то тут не вяжется, чтобы наш монстр сам тебя к себе в постель позвал! Ты же... страшная!

– Ну, ты парням всегда нравилась, – начала отнекиваться «подруга».

А ничего что у нас тут война, жизнь родственников на волоске висит? По ее мнению получается, что я настолько тупа? Ну не взяли меня в маги, ну и что?! Просто я готовлю хорошо, а этот их монстр монстров все нос воротит от моей стряпни! Вот и сегодня ни ложечки не съел, скотина! Уже надеюсь, что скоро эта тварь с голода сдохнет!

– Я?! – взвизгнула во весь голос, с негодованием сжимая от злости кулаки!

– Ты! А кто еще? Толстая и... грязная! Только на одну ночь от скуки развлекься и можно! Может, и меня развлечёшь? – с ироничной улыбкой спрашивает на краю моего сознания помощник главнокомандующего.

– Ты последняя наша надежда, Любава! Так что надеюсь, что ты не забудешь, зачем тебя послали! Мне нужно точное время, мне пора возвращаться за линию фронта. Когда ты сможешь достать планы?

– Сегодня ночью, в полночь, – отвечаю неуверенно.

До меня доходит, что я сказала что-то не то лишь тогда, когда обращаю внимание на странное выражение лица серенького Маратика, вернее уже лиловенького, ибо его щёки почему-то цвет поменяли.

– Хорошо, я буду ждать тебя у подножия горы ровно в полночь. Я приду раньше, свяжусь с тобой, будь готова! – услышала слова Настасьи и, наконец, почувствовала, как за-

пястье, на котором стоит её метка, перестало болеть.

Шикарно, и что мне теперь делать? Кажется, этот serene-кий что-то мне говорил, но я совершенно не слушала, занятая разговором с Настасьей.

– Мне можно идти? – спрашиваю нерешительно, прервав наше затянувшееся молчание.

Он кивает, я поворачиваюсь к дверям, но меня останавливает его оклик.

– Возьми, – говорит, протягивая какую-то позолоченную баночку, как для мазей.

Нерешительно беру ее, но, когда наши пальцы касаются друг друга, он вздрагивает и поспешно отдергивает руку. Какое-то плохое чувство вызвало это действие и взгляд, который за ним последовал.

– Что это? – переспрашиваю несколько заторможено.

– Залечит твои ожоги, – отвечает Марат, как-то уж больно пристально смотря на меня.

Кажется, пора делать ноги, так что быстро поворачиваюсь, нажимаю на ручку двери, и чуть не спотыкаюсь от брошенной мне в спину фразы:

– До встречи ночью.

Глава 14. Ночное свидание.

Из покоев выбежала, как ошпаренная, напоследок защемиив подол платья дверью. Вытянула грязный конец из щели, пытаясь привести мысли в порядок. Смотрю перед собой какое-то время, судорожно соображая, с чего бы этот серенький так себя ведет. Разворачиваюсь лицом к двери, нехорошо прищурилась. У нас молодой мужчина может сказать такие слова разве что любовнице. Вот кого-кого, а меня к этим гулящим девкам нельзя причислить. Да я и повода не давала! Что там говорила Настасья об их красоте? Ну да, на баб красивых похожи, этот помощник особенно, но кто в своем уме захочет жить с «таким»? У меня все время возникало чувство, что он красивей меня. Было бы не до смеха, если проходящие мимо мужики свистели бы вслед ему, а не мне. Да еще этот серый цвет кожи – «фу»!

Что он вообще говорил, а я ему, по его мнению, отвечала? Тяжело вздыхаю, почему-то чувствуя злость на себя. Надо было и его слушать, а я лишь о словах Настасьи думала! Ладно, черт с ним, с Маратиком! Собралась, нужно пользоваться удачным моментом!

На этаж ниже полетела на всех парах, стражи поблизости не наблюдалось. Наверное, они стоят на посту, только когда главнокомандующий внутри. Вошла в покои тихо, на цыпочках и сразу направилась к двери кабинета, прислушиваясь к

каждому звуку. Дверь стояла на месте и была заперта, что не удивительно. В этот раз у меня было время, так что, опустившись на колени, посмотрела в замочную скважину. Судя по размерам ключ от двери должен быть большим, вроде того, что был у отца, от храма. Длинной с мою ладонь, не меньше. Ну и как мне дверь взламывать? Под рукой не было ничего подходящего, начала шарить взглядом по гостиной, но и здесь не обнаружилось ничего подходящего. Мои нервы сжались в комок, состояние – на грани истерики. Ну и как, чёрт побери, эту дверь открыть?! Впервые пожалела о том, что меня воспитал жрец, а не какой-то разбойник. Когда уже в отчаянье схватилась за кочергу, решив выломать дверь к чертям, жизнь подкинула мне очередную пакость.

В коридоре послышался топот, и определенно зная, что идти здесь могу лишь в одну комнату, нервно забежала взглядом по интерьеру. Где бы спрятаться? Вокруг стол, кресла, диванчики, книжные шкафы, в углу большой громоздкий шкаф. Раскрыла и слегка ошалела от вида дорогих женских платьев на вешалках. Я, значит, в грязном фартуке и платье хожу, а тут целый гардероб пылью покрылся! Что вообще женская одежда делает в гостиной? Но думать об этом было поздно, едва успела нырнуть внутрь шкафа, дверь в комнату с грохотом открылась, и я еле успела прикрыть дверцу, оставив узкую щель. Да уж, за время своего злключения, я научилась многим навыкам. Прямо не знаю, как можно применить в будущем опыт тайного сидения в шкафу с целью под-

слушивания чужих разговоров. Собирать сплетни для деревенских бабушек? Хорошо хоть в этот раз не в сортире или голая за ширмой в ванной сижу.

Двери громыхнули, ударившись о стену, пропуская монстра монстров. Он был в своем странном обмундировании, но почти сразу сбросил шлем прямо на пол. Длинные волосы укрыли плечи, и чисто женская зависть к шелковистым и, самое главное, чистым волосам заставила с негодованием прикусить губы. Он что-то зашипел со злым выражением лица.

«— Вот чёрт!» — автоматом подменила его шипящую фразу на более понятную.

Серенький монстр начал сдирать с себя части амуниции и бросать куда попало. Перчатка попала в вазу на камине, разбила ее на кусочки. Вот же гад, а кто это убирать будет? От снятой амуниции поднялась какая-то фиолетовая пыльца. Учитывая то, что я и так сижу в пыльном шкафу, вполне логично, что мой нос противно зачесался, норовя исторгнуть щекочущие его частицы. Вот только чихнуть здесь не хватало! Зажала нос пальцами, и едва не вывалилась из шкафа от неожиданности, когда входная дверь опять с грохотом открылась. Не щадят ее совсем серенькие.

«— Монстр!» — выдал мой внутренний переводчик голосом Маратика, так что я сжалась в комок.

А он-то здесь какими судьбами? Заговорил он, конечно, на их языке, может и с уважением, но глазки-то совсем о другом говорят.

«— Еще одна недобаба», — шипит их монстр монстров, слегка повернув голову на своего помощника.

«— Я не баба!» — шипит резко этот помощник и вдруг хватается главнокомандующего за плечо, поворачивая к себе лицом.

Это что за панибратство с начальством? Совсем, что ли, с катушек слетел? Возможно, их главный монстр о том же подумал, расправил свои огромные плечи, я его теперь лишь со спины видела, сложно сказать какие эмоции играли на его страшном сером лице, когда он шипел новую фразу. Но раз уж это просто моё развлечение, решила представить, как хмурятся его черные брови, и он с серьезным видом спрашивает:

«— Правда, что ли?»

Маратик неожиданно опустил голову, как будто провинившийся солдат. Которым он, по сути, и является, хотя мне порой кажется, что он, совсем как наши генералы, уже забыл, что такое пыл сражения. В отличие от страшного главнокомандующего, у которого, несмотря на отличные навыки боя, одни бабы в голове, по-моему. Похоже, ни в одном сером мужике нет идеала, да и позитивных качеств тоже. Не скажу, что наши мужики совсем уж без изъянов: пьют, ходят налево, иногда и колотят, как грушу, своих жен.

У нас же как? Мужик — всему голова, он чуть ли не царь и бог в своем доме, делает что хочет. Спаситель все, разумеется, видит и судит их по заслугам, но на деле, все об-

стоит не так справедливо. Мне часто приходилось помогать принимать роды у беременных женщин с синяками на лице или выхаживать роженицу после выкидыша, случившегося от побоев ревнивого мужа. Пускай в храме это порицается, называется грешным делом, но преподносится это так, как будто можно и даже нужно женщину иногда поколачивать, но так, чтоб никто об этом не знал. А наши бабы – дуры, терпят, оправдывают и мертвых детей прощают... «Бьет – значит, любит!» – есть у нас пословица. Глупость, но такая красноречивая, что для некоторых, по сути, становится поводом для оправдания их неблагоприятных поступков. Подруга моя, Анапа, от мужа через неделю после свадьбы вся в синяках пришла и с блаженной улыбкой давай рассказывать, как муж ее любит, да только ревнует очень. А синяки? А что синяки, это она сама виновата, не так на мужчину постороннего посмотрела, за что дома и получила. Ну и где тут любовь? Может, в самом деле, лучше богу в жертву приносить, чем всю жизнь издеваться, ломая каждую косточку в теле и со временем превращая женщину в серое нечто, что содрогается при каждом громком звуке.

Вздыхаю тяжело. Поэтому-то я и замуж не спешу, оно мне надо? Видела я этих мужчин в гробу с бантиком на лбу! Бросаю взгляд в щель, а то в мысли свои слишком углубилась. Видать много пропустила, поскольку монстр монстров снял с себя амуницию и остался в темной тонкой рубашке и в таких же штанах. Но и этого ему оказалось мало, судя по дви-

жению рук, он начал расстегивать рубашку, очень медленно. Жара что ли в голову ударила? Как мой больной мозг заметил последовавшее шипение монстра монстров при таком интересном занятии, не сложно догадаться:

«— А давай я сейчас это проверю и ... потерябонькаю?» — прозвучал в моей голове вольный перевод прозвучавшей от главного монстра фразы.

«— Не надо!» — почти сразу отозвался Маратик.

Бедняжка, он аж к двери на шаг отступил. На симпатичном личике, так сильно похожем на женское, отобразился самый натуральный испуг. Не думала, что их лица способны сереть ещё больше, но лицо Маратика доказало обратное, стало еще более серым, несколько подпортил его красоту.

«— Что «не надо»?» — поинтересовался с иронией главнокомандующий.

«— Не надо теребонькать!» — решительно заявил помощник и сжал свои изящные ручки с длинными пальцами в кулаки.

«— Надо, Маратик, надо!» — выдал монстр расхожее в нашей деревне выражение, ну или что-то подобное, резко распахнув рубашку.

В шкафу стало нереально тесно, дернулась назад, разрываясь между желанием блевать и ржать как лошадь. Нет, ну что со мной не так? Щеки покрылись густым румянцем, сердце лихо выбило несколько ударов в бешеном ритме раздалой чечётки. Что вообще значит эта фраза: «теребонь-

кать»?! Нерешительно взглянула в щель, чтобы увидеть голую спину главнокомандующего монстра. Рубашка покоится в камине, скомканная как будто тряпка. Вот же зажрался, честное слово! А дедушкам и бабушкам убирать у этой свиньи недоделанной.

«– Сам разденешься или мне помочь?» – выдала реплику моя фантазия за это широкоплечее двухметровое существо.

Ох, как же у меня глаза на лоб полезли, когда Маратик зачем-то начал закатывать рукава своего одеяния. Оно вообще странное у сереньких, как будто ряса или платье какое-то, правда, в отличие от последнего, под ним всегда штаны надеты. Это он так неумело раздеться хочет? Дальше, не отводя от монстра взгляда, положил одну свою руку на оголенное плечо, а вторую куда-то на уровне груди. На лбу серого выступил пот, он поджал губы и посмотрел куда-то вниз.

«– Потеребонькай!» – приказным тоном громко прошипел главнокомандующий.

Конечно, вряд ли он потребовал именно то, что я себе напридумывала, ну, по крайней мере, я на это надеюсь. Но от звучания его голоса я подпрыгнула, сильно рискуя выдать себя с потрохами. Хорошо хоть никто из них не заметил, как содрогнулся стоящий в комнате шкаф, серенькие всецело были заняты друг другом. По спине пробежали мурашки, что-то в последней мысли было не так.

«– Будь нежным», – прошипел главнокомандующий, но в этот раз по-другому, мягко и нежно, если не сказать, с моль-

бой.

Моя психика начала меня подводить, где-то в черепушке кто-то открыл кран смешинок, и вот-вот начнется, по меньшей мере, всемирный потоп. Маратик с сосредоточенным, напряженным выражением лица начал водить свободной рукой туда-сюда, а в моем мозгу всплыла полная понимания мысль, описывающая его действия: теребонькает. Вроде, казалось бы, сама себя развлекаю, это слово тоже сама придумала, но смеяться хочется так, что все лицо сводит от напряжения мышц. Вот что значит, не выдерживают нервы от непосильной задачи и ужасных условий. Схожу с ума, а сумасшедших у нас на кострах сжигают. Плохи мои дела, плохи! Может они там чем-то серьезным занимаются, ну, не знаю... Целуются? От сдавленного смеха меня согнуло пополам, да так неудачно, что дверь шкафа приоткрылась еще больше. Исключительно это и помогло слегка прикрыть мои краны смеха и вспомнить о том, что если меня здесь найдут, уже будет не до смеха.

Высунуться и посмотреть, что там происходит, и как далеко зашли эти двое, раньше не могла, боялась. Только когда что-то громко скрипнуло, нарушая пугающую тишину в этой комнате, смогла, наконец, взглянуть на то, что там происходит. И то пришлось прикрыться полностью каким-то длинным платьем. Теперь главнокомандующий, все также без рубашки, сидел на стуле за столом. Марат стоял недалеко от него, как-то боком, соединив руки в районе паха. Мои гу-

бы нервно задрожали, так как воображение быстренько дорисовало пропущенные мной эпизоды, и я с трудом сдержала желание засмеяться. Даже когда недомужик недовольным тоном изрек в моей голове: «Не кончил», – не засмеялась. Да меня теперь Царевной-Несмеяной из сказок можно называть, и это при том, что в деревенских компаниях я всегда смеялась громче и чаще остальных. Не то что смешливая была, просто не смеяться, когда смеются остальные сложно. Ну что поделать, часто в истории попадаю, и часто они мне боком выходят. Ну и что? Унывать что ли теперь? Плакать? Нет, я уже наплакалась, да и не помогут мне сейчас слёзы.

«– Ты был хорош», – выдал в моей голове главнокомандующий.

Лицо уже чесалось от пыли, возможности вытереть его не было, это бы сразу заметили в комнате.

«– Да, но я не получил удовольствия от нашего теребоньканья. Так что, может, продолжим?»

Маратик указал рукой на дверь кабинета, и я чуть не дернулась, желая увидеть все лично. Да я не о теребоньканье! Мне хотелось увидеть, у кого был ключ от этой двери и где они его прячут. К запретной двери подошел помощник и ловким движением из потайного нагрудного кармана достал толстый и действительно длинный ключ. Это как я его оттуда достану? Мужчины вошли в кабинет, но дверь за собой не закрыли. Их шипение разобрать невозможно было, да и желания развлекаться так дальше в себе не нашла.

Не знаю, сколько времени просидела в шкафу, не двигаясь, но спина и мышцы уже ныли от неудобной позы. Да и свет в комнате почти полностью погас, солнце зашло, а это означает лишь одно – у меня осталось мало времени. А мне ведь надо было успеть предупредить дедушек и бабушек. Да, такими темпами мы банально не успеем ничего сделать. Уже молчу о том, что обо мне могли спохватиться и начать искать! Не факт, что сейчас не заявится какой-нибудь серенький с криками о моём побеге. Было бы хорошо, если бы оно так и было. Однако проблема в том, что я всё ещё здесь, да и стариков подставлять не хотелось, могут пострадать, как мои подельники.

Словом, решила, наконец, уходить. Дабы не светить, несмотря на полумрак, ярким фартуком, сняла его. Платье стало уже совсем грязным, лишь на месте, где был фартук, светилось белое пятно. Чтобы скрыть свою одежду сняла самое темное платье, которое нашла в этом гардеробе. Затем очень медленно открыла полностью дверь шкафа. Еще медленней и нерешительно двинулась оттуда сама и застыла перед шкафом, решая, нужно ли закрывать дверцу или не стоит. Решила оставить её открытой, так, на всякий пожарный. Придвинулась к противоположной стенке, выставила перед собой платье, как будто оно может меня спрятать, и медленно двинулась в сторону выхода.

Сказать, что я нервничала – не сказать ничего. Каждый шаг давался с трудом, в полном страхе. Когда же поравнялась

с дверью в кабинет, затаила дыхание. Только сейчас, еле рассмотрев сереньких в темноте, наконец, заметила одну странность: в кабинете не горел свет. Там царил полумрак, но при этом две мужские фигуры продолжали стоять возле стола, рассматривая какой-то большой свиток, скорее всего карту.

Это же планы! Те самые планы, которые я должна украсть. Желание сделать это прямо сейчас в голове не возникло, зато появилось какое-то большое предвкушение и ничем необъяснимая радость. Когда прошла самый опасный участок, медленно начала обходить стол, чтобы добраться к двери. Смотря на светлую полоску под дверями, сразу поняла, что без проблем выйти из этой комнаты не получится. Когда же за дверями мелькнули тени стражников, поняла в каком плане «Ж» оказалась. Ну и что теперь делать?

Решение как-то само в голову пришло, пускай и рискованное, но что есть, то есть. Моё платье для плана не подходило, но то, как я им прикрывалась, вполне сойдёт. Стянула свою грязную одежду вместе с нижней рубашкой, слегка озябла, почувствовав себя полностью голой. Натянула платье из тонкой, дорогой ткани с кружевами, такое невесомое, что даже не привычно. Свое платье пришлось спрятать под комодом, чтобы не мешало антуражу. Кстати, именно для него развязала косу и распушила волосы, как будто буквально недавно из постели выбралась, пощипала свои щеки и шею, так, что аж больно стало, а кожа покраснелась. Уповала на случай, когда быстро открыла дверь и прыгнула в проём, прикрыв

сразу за собой дверцу, чтобы свет из коридора не успели заметить.

Стражники уставились на меня во все глаза, ибо от поспешного прыжка волосы свалились мне на лицо, закрывая наведенный антураж. Один из стражников настороженно посмотрел на меня, еще немного и спросит, что я тут делаю, а правдоподобного ответа у меня не было. Я хотела сыграть на том слухе, что сама и создала, но сейчас момент был уже не тот, так что пришлось судорожно придумывать что-то новое. И как-то так не вовремя мой кран прорвало, плотину снесло, страну и весь мир затопило волной моего смеха. То ли нервы не выдержали, то ли пора на костер, то ли просто дура. Стражники уставились на меня, а я, великолепно понимая, что дверь не приглушит звуки моего веселья, никак не могла уняться и перестать громко хихикать.

Стражники застыли в недоумении, не зная, как со мной быть и как ко мне обращаться. Вроде как в дорогом платье, а всего лишь кухарка – парадокс. Гордо вскинула голову, шандарахнувшись при этом затылком об дверь за своей спиной и тем самым откинув волосы с лица. Меня еще не окончательно пробило на смех, но, представив, что будет, если хохотун всё-таки прорвется, и я своим смехом переполоху навела на весь замок, медленно пошла к лестнице. Не бежала, чтобы не вызвать подозрений, а спокойно шла, не прекращая хихикать, как сумасшедшая. Да, костер меня ждет как никогда сильно. Даже когда возле самой лестницы знакомо скрипну-

ла дверь в покои главнокомандующего, не подала вида, спустилась по лестнице, не прекращая смеяться. Моя истерика оборвалась резко, когда дошла до кухни, увидев столпившихся возле неё, чтобы получить еду, стариков.

– Что случилось, дочка? Откуда платье сие странное? – спросил один из дедушек взволнованно, и лишь тогда до меня дошло, что я была в шаге от провала.

Судорожно вздохнув, вдруг поняла, что это не так страшно и трудно, как себе представляла. Сердце бешено стучало в груди, так, что было больно, но мне нравилось это ощущение. Никогда не ощущала себя более живой и почему-то сильной.

– День «Зю», мои дорогие! День «Зю» настал! – объявила им тихо, наконец-то собравшись с мыслями.

– Как? Уже? – закашляли в испуге дедки, вгоняя в ступор своих сереньких стражников.

– Да, уже, так что, будьте добры, соберитесь! У нас на ужин уха, и я очень надеюсь, мы не задохнемся в нашей камере ночью от ваших газовых атак!

Последнюю фразу я говорила исключительно для того, чтобы отвлечь стражников, хотя те и так на меня смотрели с подозрением, не доверяя ещё сильнее, чем обычно. Мы зашли в кухню шумной толпой, где меня обступили бабушки, перепуганные моим длительным отсутствием.

– Ты где была? – выдал наш суровый повар, на этот раз с надетыми штанами.

– Платье искала, – с невинным видом ответила ему. – Как Вам? Красавица?

Закружилась посреди кухни, только для того, чтобы отвлечь внимание толпы от взволнованного перешептывания стариков.

– Не то слово, – услышала за спиной и сразу остановилась.

Маратик смотрел на меня с прищуром, как-то очень нехорошо. На спине выступил холодный пот, это не он ли шел по моим пятам, после моего вероломного смеха? Чувство, что сейчас случится что-то очень плохое, так и застыло в воздухе.

– Тебе бы только бездельничать, – выдал повар недовольно, не замечая, как напряглись все старики и я.

– Что есть, то есть, – согласилась с издевкой и лишь после этого отвернулась от помощника главнокомандующего, как будто не замечая его тяжелого взгляда.

– Скорей бы поесть, – выдала с улыбкой, как можно более не натянуто.

Есть на самом деле не хотелось, даже для того чтобы серым меньше досталось. Возможно, это такой психологический фактор, но я винила во всем не только Ферера, но и свою толстую задницу, которую раньше считала весьма аппетитной частью своего тела. Если бы была худой, как эта швабра серая, никто бы не сказал, что я ворую еду при штабе. Не для себя старалась, а они решили, что себе брюхо набивала. Козлы, самые натуральные козлы!

– Держи, внученька, – пробормотала баба Люба с улыбкой, подсовывая мне уху в большой тарелке.

– Вы, – неожиданно выдал Маратик, заставляя вспомнить о том, что он никуда не ушел.

Судя по тому, что меня еще не скрутили, о том, что я была в покоях главнокомандующего, он не знает. Или нет? Ведет он себя больно странно, с ним все время приходится быть настороже. Поворачиваю к нему свою голову, показывая, что понятия не имею, что он хочет.

– Нашу встречу придется ускорить, так что пойдёмте.

Непонятная фраза, произнесенная со странной интонацией, но упускать так вовремя подвернувшуюся возможность достать ключ и планы никак нельзя. Не раздумывая ни секунды, поднимаясь из-за стола, следую за сереньким. В этот раз до его кабинета мы шли быстро, никем не остановленные. Это я сначала думала, что до кабинета, но на нужном этаже он неожиданно открыл другие двери, пропуская меня внутрь первой. Это была спальня, а после увиденного в покоях главнокомандующего я даже испугаться не смогла. В комнате царил полумрак, пока серенький лично не подошел и зажег несколько свечей возле кровати. Огромной такой кровати, с голубыми расшитыми золотом простынями и одеялами. Да у его главнокомандующего было попроще, черное из шёлка, о чём и поведала помощнику, без зазрения совести садясь на кровать. Как его глазки-то заблестели, женское лицо скривилось, но на мой сарказм он ничего не ответил.

Очень бодренько подошел ко мне и попытался дотронуться, но тут же получил по рукам.

– У вас, сереньких, не принято ухаживать за женщинами? Вином бы вашим угостил, или что вы там пьете.

Говорила я это с улыбкой, старательно изображая безучастность и незаинтересованность. Серенький отвернулся и пошел к камину, где на маленьком столике стояла бутылка с тем винцом, которое я так и не попробовала толком. Он взял его надменно, как будто делая мне огромное одолжение. В тот момент, когда он за ним наклонился, моя рука полыхнула болью. Метка жутко заболела, но в этот раз я не кричала, только зубы сцепила со всей силы на мгновение.

– Сколько времени? – спросила, озираясь по комнате в поисках часов.

– К чему нам считать время? – с иронией произнес Маратик.

Поджала губы, мне не нравилось выражение его лица. Склонила голову набок, ожидая, когда, наконец, услышу Настасью.

– А бокалы где? – произношу, чтобы отвлечь его.

– Из горла брезгуете? – произносит он снова с иронией и пальцем пробивает пробку вовнутрь.

– Ещё как, – слегка бешусь от его надменного тона.

Выхватываю у него бутылку, чтобы не успел из нее отпить.

– Бокалы, – напоминаю, про себя отмечая, как приятно ставить этого серенького на место.

Он поворачивается к стоящему в углу комнаты столу, на котором аккуратной стопкой высятся бокалы.

«— Любава!» — наконец слышу в голове измученный голос подруги и резко вдыхаю.

— Слава Спасителю! — выговариваю по привычке с облегчением.

Маратик поворачивается ко мне лицом, держа два бокала и удивленно подняв брови. В этот раз решаю, что слишком опасно не обращать внимания на слова помощника.

— Неси их сюда, — командую ему прохладно.

«— Кого нести?» — раздаётся удивлённый голос Настасьи в голове.

— Бокалы, — требовательно протягиваю руку, чувствуя раздражение.

С каждым моим требованием его лицо приобретало всё более серый оттенок, кажется, он злился все больше и больше. Этот факт отдавался приятным теплом на сердце, как и тот факт, что бутылка в моих руках осталась не просто так. Бокалы он мне не отдал, поставил на прикроватный столик, а затем внезапно схватил своими холодными пальцами за подбородок.

— Неужели наш монстр позволял тебе вести себя и говорить так с ним? — обратился он ко мне с плохо скрываемой злостью.

«— Ты достала карты?» — спрашивает в унисон с ним подруга.

– В процессе... – отвечаю для нее, смотря на красивую мордашку серого с пренебрежением.

Понимаю, что фраза звучит странно, так что улыбаюсь холодно и добавляю:

– Ему даже нравилось.

Подтекст был очевиден, но я все равно подмигнула серенькому, чьи щеки наливались фиолетовым цветом, и укусила за палец, дабы руку от меня убрал. Хорошо так укусила, до крови. Да так, что он, шипя, отпрыгнул от меня, как от прокаженной. Засмеялась, наливая в бокал вино нарочито медленно.

«– Кому ещё «ему»? Какие еще бокалы?! Ты чем вообще там занимаешься, вместо того чтобы воровать планы?» – набросилась магесса на меня.

– И чем же вы занимали нашего главнокомандующего, кроме своей странной ролевой игры? – нехорошо так прищурился серенький такой.

Это что ревность, что ли? Значит, была я права, и теребонькает он ему, что бы ни значило это слово.

– Я этим сейчас и занимаюсь, – отвечаю Настасье, заставляя серого несколько раз недоуменно моргнуть.

– То есть ты и меня сейчас занимаешь? Так, что ли, получается? – в его голосе прозвучала ирония, однако мне наплевать.

Поднимаюсь с кровати, делаю шаг к нему и протягиваю бокал с вином.

«– Да слышу я, чем ты занимаешься! Любава! Время поджимает!» – вопит в моей голове Настасья.

– Думай, что хочешь, – отвечаю сразу обоим, а то реально надоели со своими наездами.

«– Да что тут думать? наших родных убьют!» – визжит подруга, и я невольно замираю.

– Я думаю, что ты не та, за кого себя выдаешь. То, как ты вела себя при первой встрече, как глупая деревенская баба, и то, как ведешь сейчас – колоссальная разница. Мне интересно, откуда ты взялась, и кто тебя сюда прислал?

Он хватает меня снова за подбородок, не обращая внимания на бокал в моей руке. В этот раз пальцы свои держит подальше от рта, бережет их. Лучше бы он за бокалом в моей руке смотрел.

– А я и есть глупая деревенская баба, – говорю с улыбкой и разбиваю об его серую рожу бокал с вином.

Плевать, что осколки впились в руку, главное, что он не ожидал такого хода событий настолько, что даже отпустил мое лицо. Занозу вторую руку с бутылкой вина и разбила ее об его голову. Все это происходит очень быстро, что толком и сообразить не успеваю. До меня доходит, что этого мало, когда он, пошатнувшись, начал шипеть, а его кожа мерцать. Зная, что ничего хорошего это мерцание для меня не значит, швырнула в мужчину вторым бокалом, жаль увернулся. Серенький зашипел и так стремительно двинулся на меня, что пришлось спасаться бегством, запрыгнув на кровать и схва-

тив со второго прикроватного столика подсвечник с горящими свечами. Взмахнула им и случайно подожгла балдахин над кроватью. Взмахнула еще раз, но перед лицом серого, на что тот отшатнулся.

– Ну что ты, Маратик? Иди сюда, я тебя приголублю! – дразню его с нездоровым весельем.

«– Любава! Ты чем, твою мать, там занимаешься?! Какой еще Маратик?!» – завизжала Настасья в моей голове, так что виски заболели.

– Да заткнись ты! – ору на нее, но получается, что на него. Ну, да хрен с ним, он же тоже шипел что-то. Но, видать, я это сделала зря, потому что серенький внезапно выхватил меч из-под своего одеяния. Коротким и точным движением срезал горящие свечи с моего подсвечника. Бросаю подсвечником в него, но он увернулся.

– Так не честно! – визжу, отпрыгивает назад и едва не обжигая ноги о горящие подушки.

– Еще как честно! – с перекошенной улыбкой и вещает кровавленной помощник монстра.

Замахивается мечом снова, и я еле успеваю с визгом перепрыгнуть на столик. Серенький, в попытке достать меня мечом, сам падает на кровать, рассекает мечом подушки, и в воздух взлетают горящие перья. Быстро забираюсь на шкаф, чтобы он не достал меня со своего положения. Шкаф подомной страшно закрипел, выказывая тем самым простую истину – пора худеть.

– Иди-ка сюда, глупая деревенская баба! – завизжал зло серенький и, рассекая пылающий балдахин, поднялся с кровати.

Я несогласно помотала головой, надеясь, что шкаф подомной всё же не развалится.

– Сама себя зажала в угол! – прокомментировал серенький мое безвыходное положение.

Стою на шкафу, зажата в угол, и деться некуда. Он, уверенный в своей победе, вальяжно остановился в метре от шкафа и с улыбкой полной иронии смотрит на меня. Вот же скотина странная!

– Ну, что, сама слезешь? Или тебе помочь? – ядовито поинтересовался он.

Выхода особо не было, так что пришлось разыгрывать раненую лань. Глаза прикрыла и, махая перед лицом рукой, типа воздуха не хватает, практически сползла по стеночке шкафа.

– Ой, плохо мне что-то! – еле слышно вздыхаю, подсматривая за ним из-под ресниц.

– Думаешь, после всего этого я тебе поверю? – взбесился серенький.

А я ведь не думала, я знала, ибо, если самой поверить – игра будет натуральной. Очень резко дергаюсь и чуть не свалилась со шкафа, да так, что замечаю, как дернулся наш Маратик. Делаю разворот, как будто у меня кружится голова и, отталкиваясь ногами от шкафа, прыгаю на помощника. Того,

что он, отбросив меч, попытается меня поймать, я не ожидала. Думала сыграть на неожиданность, дать ему по голове ногами в тяжелых сапогах. Не предполагала, что траектория полета изменится, поэтому дать ему по голове не получилось. С ног я его сбила, конечно, но его голова каким-то немыслимым образом оказалась у меня под взлетевшей до талии юбкой платья. Здесь, так некстати, пришло осознание, что нижней рубашки на мне нет, и руки сами потянулись к мечу. Не знаю, сколько раз я ударила по его голове, запутавшейся в моей юбке. Остановилась, только когда он перестал пытаться сбросить меня с себя. Красная от злости, поднялась на ватных ногах и вытряхнула его башку из своего подола. Еще несколько раз пнула его для пущей убедительности и лишь потом нашарила потайной карман и достала оттуда нужный ключ. Меч я бы с собой прихватила, но как-то не уверена, что смогу стражу вырубить, а так хоть не будет лишних вопросов. Бросила помощника в пылающей спальне, надеясь, что задохнется или сгорит.

На этаж ниже спустилась в боевом настроении. Мне нужно как-то пройти мимо охраны, желательно незаметно для самого главнокомандующего. К моему удивлению охраны возле дверей не оказалось. Где этот монстр шляется? Ну, да ладно, так даже лучше!

Вошла внутрь и, стараясь лишний раз не шуметь, прокралась к заветной двери кабинета. Ключ никак не хотел вставляться в замочную скважину, так сильно нервничала, что руки

тряслись, поэтому открыть получилось с третьей попытки. Дверь в кабинет за собой прикрыла и в полной темноте начала шарить в поисках стола, а затем и в бумагах на нем.

Способностей, как у Марата, неведомым образом зажигать огонь у себя не нашла, так что, стянув со стола что-то похожее на карту, потащила это к окну и при мягком свете луны попыталась разглядеть символы. Потом проделала то же самое со всеми бумагами в комнате, выбирая те, где имелись причудливые закорючки, обозначающие такие важные слова как «нападение», «захватить», «приказ». Все военные бумаги, наверное, похожи, так что пришлось аккуратно разбираться, а затем свернуть их все в рулон с картой.

Осторожно приоткрыла дверь и сразу поняла, что пропустила тот момент, когда главнокомандующий вернулся. В гостиной все еще было темно, но от двери хозяйской спальни падал свет – там явно кто-то был. Сердце ушло в пятки, но планы, зажатые под мышкой, заставили медленно направиться в сторону двери. Даже зная о том, что под дверью охранники, не могла поступить иначе. Сделав несколько шагов, почти у самой двери с удивлением заметила, что в противоположном углу комнаты кто-то стоит.

Сердце пропустило удар, потом ушло в пятки и там и осталось, когда, осмотрев фигуру того, кто наблюдал из-за угла за тем, что происходило в спальне, я узнала ее. Это же та баба, что в прошлый раз едва не убила главнокомандующего. Наверное, я судорожно вдохнула, и меня заметили. Она по-

вернула ко мне свое скрытое маской лицо, и мы обе застыли, не зная, что делать дальше.

Глава 15. Ночная гостья.

Какая безвыходная ситуация, она смотрит на меня, я на нее. И сама ситуация комичная, как будто встретились два любовника в шкафу, прячась от мужа. Натянуто улыбнулась, не зная, что делать. Дверь-то вот она, совсем рядом, осталось лишь руку протянуть, но эта сомнительная девица уже заметила меня. Вон как глазками сверлит, наверняка тоже не знает, что со мной делать. Если поднимем шум, обе пострадаем от главнокомандующего, не думаю, что этот мужик будет разбираться, кто, зачем и с кем пришел в его покои. Вот же попала: один лишний звук и нам обеим конец.

Может, по-братски, верней по-сестрински договоримся? Я же не буду против, если она убьет главнокомандующего, наоборот, двумя руками «за»! Хотя у нее, конечно, вряд ли получится, но кого это заботит? Он ее прибьет или она его, я в любом случае в плюсе! Смерть захватчикам и всякое такое...

Тыкаю в ее сторону пальцем, выразительно строя гримасы, и показываю в сторону спальни, мол, иди, убивай его с миром. Затем показываю на себя и, перебирая в воздухе двумя пальцами, изображаю что-то из серии «я пойду» в сторону двери и мешать тебе не буду. Длинная пауза после моего вопросительного кивка затянулась. Затем сомнительная баба достала из-за пазухи своего странного одеяния что-то со-

мнительно похожее на нож. Лезвие загнуто, напоминает молодой месяц, ручка тоже загнутой формы – наверняка держать неудобно, так и порезаться можно. А где же хваленая женская солидарность?

Она сделала шаг ко мне, и плачевность ситуации заставила меня действовать. Из оружия под рукой лишь свернутые в трубочку планы, так что смело даю ей по башке ими. Казалось бы, бумага, а кинжал в ней застрял! Дернула рулон на себя, кинжал с громким звуком упал на пол. Мы застыли, смотря друг на друга, а затем подозрительная баба с испугом повернулась в сторону спальни. В этот момент я дернула на себя дверь и выбежала в коридор. Вспомнив, что живу не в пещере, захлопнула за собой дверь так громко, насколько это вообще возможно. Если звук падения кинжала он мог не услышать, то этот грохот проигнорировать не должен. На губах играет злорадная улыбка, но она исчезает, когда осознаю, что стою в луже крови. Она их зарезала, этих стражников. Глотки вспороты, у одного отрублена кисть руки, валяется рядом. Меня аж немного передернуло от такой картины.

Ручку двери за моей спиной дернули, но я ее крепко держу со своей стороны. Дверь дернули ещё раз, с такой силой, что, если бы не таскала по осени мешки с картошкой – никогда бы ее не смогла удержать. Она точно баба? Тощая такая, а вон сколько силы, когда приспичило! Стоять под дверью было глупо, но перспектива того, что меня могут вспороть кинжалом так же, как этих бедолаг, не оставляет выбора. Ещё раз

дернулась дверь, а затем я услышала шипение и звук упавшей мебели. Ну, все, главнокомандующий обнаружил свою припозднившуюся гостью, а мне пора делать ноги. Дернулась в сторону и, отпустив дверь, поскользнулась, с громким криком шлёпнувшись в лужу крови. Хоть бы ковер постелили, сволочи! Подскочила, чуть не выпрыгнув из платья и пачкая украденные планы в крови. Дверь в покои главнокомандующего внезапно открылась, когда я уже была на полпути к лестнице. Не удержалась и оглянулась, когда за звуком ударившей об стену двери последовал непонятно чей, но смахивающий на бабский оглушительный визг. Кто ж так орет-то? Сам главнокомандующий или этот вопль подозрительной бабе принадлежит? Картина передо мной предстала эпическая: сомнительная красавица распласталась в крови ею же убитых, а главнокомандующий застыл на пороге, в одних штанах.

Неужто этот идиот снова наступил на те же грабли? Тощая курица барахталась в крови, пытаюсь встать, а главнокомандующий стоит себе равнодушно и ничего не делает. Она же так убежит! Мужик, да что ты тупишь-то? Убей ее! Смотри, как обнаглела, твоих людей зарезала, а ты как последний...

– Да убей ее уже, идиот! – эта фраза вырвалась сама по себе, и, осознав, что произнесла её вслух, решила ретироваться куда подальше.

Сверкая пятками, побежала по лестнице до нижнего этажа, где и увидела удивительную картину: все охранявшие

нас, то ли монстров от нас стражники валяются на полу. Сначала решила, что обнаглевшая доска и их перерезала, но потом заметила, как некоторые из них двигаются и храпят. Здесь и гадать не стоит, что мои бабушки постарались. Сами бабки нашлись на кухне, в полном боевом обмундировании со сковородками, скалками и кастрюлями наперевес.

– Деточка, это что – кровь? – судорожно схватилась за сердце баба Люба.

– Цела, деточка? – закопошились остальные бабки, окружив меня.

– Времени нет объяснять, нужно срочно уходить. Чем вы их так усыпили? – спросила, снимая с себя грязное платье и надевая рубашку с нижними штанами, а сверху приготовленную стариками кожаную броню.

– Сон-травой, в поле деды нарвали, пока сено лошадям собирали, – ответила баба Галя, на скорую руку заплетая мне косу и завязывая ее красной лентой.

– Все готово? – спросила, закончив одеваться.

– Да, но, дочка, ты уверена, что оно того стоит? Все-таки убивать беззащитных...

– Какие они беззащитные? Это не женщины и дети – это воины! Они в любом случае убьют нас, почему мы должны их жалеть? Хватит болтать, выдвигаемся!

Пускай и говорила я весьма воинственно, но руки дрожали, когда староста отдал мне факел перед входом в катакомбы. Старики смотрели на меня с испугом, им никогда не до-

водилось принимать подобных решений, как и мне. Бросила факел без сожалений в разлитое масло, и пропитанные им тряпки загорелись. О том, что дедушки и бабушки пожалели сереньких и оставили двери в замке не запертыми – знаю, но им об этом не говорю. Не дело это старикам забирать жизнь у тех, кто и не пожил совсем. Пускай пожар не заберет их жизнью, большинство уже начали просыпаться, пока мы по катакомбам и подвалам двигались, зато отвлекает.

– Береги себя, дочка, – сказал старейшина, вручив мне впервые настоящий меч.

На глаза навернулись слёзы, но я улыбнулась, пообещала, что мы ещё встретимся, и их родные к ним вернуться. Мы разделились у речки, далеко от замка. Дедушки и бабушки ушли в лес, в самую чащу, а я осталась возле русла реки.

– Настасья, – зову свою подругу, смотря на собственную покрасневшую руку, – я достала планы. Где ты?

«– Ну, наконец-то! Мне пришлось избавиться от хвоста. Почему так долго? Я в северной части, возле подножья горы».

Пришлось бежать на ориентир, чувство, что меня преследуют, здорово подгоняло. Легкие просто разрывает от боли, давно так не бегала. Все время оборачиваюсь, хотя погони вроде бы нет. Выбежав на небольшую поляну, вдруг осознаю, что вокруг что-то неуловимо изменилось. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что все это время была в той черной дымке, но не замечала этого. Может быть, извне она и кажет-

ся непроглядной стеной, на самом деле внутри все так же, разве немного темнее. Зачем это им надо?

– Любава? – слышу голос Настасьи и понимаю, что он звучит не в голове, только когда вижу белую дымку на ее ладонке, что освещает пространство вокруг нее.

Она обнимает меня так, что весь воздух из легких выбивает. Кряхтя, без лишних слов отдаю ей планы, но она лишь мельком смотрит на них и кровавые брызги на бумаге. Ничего не говорит и, вручив бумаги мне обратно, начинает создавать из собственной крови черную птицу. Странные кровавые ритуалы магов всегда мне казались безбожными, даже жертвоприношение отца в храме менее отвратительно выглядит, чем это. Она рассекла свою ладонь и ждала, пока кровь, образуя круг из капель, накапает на траву. Все это время я испуганно оглядывалась, мне все время казалось, что серенькие из кустов вылезут.

– Все, готово! – объявила магесса, когда ее страшная птица подлетела и забрала у меня планы.

Птица скрылась в небе, а мы остались стоять, как из-за моей спины на пока ещё нормальное небо неумолимо надвигается тьма.

– И что теперь? – спрашиваю устало.

– БЕГИ! – резко выкрикивает магесса, и воздух рядом со мной буквально взрывается.

Взрывной волной, ударившей в спину, меня сносит в ближайшие кусты. Настасья осталась стоять на ногах, выставив

перед собой руки. Воздух вокруг нее мерцает, наверное, ее защитила магия. Поднимаюсь с трудом, меч тяжелый, да и не привыкла я носить броню, она тоже весит прилично. В кустах меня не видно, зато вижу, как вокруг расплзается тьма, и в какой-то момент из нее выходит настоящий монстр. Эти латы, горящие глаза, мне казалось, они должны вызывать ужас и трепет, но только не у меня. Страх есть, он заставляет сердце стучать в ушах, но не от испуга, а потому, что не знаю, что делать.

– Где подмога? Где они? Нас, правда, оставили одних? – шепчу, зная, что она даже на расстоянии услышит.

– Кажется, таких, как ты, ваши люди называют «магами». Ну что же, маг, ты заплатишь за свою смелость.

Голос монстра заставил дрожать, ведь я знаю, насколько он силен.

– Нам нужно бежать. Ну же, Настасья, давай убежим! Мы женщины, что мы можем сделать им?

Мой шёпот искажает голос, пускай руки и сжимают меч. Он пришел сам или взял кого-то с собой?

– Перед боем и смертью бегут лишь трусы, смелые стоят до конца, – сказала она вслух, и мне стало стыдно, за то, что стою, спрятавшись в кустах.

– Смелый, пускай и не равный противник – такая редкость для ваших краев, – с сарказмом произнёс монстр, доставая из-за спины свой громадный меч.

– Беги, Любава, просто беги, – это были последние слова,

что я услышала от Настасьи.

Вспышка от света ее магии на короткое мгновение ослепила, и ноги сами понесли меня к горе, будто получив ускорение извне. Пускай она и велела мне бежать, я не могу поступить так. Знаю, что это бессмысленно, знаю, что ничем хорошим не закончится, но все равно пытаюсь, потому что хочу жить.

Глава 16. Все радости замужества.

Пробежимся быстренько по пунктам того что происходило дальше.

Первое, и самое очевидное: никуда я сбежать так и не смогла.

Второе, и слегка глупое: решила дать отпор их главнокомандующему.

Третье, и самое смешное: стратегия той странной серенькой девки подействовала, за поцелуем их главный монстр подвоха не заметил. Зачем он всех женщин подряд целует? Традиция такая у них, что ли, или просто бабник? Кто же их сереньких поймет?

Четвертое и самое прискорбное: ничего у меня не получилась, странная серьга лишь едва заметно порезала его, зато мне досталось крепко. И вот, когда я картинно разлеглась под скалой и всецело делаю вид, что дохлая лань (ну, так на самом деле и есть) смотрит этот серенький на меня, как на дерьмо какое. Или мне так кажется? На их красивые моськи смотреть обычно приятно, но у этого же лицо все в шрамах, чего здесь привлекательного?

Несколько шагов и он уже возле меня, нагибается, а я покорно жду, когда меня лишат жизни. Ну, как «покорно»? Стыдно мне, ой, как стыдно, что на монстра свой первый поцелуй потратила, хоть никто об этом никогда и не узнает.

Спина болит, но это не критично, думаю, при желании смогу встать, а вот убежать – это вряд ли. Больше всего болит рука, буквально огнем жжет, разве от порезов так бывает? А этому, главное, хоть бы хны! Царапина! Обидно, очень сильно обидно умирать, словно мусор какой-то. Вот сейчас наступит на меня и пойдет дальше, искать свои планы. Мужчины все такие, через тебя проходят, через тело, через душу и уходят к новой вершине, чтобы пройти и ее тоже. Спаситель, о чём я думаю перед смертью? Губы горят от пылкого поцелуя, щеки от его легкой щетины, грудь от грубых ласк. Даже кожаная броня ему меня потискать не помешала. Профессионал!

– Что же ты наделала? – холодный металл касается моей ладони.

Мне и так больно, зачем ещё и рану мою ковырять?! Садист, тварь, монстр... Как будто мысли мои читает, руку свою убирает, но только для того, чтобы второй откинуть волосы с моего лица. Вот как будто знал, что я радуюсь, что из-за них мне его не видно.

– Теперь я не смогу убить тебя, – улыбнулся жестоко, смотря мне в глаза, будто бы его слова что-то значат для меня, – жена.

Жена? ЖЕНА?! Какого... Емкий мат посыпался в сторону милого серенького будущего покойника, посмеявшегося назвать этим словом меня. После такого фольклорного потока порой даже трактирщики и вояки затихали, запоминая но-

вые фразы и обороты и добавляя их в собственный лексикон. Но этот серый потому и является великим и ужасным монстром монстров, так что даже не скривился. Главное, какое личико спокойное и умиротворенное сделал, как будто именно этого от меня и ожидал.

– Мужчина, я понимаю, что для вас это будет новостью, но поцелуи ещё ни к чему не обязывают. Есть обряд, жрец и кольца, а главное, услышать «да» от жениха и невесты. Почему от меня вы услышите «нет», я думаю, вам понятно?

Говорила я уверенно, словно не нахожусь в самой странной ситуации в жизни. Серенький на меня смотрит без эмоций, и совсем становится не понятно, что он по этому поводу думает. Немного позабавило, что на вопрос мой он по инерции кивнул, а потом посмотрел на меня с прищуром, как будто я в этом виновата.

– Ну и чего ты на меня смотришь, как баран на козочку? Убивай, давай, сколько мне ещё здесь лежать?

Картинно откинулась назад и застонала, пытаясь рукой в траве нашарить свой меч. Мужик завис, хотя, когда к постельным забавам дело шло, соображал вроде как быстро.

– Ну, что ты ждешь? – открыла один глаз и недовольно надула губки. – Я сама себя убить не могу! Так что давай, пошевеливайся уже!

Разлеглась на траве, стараясь не обращать внимания на то, что монстр на колено одно возле меня припал и смотрит на меня, как на зверушку забавную.

– Я же сказал тебе...

Договорить он не успел, потому что я, наконец, нашла рукоять своего меча и от радости даже села.

– Мужчина, это я вам говорю?! Кольца, жрец и два «да»! Все, другие способы кроме брачного обряда я не принимаю! Так что извольте выполнять собственные обещания. Последнее желание было? Было! Так что давай, исполняй, а то вы мужики, когда надо, вечно кончать забываете.

Главкомандующий закашлялся на последней фразе.

Фыркнула ему в наглую рожу и обратно на травку улеглась, правда в этот раз боком, чтобы лицо мое ухмыляющееся не видел. За ручку меча взялась, ухмылку с лица убрать не смогла, жду подходящего момента. Едва я закончила говорить и отвернулась от него, главкомандующий начал злобно шипеть.

– Не обзывайте меня! – рыкнула я, несколько разозлившись.

– Ты знаешь наш язык? – выдал удивленно sereneкий.

– Все языки, когда на них сквернословят, похожи, по интонации понятно. Так что хватит здесь выделываться, и обещание исполняйте, я свою часть выполнила.

– Какую ещё часть? Ты желание загадала – я исполнил. Что ещё не так?

Какой бедный мужик, женат, по его словам, только несколько минут, а уже мечтает о разводе.

– Ну, так оно последнее, сколько тебя уговаривать? Уби-

вай, давай! – требую у него с конкретным таким наездом.

– Ты что жить не хочешь? – выдал монстр через минуту раздумий.

– А самому догадаться по моим просьбам не судьба?! – приподнимаюсь на локте, созерцая сие великолепие.

Он всё-таки ничего, если в темноте на него смотреть, правда, на пугало огородное слегка похож, с распущенными-то патлами, но зато как глазюками своими посверкивает в темноте романтично. Одного не понимаю: зачем этот бред о женитьбе нёс? Это как-то совсем не вяжется с его образом ловеласа, монстра и самовлюбленного кретина. Картинно закатываю глаза, мол, уже не могу с ним, смерти так хочу.

– Я не могу тебя убить, ты – моя жена. Не знаю, подсказал тебе кто, или сама узнала, как этого добиться, но факт остается фактом: мы женаты. По законам Гу Ре, ты – моя жена, умереть от моей руки ты не сможешь.

Ой, какие мы холодные и надменные, делает вид, что самому противно. А ничего что мы недавно целовались, и телочка у тебя работала? Нет?

– По чьим законам? Ху Ря? У нас по таким законам на сеновале решали, кому за второй в магазин бежать.

– Гу Ре – это я, мой народ, национальность, по-вашему, так что прояви уважение, говоря о нём.

– С Ху Ря ли? Ты, что ли, и твой народ проявляли уважение, убивая мою Ху Ря? – фыркнула, гордо подняв подбородок.

– Женщина, – прошипело это чудовище, протягивая свою клешню к моей шее, – убить я тебя не могу, но сделать так, чтобы ты мечтала о смерти по-настоящему – запросто.

– А откуда тебе знать, что я сейчас симулирую? Большой опыт общения с симулянтами? Хотелочка мало кого впечатлила? – отклоняюсь назад, но опираясь всего лишь на локоть это неудобно делать.

– Оттуда, что ты меч свой сжимаешь крепко. Тебе не убить меня, женщина.

Вот же глазастый, все подметил! Резко вдыхаю и пытаюсь снести ему мечом башку, он этого, конечно же, ждал, потому и увернулся, немного отклонившись. Словно я с мечом – для него комар, не больше. Клешня ударила по руке, легко выбив меч из нее. Больно до чёртиков, но не так, как от пореза.

– Ну, и что ты теперь делать будешь? – спрашивает этот монстр с ироничной улыбкой.

Вот что в подобной безвыходной ситуации может сделать женщина? Расплакаться? Нет, я должна не на жалость давить, с ним это точно не пройдет. Мне нужна передышка, чтобы придумать, что делать дальше, и есть хороший женский способ ее получить.

– Ох, – хватаюсь за грудь, резко вдыхаю, как будто мне дышать нечем.

Монстр даже отреагировать не успевает, как я со стоном падаю без сознания обратно на траву. Обмороки ещё никогда не подводили в сложной ситуации, когда нужно отвлечь

внимание от своей скромной персоны. Учитель по этикету до сих пор считает, что у меня очень слабое здоровье, а не то что я прогуливала его уроки. Остается надеяться на некое благородство монстра серого, или хотя бы на то, что бить в таком состоянии не станет.

Глава 17. Не смей.

«Жил себе Артал Устрашающий, знатный главнокомандующий, горя не знал, но как-то раз угораздило его повстречать нечто невообразимое и совсем невыносимое. Много трудностей было у Устрашающего на его нелегком жизненном пути, но, как оказалось, ничто из его прошлой жизни не могло сравниться с женитьбой», – такие мысли промелькнули в моей голове, при виде выражения его лица.

Ну, или с чего бы он такую моську недовольную соорудил? Вот точно думает, за что ему такое «счастье» в виде меня привалило. Бедный мужик, бедный, мне почти жаль его. Почти, очень почти... да, короче, совсем не жаль! Зачем мне его жалеть? Я здесь жертва, а подглядывание за ним мешает сосредоточиться на выработке дальнейшего плана действий. И вообще, что этот серенький «муж» собрался со мной делать? Пытать? Чтобы за планы поплатилась, что ли?

Что-то мне реально поплохело, а вдруг и правда, будет пытать? Он же явно не в себе. Какой-то бред несет, какая ко всем чертям женитьба? Муж... Ха! С Ху Ря ли?! А мне нравится, как звучит эта их национальность, как отборное ругательство.

– Женщина, – услышала голос полный злобы и чуть не вздрогнула, выдавая себя, – вставай.

Ага, сейчас! Тебе надо, ты и неси, а я тут полежу на травке

спокойно. Как же хорошо было в лагере работать, а дома с сестрами вообще рай земной по сравнению с тем, что сейчас. Что со мной теперь будет? Убивать не хочет, или и впрямь почему-то не может, и мне себя убить тоже не дает. С каких пор мужчины так сильно испортились, ну вообще ничего для женщины сделать не могут: ни убить, ни дать спокойно умереть. Разве я о многом прошу?

Ох, судьба моя, судьба... Как бы дотянуться до меча, куда там он его отбросил? А серьга эта острая где? Может, ею пырнуть раз так двести, истечет кровью и сделает меня вдовой? Вдовой вообще жить приятно, хочешь замуж – выходи, не хочешь – не выходи, можно пойти учиться или дом купить на деньги покойного мужа и жить самостоятельно. Можно сказать, вдовство – самый приятный для меня вид замужества, жаль муж осчастливить меня так не желает.

Вздыхнул, выпрямился, смотря на меня с высоты своего огромного роста, как на букашку. Какое-то нехорошее у меня предчувствие.

– Вставай, – повторил с более холодной интонацией, что усугубило мое нехорошее предчувствие.

По ходу это было последнее предупреждение, поскольку монстр замахнулся мечом и почти оторвал мне голову. Почти, потому что, едва он занес меч, я струсила и быстро села. Перед глазами даже мушки появились от собственной резвости, чуть на самом деле хреново не стало.

– Надо же, встала, – язвительно прокомментировал глав-

нокомандующий монстров мое восстание в вертикальное положение.

Не сомневаюсь, что принц из одной знаменитой пошлой сказочки о спящей красавице тоже так отреагировал, когда его постельное развлечение после нескольких лет вдру проснулось, а у нее уже трое детей и большой опыт в половых игрищах. Знал бы отец, какие сказочки рассказывает молодёжь нашей деревни, запретил бы их давно на еженедельных катехизисах.

– Мужчина, вы мне мешаете, отойдите, – махнула на него рукой, будто графиня на чернь.

– Мешаю? – спросил с натянутой улыбкой, а потом как рявкнет: – ВСТАЛА!

На ноги взлетела с такой скоростью, что предыдущие мушки перед глазами показались просто пылинками. Спина моя бедная, и бочок тоже. Такое впечатление, что меня побили, словно отбивную. Как есть-то захотелось...

Ах, ты же серый пи... петрушка! Чтоб у тебя патлы все вылезли! Бедную свою женушку не только убить не пытается, да и не кормит ещё совсем.

– Ну, и что теперь? – поворачиваюсь, делая вид, что сама на ноги решила подняться.

Да и не шатает меня совсем, это я от излишней энергии не могу спокойно стоять. Тоже мне, монстр устрашающий, не боюсь я тебя совсем! Во, видал, как смело шатает меня из стороны в сторону? Где там мой меч? Дайте мне его сюда,

и я ему вломлю и за честь девичью, и за мои фирменные котлеты, которые эта падла даже попробовать не захотела!

Монстр монстров еле заметно склонил голову набок, точно прицеливаясь, какую часть моего тела отрезать в первую очередь, чем слегка притушил мой пыл. Стоит и смотрит, гад иноземный. Патлы на ветру развеваются, из-за спины тьма наступает. Ну, прямо ужас во плоти, властитель ночи или, как сказал бы мой папа: безбожная тварь.

– Пойду-ка я, а вы здесь травку пожуйте, или чем вы там питаетесь? – пробормотала неразборчиво и рискнула повернуться спиной к этому монстру, чтобы сбежать.

Сделала один шаг, всего лишь один шаг, как почувствовала боль ещё и в плече. Нежным и терпеливым мужем этого гада серого считать однозначно не стоит. Клешня в металле так надавила на плечо, что не осталось ничего другого, как послушно развернуться и против воли сделать несколько шагов навстречу, что в моем состоянии едва не стало фатальной ошибкой. Моя щека уже почти коснулась острых чешуек на его броне, но в последний момент этот гад решил ещё и встряхнуть меня, как следует.

Ноги не держат, в вертикальном положении нахожусь лишь благодаря его руке, что крепко сжала моё плечо, заставляя по-прежнему стоять.

– Монстр, – прошипела, словно змея, кривясь от боли. Глазищи свои вытаращил и смотрит, вот точно издевается.

– Воровка, – зашипел он в ответ, хмуря брови.

– Я не воровка! – кричу и неожиданно для самой себя со всей дури бью его ладонью по лицу.

Нет, неужели в стрессовой ситуации меняхватило лишь на банальную женскую пощечину? Да он даже не скривится от нее, додумалась, называется! Ну, да, обидно! Отец жестоко порол в детстве, когда воровала у соседней персики для сестер. Мы тогда почти не ели и спали на улице, отец пил не просыхая. Самые тяжёлые месяцы моей жизни сразу после смерти мамы и рождения младшей сестры, до того, как отец понял, что мы катимся на самое дно.

Чувствуя неприятные эмоции и мысленно пребывая в довольно хреновых воспоминаниях, я вдруг вспомнила кое-что странное. В то самое мгновение, когда ладонь коснулась прохладной серой кожи, увидела и почувствовала то, что не должна была чувствовать и тем более видеть.

Перед глазами будто возникли деревья с необыкновенными розовыми цветами, никогда прежде не видела такие крупные цветки. Где это такие растения могут расти? Картинка внезапно меняется, и я вижу уже что-то отдаленно похожее на круглую площадь, как у нас в деревне. Обычно на таких собирается народ, чтобы опять пожаловаться на старейшину и его произвол. Здесь тоже толпа, но они как будто не важны, просто размытые фигуры.

В моих руках оружие, чем-то немного похожее на копье. Сжимаю его со всей силы и смотрю на своего против-

ника. Напротив стоит серенький, темно-каштановые волосы заплетены в косу, зеленые глаза и довольно миловидная внешность: тонкие губы, широкий рот, большие глаза, острый прямой нос. На шее подвеска с серебряным маленьким клинком, очень похожим на тот, что я пыталась всадить в шею серенькому. На его плече и животе раны, из которых сочится красная кровь. Улыбаюсь, чувствую удовольствие от его боли и страданий. Серенький с косой в ответ на мою улыбку что-то неистово кричит и бросается на меня с таким же странным копьем. На его лице такая злость и желание убить, что мне вполне логично испугаться, но я не пугаюсь, наоборот, кажется, я... счастлива?

Картинка исчезает, когда меня вдруг толкают так сильно, что падаю на землю. Несколько секунд вообще не понимаю, что со мной произошло и где вообще нахожусь. В моей душе все ещё царит чуждое и неуместное для настоящего момента чувство – счастье. Оно заставляет меня криво улыбаться, чувствуя во рту привкус собственной крови от прикушенного языка. Смотрю только на одно существо, которое могло толкнуть меня с такой силой, что могла прикусить себе язык. Он стоит, прикрыв глаза своей металлической клешней, сама его поза говорит, что что-то не так. Убирает руку от лица, и мы встречаемся взглядами. Его мимика и глаза никогда ещё не казались мне такими живыми, обычными, а не отстраненно-холодными, как раньше.

– Что это было? – решаюсь спросить, но тут же жалею об

этом.

Монстр в один шаг оказывается возле меня и силком ставит на ноги, но в этот раз не держит, а сразу отходит так, чтобы не смогла дотронуться до него. Есть чего опасаться, моя рука сама непроизвольно потянулась к лицу монстра, мне на мгновение захотелось проверить, что это, черт побери, было такое.

– Не смей ко мне прикасаться! – кричит так громко и неожиданно, что вздрагиваю всем телом и прячу руку за спиной. – Никогда не смей ко мне прикасаться!

Глава 18. Кровь и боль.

«Не прикасайся ко мне!» – бубню себе под нос, имитируя его выражение лица и интонацию. Больно мне надо его трогать, сама же не хочу! Как противно и стыдно, что такую как-то не то что трогала, а и целовала. Узнает кто об этом, конец всей жизни! Так мало что жизни конец, так ещё и репутации, да всему вообще. Эти его поцелуи – просто мурашки по коже, может, он меня заразил чем-то? Кто их, тварей, знает? Может, они заразны, ведь после той дурацкой выходки у меня и начались странные видения. Да и он сам странный, то хотелочка работает, то убить готов, то жена, а то вообще «не прикасайся». Наши мужики куда проще всё же, тараканов в голове поменьше уж точно.

Но главное: что теперь со мной будет? Про жену он явно соврал, одного не пойму: зачем? Чего он добивается? Может у него какой-то хитрый план? Думает, что я ему все расскажу? Так знаю я немного... ну, ладно, вру, на самом деле знаю кое-что, но рассказывать ничего не собираюсь. На мужчин я не падка, да и его мужиком после всего, что видела, знаю и придумала, считать тяжело. Скорее уж он для меня подобие жабы, которую мы в детстве на спор целовали, веря в древнюю легенду о заколдованном принце. Да, я свою серую жабу поцеловала, но она вместо принца в мужа превратилась, у которого повадки по-прежнему жабы. Жизненно, ничего

не скажешь: хотела принца, а получила... вот это.

Оборачиваюсь назад, чтобы увидеть его уродливый шлем и наглые красные глазенки. Чтобы тебе конъюнктивитом всю жизнь страдать и от поноса кайф получать, злыдень проклятый! Как-то не вовремя я его проклинать решила, как раз ручей переходим, вот я и навернулась на скользком камне. Ручей обдал с ног до головы холодной водой, а один из камней «удачно» воткнулся ровнехонько под глазом, оставив после себя живописный фингал. Да что за день-то такой неудачный? Точнее уже ночь, но мне все равно обидно. И как по тёмному лесу передвигаться без факела или лампы? Только страшные глазенки светят в спину, так бы выкололи их, вместе с настоящими глазами.

– Поднимайся, – снова командует этот монстр, чем доводит меня до состояния закипающего чайника. Скоро пар из ноздрей пойдёт.

Подняться-то поднимаюсь, прикрывая ушибленный глаз рукой, и недовольно поджимаю губы, когда он проходит мимо, обдав холодной водой ещё раз.

– Да чтоб вся твоя жизнь была для тебя наказанием, монстр проклятуший! – шепчу, смотря ему в спину, а затем машу ногой, чтобы обрызгать его водой так же, как он это сделал. Правда, намочить у меня получилось лишь саму себя.

Чёрт, как же обидно! Умирать не хочет, убивать тоже, да и прикасаться, видите ли, тоже нельзя! Нет, мне, конечно,

все равно, но то, как он об этом говорит – бесит нереально. Считает, что какой-то там главнокомандующий выше самой кухарки, не ровня, видите ли, я ему! Это кто ещё кому не ровня!

Черная устрашающая броня почти растворяется во тьме, так далеко он ушел. Это мой шанс, смогу сбежать! На моем лице появляется улыбка, тихонько разворачиваюсь и, сделав шаг, останавливаюсь, точнее, меня останавливают.

– Убить не могу, но палец отрезать – могу. Живо пошла вперед и так, чтобы я тебя видел! – говорит это чучело, не соизволил обернуться.

Нагибаюсь к ручью, достаю оттуда булыжник размером с мой кулак и бросаю в этого гада. Мои глаза даже не успевают заметить, так быстро он поворачивается и рубит булыжник своим мечом. Две половинки падают в траву, мы оба смотрим на них, а после встречаемся взглядом.

– Ой, – выдыхаю, а затем невинно улыбаюсь.

Вполне возможно, что моя улыбка не произвела фурор на серую жабу, поскольку он медленно и угрожающе пошел на меня, вальяжно таща по земле за собой свой клинок. Спина, бок, рука – извиняйте, но жизнь всё-таки важнее плохого самочувствия.

Ну, за что мне все это? Что я такого сделала? Чёртовы Ферер и Кромовской, чтоб вы всю жизнь одними опарышами питались! Перед глазами мелькают деревья, которые огибаю на полной скорости, стараясь не замечать, как колет в бок

и болит в груди. Главное убежать, а все остальное неважно.

Воздуха критически не хватает, понимаю, что больше не смогу бежать, слишком плохо, потому решаю спрятаться за толстым дубом, в кустах. Ныряю туда и сразу же закрыла себе рот рукой, потому что дышу слишком громко. В ушах слышу биение собственного сердца, я – загнанный монстром зверь, его добыча. На спине выступает пот, и я нервно оглядываюсь, рискуя привлечь внимание лишним шумом. Сползаю ниже по стволу дерева, так, чтобы за листвой нельзя было меня увидеть.

Как я во все это ввязалась? Сердце надрывно бьётся в груди, получив временную передышку, желание жить стало ещё сильнее. Не хочу умирать, ни за что! Но что я могу сделать против этой серой лягушки? Разумеется, ничего, особенно без меча. Удивительно, как его вообще смогли ранить? И почему у меня не получилось сделать это так же, как у той серой бабы? Ответ прост, у нее был кинжал, а у меня серьга, вот поэтому и не получилось. Даже обидно немного, что первый мужчина, назвавший меня женой, вот это нечто серое, сильно смахивающее не только на монстра, но и на кобеля отъявленного. Ну, как иначе он мог попасться во второй раз на одну и ту же уловку? Совсем, что ли, тупой? Ладно, ладно, зато я осталась жива! Пока...

Паранойя подсказывает: он где-то рядом, сердце надрывается в груди от испуга. Сколько нужно времени человеку его роста, чтобы такой вальяжной походкой догнать меня? Что-

то мне кажется, намного меньше, чем мне хочется. Ладно бы если он что-то кричал или зловеще смеялся, как и полагается ночному кошмару, так уверена, молча идет, светит красными щелями из своего шлема. Что-то мне жутко, помню, когда отец в детстве страшилки рассказывал, так страшно не было, тогда я хотя бы была не одна, не то что теперь. Несправедливо все это, ой, как несправедливо, сюда бы Ферера, я бы посмотрела, как он, вопя, словно барышня, пытается от монстра убежать. Генерал, герой, и тот бы драпал от этого монстра монстров, сверкая пятками! Ни капли не сомневаюсь.

Мои размышления прервал поток воздуха. Почувствовала его раньше, чем смогла понять, что это было. Воздушная волна ударила над головой и частично в ухо, дезориентировал меня. Однако реакция или страх заставили стремительно броситься вперед, сквозь кусты и бежать, куда глаза глядят. Сзади послышался жуткий треск, а затем по спине и голове ударила ветка, прижав к земле. Но даже после этого, несмотря на боль, поползла, выбираясь из-под ветки, которая на самом деле оказалась деревом. Он одним ударом срубил дерево, под которым я пряталась, чуть не убив меня дважды за раз: при ударе, и когда дерево начало падать.

– Ты же говорил, что не можешь меня убить?! – кричу в истерике, еле находя силы, дабы отползти.

Жуткий силуэт на фоне чёрного неба, на котором и звёзд не видно, одинокая луна за его спиной освещает зловеще

сверкающие латы. Жуткая картина, как будто иллюстрация, нарисованная к страшной сказке, жаль, что для меня не найдется Ферера на белом коне, который спасет меня от неминуемой смерти. Я сама себе принц, а принцам негоже на земле перед врагом валяться. Стиснув зубы, поднимаюсь на ноги, пока он, все ещё не говоря и слова, стоит возле ствола. Молчанием, что ли, решил меня напугать? Поздравляю, у него получилось. Отступаю назад медленно, не спуская с него взгляда. В ушах так громко бьется сердце, что не сразу понимаю, что он что-то сказал. Только сделав ещё несколько осторожных шагов назад, отчетливо слышу: «Три пальца».

Меня пригвоздил к земле, пока судорожно припоминаю его слова. По коже уже не мурашки, а майские жуки ползают, так страшно. Нет, уж нет! Теперь точно пора валить! Хватаю ртом воздух и, развернувшись, хочу убежать снова, но далеко не получается. Меня резко останавливает жуткая боль, когда эта тварь за волосы схватила, да так рванула на себя, словно пытаюсь вырвать половину. Кричу, хватаясь за голову и волосы, чтобы хоть немного ослабить боль. Такое чувство, что с меня скальп живьем снимают.

– Отпусти, отпусти, сволочь! – ору я, пытаюсь ударить его ногой и вырваться.

Используя мои волосы, как поводок, он заставил пойти назад, к нему, буквально как собаку. Кажется, я теперь понимаю, почему все мужчины в армии волосы на голове коротко бреют.

– Думаю, одной руки будет достаточно, чтобы ты поняла: меня надо слушаться с первого раза! – он схватил своей клешней левую руку и дернул ее вверх.

Волосы снова упали на плечи, но теперь куда больше меня волнует конечность. Выкручиваюсь, стараясь встать хотя бы лицом к монстру, а не как до этого – спиной, почти беззащитной. Дергаю руку, но это бесполезно, лишь явственно ощущаю, как царапая до крови кожу чешуйками на броне. Даже не видя его страшного лица, точно уверена: он сейчас насмехается надо мной.

Как вообще в таком положении можно рубить кому-то руку?! Держа меня левой почти возле себя и замахиваясь такой огромной хренью, словно собираясь разрубить меня на две половинки? Как так можно?! Быстро бросаюсь, точнее говоря, запрыгиваю на него с визгом, пытаюсь не обращать внимания, что чешуйки режут одежду и броню. Кричу, потому что больно и страшно, и от того, что не могу вырвать руку или как-то помешать ему ее отрезать. В этом неравном бою, почти вишу на нём, совсем как детеныш обезьянки, и не додумалась ни до чего лучшего, как снова попытаться содрать с него шлем. Поняв, что я хочу сделать, серенький, шипя ругательства на своем языке, воткнул меч в землю, чтобы попытаться отодрать меня от себя. У него, конечно же, это получилось, причем без особых усилий. Меня вздернули за левую руку, так, что касаюсь земли лишь носками сапог.

– Нет, нет, нет! Пожалуйста, нет! – завизжала, когда он

поднял вторую руку, замахиваясь мечом. – Не делай этого!

– Почему это? – изуродованный шлемом голос не скрывает насмешки. – Я же тебя предупреждал. У тебя есть какая-то причина, почему я не должен тебя наказывать?

– Потому что мне будет больно, – отвечаю сразу же самое очевидное.

– Хм, – неоднозначно хмыкнул он вместо ответа, а затем снова взялся за рукоять меча. Вот тогда я поняла, что пора умолять и меня от страха слегка занесло.

– Не убивайте меня, у меня семья, дети! Как они без меня жить-то будут? Я ведь хорошая, трудолюбивая! Пощадите, а? Не виновата я, вы сами за мной пришли! Откуда же мне было знать, что вы настолько тупой, что во второй раз на ту же самую утку поведетесь?

Понимаю, что в какой-то момент ляпнула больше, чем следовало, но не понимаю в какой именно. То ли когда тупым назвала, то ли когда признала, что была свидетелем его конфуза с той серой бабой? Или вообще это было раньше? В любом случае сказанного не вернешь, и горящие красным огнем щели как-то нехорошо сощурились, подсказывая, что умолять у меня не получается.

– Может, тебе правую отрезать? – предложил этот гад, резко отпуская левую руку и хватая за правую. – В принципе, разницы никакой, зачем тебе правая рука? Писать ты точно не умеешь, а готовишь все равно ужасно.

Никто и никогда не хаял мою готовку, этот монстр мон-

стров совсем границ не понимает, если отважился произнести подобную глупость. Причем уже второй раз! Если в первый раз у меня было задание, цель, то теперь меня ничего не останавливает. Раз уж посягнул на святое для меня, так и получи соответственно!

Вместо того чтобы вырвать правую руку, сжимаю его клешню, ещё больше разрезая чешуйками и так порезанную руку, и используя ее как опору. Моя правая нога проходит по его колену, не причиняя боль, а используя для толчка, чтобы левой заехать по шлему сапогом. Шлем слетает, монстр хватает меня двумя руками, я вижу его полное злобы лицо и, не имея возможности ударить рукой, ударяю единственным, чем остается – лбом в его подбородок. Перед глазами все кружится, не чувствую ничего кроме боли, а затем эти чувства исчезают.

Перед глазами мелькают видения, но так быстро, что я не могу в них разобраться. Поле боя, усеянное трупами, руки в крови, такой красной и теплой, что я ощущаю ее даже когда прихожу в себя. Судорожно глотаю воздух ртом и по накрывшей меня волне боли понимаю, что это не сон.

Пора заканчивать общаться с серенькими монстрами. Кстати об этом, рука вроде бы на месте, пальцы проверяю, тоже целы. Это он меня так напугать решил? А я ведь на самом деле поверила, до сих пор дрожу всем телом. Или это страх из-за видения? В голову закралась странная мысль, что видения как-то связаны с сереньким и нашей, так сказать,

свадьбой.

А собственно где мой, прости Спаситель, муж? Похоже, я нахожусь все на той же поляне с поваленным деревом. Со всем рядом мирно потрескивает костер, но никакого серенького поблизости не наблюдается. Однако, зная этого монстра монстров, могу предположить, что он где-то рядом. Кажется, я даже слышу его злобное шипение. Вот только откуда?

Ох, как все болит! Косточки мои бедные! Ну что за изверг! Как так можно с женщиной, с женой, по его мнению, поступать?! Все тело ноет. Раны от его кольчуги болят! Да ещё я безумна зла! Как он мог так о моей готовке высказаться, мерзкий завоеватель! Судя по тому, что и щеки болят, в этот раз монстр проверял, не придуривалась ли я.

По раздавшемуся совсем близко шипению, догадалась: он где-то за деревом и от всей души кроет меня матом, и языка знать не нужно, одной интонации достаточно, чтобы это понять. Если встану, он может отрезать мне пальцы или руку, как и обещал.

Прикинусь спящей, возможно, конечно, захочет снова это проверить, и мне опять достанется. Но и бежать тоже не вариант, он так легко нашёл меня в тот раз, да и прибить его ещё охота.

Натужно вздыхаю, понимая всю скверную сущность своего бытия. Меня услышали, ибо захрустели ветки, и монстр монстров внезапно появился из-за дерева, нависнув надо мной. Визг ужаса вырвался сам собой, пока не поняла, что

его волосы щекочут мне лицо. Надо же, он не в шлеме, понимаю причину этого, когда замечаю большой розовый синяк на его подбородке. Его черные глазки смотрят на меня с прищуром. Вот-вот меня разорвёт, а я не могу оторвать взгляд от синяка в форме сердечка на его подбородке. Как он таким-то получился? Да ещё реально розовый, самый, что ни на есть. Честно, я пыталась сдерживать смех, пока он не зашипел что-то неразборчивое, но явно матерное. Прекращаю смеяться сама, пока мне не помогли, и быстро делаю серьёзное выражение лица.

– Твою мать, на кой так пугать?! – наехала на него, пока не пришёл в себя после моего смеха.

– Ты, – протянул он с недовольством, словно может видеть меня насквозь.

– Я, – немного неуместно улыбаюсь, пока пальцы нащупывали рядом ветку из костра.

– Я же сказал тебе не прикасаться ко мне, – обрушился он на меня с упреками, растягивая шипящие звуки в словах.

Сдаётся мне, что он чуточку зол из-за синяка, это хорошо, ибо я тоже ещё зла.

– А я и не прикасалась, я била тебя, – нагло улыбаюсь и, пока он не ожидает, бью его по голове горячей веткой.

Длинные патлы вспыхивают, но быстро гаснут, а металлическая перчатка сжимает мое горло. Почему я вытянула такую короткую ветку?! Он не душит меня, не сдавливает клешню, но от каждого моего движения на шее появляется

порез, который жжет как огонь.

– Раз уж ты такая... глупая, – улыбается краем рта, – я объясню тебе, почему ты не должна меня трогать.

Вот надо было что-то заподозрить по этой страшной улыбке, но я как-то не успела. Прохладные губы прижались к моим, слегка приоткрытым от удивления, и мерзость, что вместо языка у него, ворвалась в рот. В этот раз рвотных позывов не было, ибо сразу за поцелуем последовало видение.

Вокруг много тел, тысячи и тысячи, все поле укрыто ими. В воздухе витает смрад гниения и пота, во рту привкус крови. Все чего-то ждут, они стоят сзади, целая армия сереньких. Поднимаю вверх меч, огромный, длинный, меч монстра монстров. Толпа за мной кричит «ВПЕРЕД», но мы не движемся. Наступает тьма, она заслоняет солнце и накрывает армию противника, еле заметную вдали, на другом конце бескрайнего поля.

На много километров вокруг ни одного дерева, как будто мы в степи. Под ногами хрустят чужие кости, пока иду вперед, вальяжно таща меч за собой. Армии сближаются, всадники обгоняют меня, первыми начиная бой. Уже вижу вражеских всадников, в серо-голубой амуниции с топорами наперевес. Кажется, это снаряжение Ледвиги, цвета их флага. Поднимаю меч, чувствую что-то странное, отдаленно похожее на голод. Замахиваюсь и разрубаю сразу двоих: и лошадь, и всадника. Животное ржет, кричит в предсмертной агонии. Но этот звук исчезает в тысяче других звуков, что

резко ударяют по ушам с началом боя. Поднимаю меч, чтобы добить и лошадь, и всадника, и мельком смотрю на него. Шлем упал с его головы, узкие глаза, бледное миловидное лицо, выходец из Ледвиги. Он пытается зажать рану руками, но уже слишком поздно, кишки обратно не соберешь. Эта картина не вызывает во мне никаких чувств, мне все равно. Один удар, и голова всадника покатилась по лежащим вповалку мёртвым телам, а я иду дальше, наступая на останки воинов Анталты и Ледвиги, словно на падаль под ногами.

Меня отпускают, видение исчезает, зато собственные чувства возвращаются. Отталкиваю от себя монстра и еле успеваю подняться на четвереньки, прежде чем желудок меня подводит. Перед глазами упорно стоит картина с подростком из Ледвиги и целой горы трупов. Рвотные позывы не прекращаются, даже когда в желудке ничего не остается. Меня обдает углями, когда монстр тушит ногой костер.

Поднимаю на него глаза, все ещё стоя на четвереньках, но не вижу его лица. Он снова в шлеме.

– Теперь-то поняла, что тебе лучше меня слушаться, – зловеще прогрохотало из-под шлема, и от звуков этого голоса по всему телу расползлись ледяные мурашки.

Хочу что-то сказать, спросить, что это вообще было, но меня хватает лишь на единственное, полное ненависти слово: «Монстр...». Вероятно, его неофициальное имя ему не нравилось, ибо он громко приказал мне встать, при этом угрожающе сжимая рукоять меча.

– Вперед, – повторил он, когда все же заставила себя подняться.

Как же мне плохо, все тело ломит, жжет и болит, не говоря уже о тошноте и усталости. Помимо воли возникает желание, чтобы все это уже закончилось. Красные щели смотрят на меня с прищуром, потому что я не двигаюсь, а упрямо стою в нескольких шагах от него. И что он сделает мне за неповиновение? Опять пригрозит отрезать конечность или перестанет издеваться и убьет, наконец?

Не хочу умирать. Сестры, я должна позаботиться о них, защитить от этого жестокого мира, от этих серых монстров. Кто, как не я, сделает это? Отец? Да он себя защитить не может, не то что своих дочерей. Так что я просто обязана выбраться из этой передраги живой.

Смотрю в красные щели, а затем разворачиваюсь и иду, куда он сказал, в сторону замка. Под ногами хрустят ветки, вызывая ассоциации с костями из жуткого видения и возвращая мыслями к кошмарной сцене, однако в этот раз монстр отрезает голову не безымянному мальчишке из Ледвиги, а мне. Усталость не дает мне идти быстро, но и монстр не подгоняет, держась сзади на расстоянии. Мы дошли до ручья, где я, под прицелом красных щелей, умылась от грязи и крови. Он не торопил, ни слова не сказал, чему я искренне радовалась. Если убрать бред о замужестве, скорее всего впереди меня ждут пытки и мучительная, ужасная смерть. Возможно, меня тоже в жертву этому их богу принесут, и я умру,

как тысячи наших девчонок. Какие же они жестокие твари, монстры! Если я и заслужила подобную участь, то остальные девушки, женщины уж точно нет. Хотя нет, никто такого не заслуживает, и я в том числе!

Мне нужно сбежать, пока мы не добрались до замка, там мои шансы на побег однозначно будут поменьше. Незаметно оглядываюсь назад и натываюсь в темноте на две красные щели, он, словно мой кошмар, не спускает с меня взгляда. Какие шансы, что я смогу от него убежать? Я устала, очень болит всё тело, сил нет, но есть непреодолимое желание выжить. А вот монстр монстров вообще вряд ли устает, даже если и питается исключительно травкой своей.

Если предположить, что эти видения – на самом деле воспоминания монстра монстров, тогда возникает резонный вопрос, почему их вижу я? Может, слова о женитьбе не совсем бред? Логично предположить, что у монстров брак заключается как-то по-другому, чем у нас. Я бы могла подумать, что предлогом для женитьбы у них является поцелуй, если бы не видела, как он с рыженькой целовался. Спрашивается, с Ху Ря ли я – его жена? Господи, я серьёзно об этом размышляю?! Узнай кто-нибудь о том, что я его поцеловала, уже бы заживо со стыда сгорела, а тут, видите ли, мысли о том, как я женой серенького стала. Да чего же мне так не везет? Может, проклял кто? Ферер, например? Вот и скакал бы тут сам от монстра монстров, как козочка. Посмотрела бы я на него, как бы он вообще эти планы окаянные достал? Только

бы все это не было зря, и эти планы реально бы помогли переломить ход войны. Чувствую, что вряд ли это возможно, монстры слишком живучи, удивляюсь, как наши воины вообще умудряются с ними воевать. Было бы у меня время, я бы лучше узнала про их слабости, кроме пылицы, но беда в том, что времени нет.

Рассвет, мы вышли из леса, и замок уже виден вдали. Точнее, мы должны были его видеть, на его месте тлеют полуразвалившиеся до уровня второго этажа развалины. Рядом тьма сереньких то ли тушит что осталось, то ли решают, что делать с виновным.

Похоже, мне срочно пора в лес, куда-нибудь подальше отсюда. Дернулась в сторону, но металлическая клешня сдавила плечо.

– Твоя работа? – из-за моей спины послышался такой злой голос, что по телу прошлись мурашки, и сбрасывать клешню с плеча перехотелось.

– Что? Что? – делаю вид, что не услышала его. – Вас не слышно, кастрюлю с головы снимите, что ли.

Глава 19. Жив.

Почему у меня в ушах играет грустная музыка с похорон? Возможно, всему виной монстр за моей спиной или застывшая в ожидании нас армия сереньких впереди? Предательски дрожат коленки, нарочито медленно, буквально еле-еле передвигаю ногами, приближаясь к замку по полю. Буквально чувствую, что вперед не надо идти, но ничего не могу поделать.

Толчок придает временное дополнительное ускорение моей ленивой заднице, но его хватает лишь на несколько шагов, затем снова замедляюсь.

Надо что-то сделать, а то мне так, и правда, придет конец. Какие есть у меня варианты? Поверить монстру на слово, что он меня не убьет? А что ему мешает кому-то другому это приказать сделать? И вообще, что ему, собственно говоря, мешает? Как вариант можно косить под дурочку, деревенскую простушку, вряд ли пройдет с монстром, но на других может и подействовать.

Ой, как же плохи у меня дела! Кушать хочу!!! Живот призывно заурчал, как-то очень громко, чем вызвал мое недовольство. Я так от язвы умру быстрее, чем от серых этих. Оборачиваюсь, чтобы проверить, идет ли за мной монстр, и недовольно кривлюсь. Глаз от меня не отрывает, как тут вообще сбежать?

Ладно, ничего, в плену как-то выкарабкалась и сейчас справлюсь. Мы дошли до первого часового, который очень сильно старался на нас не смотреть и поклонился вслед монстру. Я понимаю, на монстра не смотрел, он же страшный, а я чем обязана? Неужели так плохо выгляжу?

Перед пепелищем столпотворение сереньких. Они, по всей видимости, колдуют, пытаюсь потушить пожар, пока он не добрался до поля за замком. Чёрт, зря, что ли, старики жирными помоями поле поливали? Лишить врага пропитания – это же святое дело! Кстати о стариках, как скоро монстр или серенькие найдут их? Я просто обязана как-то их защитить, но как? Что я могу для них сделать?

Останавливаюсь и судорожно соображаю, что делать дальше, и сразу получаю толчок в спину. В этот раз не молчу, разворачиваюсь и угрожающе выставляю кулак.

– Если ты ещё раз...

Мою пламенную речь перебивает резкое движение монстра, который вытаскивает меч из ножен. Получаю ещё одно ускорение уже без толчка и бегу к толпе сереньких, чувствуя, что почему-то улыбаюсь. Что за глупость-то? С чего бы?

Стараюсь придать лицу озабоченное и напуганное выражение лица, что совсем не трудно в данной ситуации. Врываюсь в толпу сереньких и пробираюсь к догорающему замку.

– Спаситель мой, что здесь случилось? – кричу так громко, чтобы абсолютно все услышали.

Главное, казаться совсем простой и перепуганной девоч-

кой, мол, моя хата крайняя, ничего не знаю!

Серенькие растерянно смотрят на меня, видать, моя актерская игра всё-таки подкачала. Некоторые из них что-то шипят и со злостью бросаются ко мне, но я с криком падаю на колени. Не счесть сколько раз мне приходилось помогать отцу на похоронах, так что я прекрасно знаю, как ведут себя горем убитые люди. Зажимаю ладонями рот, заставляю руки и плечи дрожать, громко икаю и шмыгаю носом.

– Что, что здесь произошло? – кричу, заливаясь рыданиями и смотря на всех сразу и ни на кого конкретно. – Где бабушки и дедушки? Они же не там, да? Они не сгорели?

Мне никто не отвечает, серенькие шипят непонятно что друг другу. Когда так много их голосов слышно, кажется, что шипят змеи. Мне нужны слёзы, но я никак не могу заставить себя заплакать. Даже ради того, чтобы защитить стариков перед серенькими. Так, что может меня заставить заплакать? Казалось бы, у меня и так плачевная ситуация. Я целовалась с монстром, два раза причем! Он говорит, что отныне я его жена и это... отвратительно само по себе. Скорее всего, меня сейчас будут пытаться и убивать, но до слёз меня довела совсем другая вещь.

КАК ЖЕ ХОЧЕТСЯ ЖРАТЬ!!!

Именно жрать, а не есть! Я словно не день голодала, а целую вечность, чувствую, как желудок сам себя переваривает. Выкрикиваю и заливаюсь слезами, чувствуя, как крутит живот от голода.

– Вот же ироды, как вы могли? – кричу, громко шмыгая носом. – Им же еще жить да жить, а вы...

Вою пронзительно, так что серенькие от меня отпрыгивают назад. Слышно их громкий шепот, больше похожий на шум деревьев в лесу в ветреную погоду. Заливаюсь слезами, время от времени выкрикивая в меру провокационные фразы в сторону сереньких, старательно изображая убитую горем.

– Да как так-то? Все погибли? – хватаюсь за руку самого растерянного серенького и делаю большие заплаканные глаза щечочка.

Заставляю губы дрожать, а грудь часто вздыматься, как будто подступающая истерика не дает мне спросить сразу, хотя на самом деле даю серенькому возможность вдоволь налюбоваться своими несомненными достоинствами. И, когда его взгляд твердо приклеивается не к моему заплаканному лицу, а к декольте, начинаю действовать.

– Скажите мне, они же не погибли в этом жутком кошмаре, да? – вопрошаю ломким, полным надежды голосом, подкрепляя слова слезами.

Серенький дергается в попытке освободить руку, но не понимает, что уже попал. Дергаюсь за ним вперед и, будто случайно, сжимаю его руку между своих грудей, искренне радуясь, что он в обычной одежде, а не в амуниции. Беглый взгляд серенького на мое заплаканное лицо, фиксация на груди, неразборчивый шепот на их языке, за которым следу-

ет трусливая попытка сбежать, оттолкнув меня от себя. Ага, сейчас прям, уйдет он от меня, от меня еще ни один целым не уходил! Стремительно приподнимаюсь и с ревом бросаюсь с объятиями на свою жертву. Вот такого он точно не ожидал.

– Они все умерли, один пепел от них остался, – повторяю несколько раз, ревя на плече насмерть перепуганного солдата.

Чем чаще повторяю эту версию, тем больше вероятности, что она прочно осядет в головах сереньких. Еще немного и они поверят, что старики умерли при пожаре, главное направить их мысли в нужном направлении.

– Как мне теперь без них жить? – завываю в плечо участливой тряпки, нагнетая свое мнимое горе.

– И в самом деле, – слышу знакомый, слегка шипящий голос, наполненный злорадством, – как?

«Твою же мать, он жив!» – вырывается у меня, при виде вполне себе живого Маратика.

Глава 20. Лиловые синяки.

Огромная фигура закрыла меня от созерцания пепелища и доверчивой публики. Амуниция всё та же, шлем в форме головы совы. Кажется, я попала...

Спокойно, спокойно! Может, это не он? Ну, мало ли кто напялил шлем в форме совы на голову? Мало ли кто...

– Похоже, ты не очень рада меня видеть живым, – с иронией подметил Марат и дернул меня за плечо, отрывая от выполняющего роль жилетки солдатики.

Сейчас он всем расскажет о нашем ночном свидании, и тогда мне точно конец. Только за одну попытку убийства Маратика мне смертный приговор светит. Спиной чувствую взгляд красных шелей, возможно из-за этого не могу удержаться на ногах. Они подкашиваются, и Марат подхватывает под руки, исцарапал мой подбородок до крови. Сзади слышится шипение, и затем Марат неожиданно убирает руки от меня, позволяя рухнуть на землю. Но я не падаю, потому что внимание публики ещё принадлежит мне, он ведь так и не поведал свою версию событий. Чуть ли не в полёте, отгалкиваюсь от земли и буквально вешаюсь на шею Марату. Чешуйки царапают кожу, кровь течет по щеке, и я медлю лишь секунду, чтобы судорожно выдохнуть и истошно зареветь. Боли от ран мало, дабы мне поверили, поэтому я думаю о Настасье. Ее смерть была бессмысленной, и виноват в ней не

только монстр, но и я. Слезы смывают грязь с лица, и я судорожно выдыхаю, словно от удара в живот. Убийца Настасьи, поработоритель моего народа назвал меня своей женой. Может он сделал это для того, чтобы я почувствовала себя предателем своей родины? От мерзкого давящего к земле ощущения и безысходности стало нечем дышать.

Соберись, Любава, сейчас это неважно! Я реву на плече у Марата не для того, чтобы пожалеть себя, а чтобы хоть на мгновение поверили мне, а не ему. Серенький не отталкивает меня, пребывая в шоке, но он скоро пройдет, у меня мало времени. Чтобы эмоции были правдоподобными, вспоминаю проповедь отца о самых больших грехах и чувствую, что должна изобразить, чтобы мне поверили.

– Живой, – выдыхаю с таким счастьем и облегчением, на которые вообще способна.

Я ведь действительно чувствую облегчение, что не взяла грех на душу, и Маратик не пострадал. Просто мне бы хотелось, чтобы он оказался жив, а я бы никогда об этом не узнала. Чувствую, как напрягся заместитель главнокомандующего и, прежде чем он что-то сделал, отпускаю его и прячусь назад, старательно делая вид, что сама от себя такого не ожидала. Уже отступив на расстояние в несколько шагов, наткаясь спиной на кого-то и отпрыгиваю в сторону, увидев красные щели и уродливый шлем главнокомандующего у себя за спиной. Прячусь за спину Марата, показывая монстру монстров, что у меня есть защитник, но держу дистан-

цию, чтобы сам защитник об этом не догадался. Монстр что-то шикнул, и Марат повернул голову в мою сторону.

Главнокомандующий ещё что-то прошипел, получив в ответ короткий шипящий звук, который из-за шлема Маратика было сложно расслышать. Не зная их языка, понять смысл только по интонации сложно, но то, что они говорят обо мне, было очевидно. Хотя...

«— Так ты что, по девочкам?» — с нотками наезда выдала голосом монстра так не вовремя проснувшаяся моя фантазия.

«— Нет, — испуганно и поспешно начал оправдываться Маратик. С удовольствием наблюдаю за тем, как его глазки боязливо забегали. — Это все она, пришла ко мне в спальню и начала вытворять такое...»

«— Не смей!» — прервал его резкий шик от монстра.

Удивленно моргаю, чувствуя, как все остальные наблюдатели их перепалки наострили серые ушки, даже не удосуживаясь делать вид, что не подслушивают. Завидую им, они-то понимают, что те двое говорят, а мне приходится обходиться непристойной версией своей фантазии.

«— Я не хочу слышать, чем вы там занимались, — главный монстр поднимает руку и по-братски хлопает Маратика по плечу, — покажи мне!»

Вырвавшийся из меня смешок посреди почти что полной тишины не остался незамеченным, пришлось в срочном порядке имитировать сильный кашель, тихонько отсту-

пая подальше от опасной парочки. Однако оба страшненьких сереньких в шлемах уставились на меня, явно не горящими одобрением взглядами из своих щелей. Главнокомандующий кивнул своему заместителю, тот развернулся и пошел в сторону огромного шатра из странной ткани, который стоял в поле на небольшом расстоянии от замка. Сам же монстр, что удивительно, не приказал мне последовать за ним, а подошел и, слегка наклонившись, прошептал что-то по-своему, обращаясь ко мне лично. Это было настолько странно, что, когда меня под руки схватили два сереньких, я не сопротивлялась. Даже когда они потащили меня в противоположную сторону от огромного шатра и военачальников. Фантазия перевела его шипение в слова, однако смеха они не вызвали.

«— Ты подходишь даже лучше, чем он предполагал», — с довольным урчанием сказал он, заставляя почувствовать волну мурашек по всему телу.

Интуиция подсказывает, что именно это и было произнесено монстром, но я не понимаю, каким образом смогла его понять. Все, я доигралась, теперь уж точно конец. Не хочу идти, куда меня ведут, потому спокойно терплю, пока меня буквально тащат под руки два сереньких. Мы проходим через толпу солдат, они смотрят на меня так же, как смотрели люди в нашем штабе, когда меня тащили к кораблю. Боюсь, в этот раз будет что-то похуже. Вот и длинная палатка впереди, оказывается, туда меня и ведут. Упираюсь ногами в землю,

но это совсем ненадолго стопорит солдат, прежде чем удалось впихнуть меня в палатку и резко отпустить. Теряю равновесие и еле удерживаюсь на ногах, прежде чем оглядеться. Это же кухня, полевая кухня! Я в такой же целый год работала при нашем штабе. Только не говорите, что кухня и готовка моё пожизненное наказание?! Да какого чёрта?! Оглядываюсь на солдатиков, что меня притащили, кроме них здесь больше никого нет.

– И что теперь? – задаю резонный вопрос, туго соображая, как отсюда буду выбираться.

Один из солдатиков протянул мне баночку, очень знакомую баночку. Кажется, Марат мне такую же давал, эта мазь заживляет раны. Зачем он дал мне ее? Я что ли так плохо выгляжу? Мой план сработал, и им стало меня жалко? В любом случае полевая кухня плохо похожа на пыточную, по крайней мере, сейчас, когда на ней не заставляют работать. Солдаты не отвечают, один из них успел выйти, пока я не остановила второго вопросом.

– Эй, а как вы женитесь?

Он завис, по шлему вообще не было понятно, о чем этот sereneкий думает, но и он оставил меня без ответа. Поспешно развернулся и вышел, заставив меня податься следом, но стоило мне высунуться из палатки и уже двое других sereneких возле ее входа скрестили мечи красноречивей любого запрета. Ясно, выходить мне нельзя, попятилась назад в палатку. Почему он мне не ответил? Может, у них нет вообще

такого понятия как замужество? Монстр монстров мог и наврать! У них вообще женщины есть? Ну, кроме стерв, которые мечтают лишь о том, как раскрыть им грудь? Хотя, побыв немного наедине с монстром, я начала понимать, с чего та рыжая так сильно убить его хочет. Я и сама хочу, вот только мои шансы мизерны. Все, что умею – это готовить, а он, словно зная, мою еду не ест. Хрен его отравишь!

Открыла баночку, понюхала и закрыла назад. Вдруг они меня так решили отравить? Лучше не рисковать, по старинке умылась в бочке с водой и вытерла грязь и кровь с лица. Как же все болит, так бывало лишь осенью, когда я по несколько дней не спала, собирая урожай картошки. Присаживаюсь на лавку, обнимаю себя за плечи и позволяю себе один тяжелый вздох, прежде чем собраться и решить, что буду делать дальше. Моя жизнь все ещё в моих руках, я нужна сестрам и отцу, и пока это так, я буду жить!

Зря они оставили меня одну, без надзирателей, да еще и в помещении, где есть столько ножей, абсолютно зря. С блаженной улыбкой прячу нож для хлеба в кармане кожаных штанов. В этот раз нож у меня найдется, он-то точно вскрыет горло монстру, не то что дурацкая серьга! Оглядываюсь на вход в палатку, затем беру ещё парочку ножей, чтоб уж наверняка, прячу их под одеждой. Последний, большой нож для нарезки зелени еле запихиваю за шиворот, холодным лезвием обжигая кожу на шее. Толстую ручку прикрывают волосы, хоть какой-то от них толк, косу-то завязать всё

равно нечем. Как только перестала взлохмачивать и так лохматую голову, в палатку вошел мой судья. Ну, так-то вошел Маратик в своем дурацком шлеме, но что-то мне подсказывало, что он мой судья и палач в одном лице. Вместо того чтобы сразу схватиться за ножи, испуганно отшатываюсь назад. Ничего не подумайте, но пока на нем шлем и амуниция, шансов справиться у меня с ним совсем нет. В какой-то момент отходить уже некуда, ощущаю спиной ненадежную опору из тяжелой ткани и выставляю руку вперед, в надежде отвлечь его внимание, пока из-за пазухи достану нож для чистки лука.

– Что? – слегка заикаюсь, делая вид, будто не понимаю, что происходит. – Что тебе от меня надо?

Он делает несколько резких шагов ко мне, но так быстро, что чисто инстинктивно поддаюсь назад и почти падаю. Почти, потому что одетая в металл рука больно хватает за запястье и заставляет встать ровно. Ожидаю, что меня сразу отпустят, но он не отпускает. Чешуйки впиваются в кожу, не двигаюсь, дабы руки остались целы. Заместитель главного командующего так близко, что незаметно достать нож хоть откуда-то почти невозможно. В отличие от брони главного монстра, красных щелей нет, просто прорези на глазах скрыты жёлтыми стёклами. Слышу, как тяжело он дышит, моё лицо даже обдает потоком воздуха с импровизированного клюва совы.

– Что? Что тебе от меня надо? – очень противно передраз-

нил он меня, словно мы в младшей школе дети малые.

– Что? Что? – всецело делаю вид, будто не расслышала его. – Говори громче или хотя бы кастрюлю с головы сними, что ли.

Как и монстр до этого, шутки Маратик как-то не оценил или не понял, но в следующее мгновение отпустил меня, чтобы яростным движением скинуть с себя шлем, запустив куда-то в сторону.

– А теперь? – прорычал он.

Встал ко мне впритык и сжал мой подбородок так, чтобы смотрела ему в лицо:

– Теперь ты меня слышишь?!

От рокотания его голоса заболели уши, так что невольно зажмурилась и схватилась за него, с целью снова не упасть. Ничего себе, язык у них шипящий, но на нашем умудряются рычать похлеще иных местных. Когда же глаза открыла, то невольно прыснула слюной ему прямо в лицо. По всему, когда-то миловидному, бабскому лицу живописно распределились лиловые пятна, на щеках и лбу прилипла какая-то грязь. Волосы... Что это такое с волосами? Раньше были такие шикарные, прям зависть брала, а сейчас... Во все стороны торчат темные клочья, с одной стороны даже короче, чем по плечо, и спутаны настолько, что голова похожа на гнездо невиданной птицы. После моего вырвавшегося смешка, по боли на подбородке поняла, что смеяться не стоит: Маратик был на взводе. Усиленно прикусила губу, стараясь не смеять-

ся, но дрожащие плечи сдают меня со всеми потрохами.

– Это кто же тебя так разукрасил? – немного издеваюсь, еле сдерживая смех.

– ТЫ!!! – резкий крик ударил по ушам.

Честно говоря, я думала, что в большом бешенстве он быть не может, но оказалась не права: может. Нож из-за пазухи вытащить успела, однако он выпал из моей руки, когда serene толкнул меня на один из обеденных столов. Стол опасно хрустнул, или это были мои кости? Судя по тому, что следом Маратик одним ударом разнес соседний стол и пару лавок, решила, что мне еще повезло. Зло сопит, сжимая крепко кулаки, слышу шипящие звуки, словно он матерится или колдует. Похоже, я его окончательно довела. Он встречается со мной взглядом и медленно тянется к мечу, закончив, наконец, ругаться на своем языке. Так, теперь надо что-то делать, а то меня сейчас точно убьют.

– Да ладно тебе, нашёл из-за чего расстраиваться, – начала я, пытаюсь добраться до ножа в кармане.

Нервный какой, до ужаса! Да по сравнению с ним главный монстр – глыба льда.

– Я вот вообще каким-то образом замуж вышла за вашего монстра – вот это горе, а это так... Ничего непоправимого!

– Ничего непоправимого?! – повторил за мной бывший красавец, наполовину вынув меч из ножен.

Со страху свалилась со стола на лавку, пожалуй, пора уже перестать его бесить, но у меня почему-то не получается.

– Да ладно тебе, и в этом есть свои плюсы! – начала быстро бубнить со страху. – Ты просто смотришь на ситуацию в негативном свете.

– Плюсы? – прошипел на грани бешенства Маратик. – Какие ещё плюсы?!

– Ну, например, – начинаю я перечислять, не совсем понимая, что несу околесицу, – теперь ты меня точно не забудешь, в отличие от тех тысяч и миллионов девчонок и женщин, что вы в жертву своему богу принесли.

Он застывает столбом, в отличие от меня. От нервов мой язык развязался, не могу заставить себя замолчать. Зачем я это сказала? Вон как у серенького лицо вытянулось. Какая деревенская девушка может знать такие подробности? Дура, дура! Надо его отвлечь!

– К тому же ты, наконец, перестал походить на девчонку. Чем не плюс? – добавляю, чтобы он переключился и не обратил на предыдущую фразу много внимания.

Кажется, я перестаралась, черные глазки бывшего красавца снова загорелись, он так быстро достал меч из ножен и замахнулся, что я и пискнуть не успела. Меч воткнулся в лавку в нескольких сантиметрах от моего лица, а затем Маратик навалился на меня всем телом. Сердце бешеным набатом отбивает ускоренный ритм в ушах, дыхание сбилось от страха. Даже ляпнуть ничего не могу, ибо одной рукой он упирается в рукоять меча, который медленно протыкает лавку насквозь, словно нож масло, а вторая рука что-то ищет в

районе завязок штанов. Он же не...

Марат что-то зашипел, а затем улыбнулся так нагло и многообещающе, что заставил вспомнить историю происхождения этих лиловых синяков. Похоже, серенький решил продолжить с того момента, на котором мы в прошлый раз остановились. Вот только он не учел одного факта.

– А! НАСИЛЮЮТ!!! – кричу во всю глотку изо всех сил.

С прикрытием моего рта рукой Маратик замешкался лишь на несколько секунд, но этого хватило. На улице поднялся шум голосов, а затем в палатке появились те самые серенькие стражники. На их лицах читалась нерешительность, они остановились как вкопанные, смотря на Маратика все ещё сжимающего мой рот, а второй рукой держащего завязки своих штанов. Он попытался шикнуть, чтобы горе-спасатели ушли, но уже было поздно, те сами прыгнули в стороны, пропуская внутрь моего муженька.

Глава 21. Пламя и глаза.

Какая еще женитьба?! Какой муж?! Нет, нет, нет! Такого позора я не вынесу! Такого бреда со мной произойти не могло! Это все дурацкий развод монстра. Шутка и изощренное издевательство, точно такая же, как оскорбление моей готовки. Вот же гнусный таракашка! Не люблю таких как он, которые манипулируют людьми, вводят их самих и их чувства в заблуждение. Самое противное, что волей судьбы я занимаюсь отчасти тем же, но я не виновата, меня заставили!

Тяжело вздыхаю, протираю уставшие от недосыпа глаза, а затем замечаю, что все без исключения пялятся на меня. Причем «все» – это монстр с Маратиком, остальных зрителей видимо разогнали.

– Что? Я что-то пропустила? – зеваю, разминая шею, переводя взгляд с одного на другого.

Маратик комично приподнял одну бровь, точно я пропустила что-то очень важное. В принципе, что я могла пропустить? Они же на своем болтают, что там можно услышать? Шу-шу, ша-ша, су-су... Честно, в их языке одни шипящие звуки, это так нерационально и глупо! И женщин богу в жертву приносить – тоже глупо. Глупые они и жестокие, как и вся моя жизнь.

Что-то мне уже и реплики их выдумывать не хочется. Я банально устала, слишком много всего навалилось на ме-

ня, силы буквально на пределе. Это только серенькие могут неделями не есть и сутками не спать, а мы – люди – существа ранимые, нам спать хочется иногда. Зеваю, подперев локтем голову с самым скучающим видом, на который способна. Плевать, что рука под щекой болит от раны, а острый нож впивается в ладонь. Шансов укротить хотелку Маратика пока не предвидится, а сам монстр ее укорачивать, видимо, не собирается.

– Встань, – говорит сквозь зубы Маратик таким тоном, словно я просто обязана подчиняться.

Даже не подумаю двигаться, о чём и сообщила этому серенькому весьма красноречивым взглядом. Судя по тому, как он нахмурился, мне сейчас влетит, но, вероятно, стесняется при монстре руки распускать. Боится его, да? Позволила себе иронично ухмыльнуться.

– ВСТАЛА! – резкий рокот на удивление молчавшего до этого мгновения монстра.

Вот здесь вскочила и застыла, решая за чьей спиной лучше спрятаться. По идее за монстром, он же вроде меня тут «спас», но что-то взгляд у него отнюдь не добрый. За Маратика прятаться не резон, я же звала на помощь. Жаль, но «спасителя» боюсь куда больше потенциального насильника. Тяжела замужняя доля, ничего не скажешь. Остаюсь стоять возле стола, между серенькими, пряча руки за спиной. Вот бы сразу обоим глотку вспороть, да не судьба.

– Я спросил, что здесь происходит? – грохочет под урод-

ливным шлемом главный монстр. – Отвечай!

Вот это приказной тон, Маратик ему в подметки не годится! Странно вообще, что у меня спрашивают мою версию событий. Маратик, наверное, уже поведал свой вариант развития событий. Что-то сомневаюсь, что после нашего близкого знакомства, главный монстр поверит хоть в одно моё слово. Я бы не поверила, и до сих пор не верю ни одному слову этих монстров.

Муж... Окидываю его с ног до головы презрительным взглядом. Фи! Какой к чёрту муж?! Отвратительный монстр!

– У нас принято в помещении снимать головной убор, – бормочу вместо ответа, полностью игнорируя его вопрос.

– Мы в палатке, – отвечает вместо монстра Маратик, поднимает с пола свой шлем и надевает его.

Это он мне так мстит? Я вообще не с ним говорила, змёнышем подколодным! Шансы укоротить хотелочку Маратику сильно уменьшились, мне бы такими темпами хотя бы живой остаться.

– Отвечай, – прогрохотало из-под уродливого шлема монстра.

– Ладно, – протягиваю со вздохом, понимая, что буду делать очередную глупость.

Я вас эти шлемы снять заставлю! Отрываю свой зад от стола, прячу нож в рукаве и направляюсь в сторону монстра. Тот даже с места не сдвинулся, когда прошла мимо до самой полевой кухни. Судя по всему, здесь работает очень аккурат-

ный повар, все вещи разложены на своих местах, на столах и утвари ни пятнышка. У меня такой порядок на кухне исключительно при больших проверках был. Кастрюли сложены по размеру, та, что мне нужна где-то посередине. С удовольствием шумлю кастрюлями, нарушаю чей-то идеальный порядок. Не понимаю, если у них есть такие полевые кухни, почему нам с бабушками приходилось так много готовить?

– Что ты делаешь? – интересуется Марат, пока монстр стоит, как стоял, беспечно открыв мне спину.

Если бы не его броня...

Обнимаю кастрюлю, возвращаюсь к сереньким, все так же вставая между ними, только уже с другой стороны, там, где мне не мешает стол.

– Отвечай, – повторил монстр в третий раз, так что поняла, что больше ждать он не будет.

– Секундочку, – мило улыбаюсь и натягиваю кастрюлю себе на голову.

Как же стыдно-то!

– Итас, Марсяка мяса домасался! Я осбивалася, какс смоклася, а он се посволял ай-ся-сяй! – грозно грожу пальцем в сторону Маратика, хотя почти ничего не вижу.

– Что? – после небольшого ступора последовало хором от сереньких.

Маратик прошипел что-то похожее на «Она что, правда, такая дура?» на своем шипящем и, судя по всему, монстр с ним согласился. Вот же...

– Муссины, проси госспоси, не посли пы фы в сцаку?! – всецело пользуюсь тем, что они разобрать мою речь не смогли.

Мне ничего больше в голову не пришло, честное слово. Давно не чувствовала себя так глупо. Хотя, учитывая, как я монстра пыталась убить, это был максимум креатива от обычной кухарки. Немного стыдно за себя, но что уж тут скрывать, я делала вещи и похуже: например, разводила монстра монстров на поцелуй. Кастрюля на голове, по сравнению с этим, это выходка профессора, не меньше.

– Что ты сейчас сказала? – с легкой угрозой в голосе поинтересовался монстр и даже слегка подался вперед.

– Какого черта ты кастрюлю на голову надела, дура? – в свою очередь спросил Маратик, потянувшись «помочь» мне её снять, но я вовремя увернулась.

– Исо я сем хосела скасать, – шепелявлю как можно сильнее, чуть не прокусывая себе язык в попытке подразнить сереньких подделкой на их акцент. – Фы все сосете Монсяку гавным, а я не сосу! Марсяка се гавно гавней! Смосите, смосите он се и в слеме гавней! Гавней же!

Машу так руками в сторону Маратика, даже через шлем, чувствуя его недовольство, потому улыбаюсь.

– Снимай кастрюлю немедленно! – в этот раз монстр выдал целую фразу вместо одного слова команды, что уже достижение.

Приподнимаю край кастрюли, так чтобы рот был откры-

тым, словно это мне раньше мешало говорить нормально.

– Только после вас! – заявляю твердо, затем опускаю кастрюлю обратно и складываю руки на груди.

Жаль, не видно, как кипят головы у этих сереньких, это они ещё перемены настроения женщины во время беременности не испытывали. Точно не испытывали, вряд ли у кого-то из них есть жена и дети. Я бы никогда за таких самовлюбленных оболтусов не пошла! По спине мурашки идут, мне же пытаются всучить сказочку о том, что я уже замужем за их монстром. От одной этой мысли живот сводит, хотя нет, это все ещё от голода.

– Больная на всю голову... – довольно грубо выразился Маратик и, судя по голосу, шлем он снял.

Невольно расплылась в улыбке и выглянула посмотреть на монстра, но тот, как скала, даже не сдвинулся. Ладно, тогда пойдем с другой стороны, снимаю кастрюлю, но все еще держу ее в руках.

– Да ладно тебе, монстр, чего ты стесняешься? – наигранно сюсюкаюсь с ним, явно задевая болезную тему. – Ты же страшный-страшный монстр! Правда-правда!

Его рука тянется к рукояти меча, а у меня уже коленки от страха подрагивают, да так, что из рукава нож в кастрюлю выпал. Перед глазами все ещё мелькает сцена с полем боя, которую как-то показал мне монстр, от этого начинает подташнивать. Боже, чем я собралась блевать на голодный желудок? Святым духом?

– Женщина, – пророкотало под шлемом монстра так, словно это величайшее оскорбление.

Он сделал шаг ко мне, а я вжалась в тент, стараясь отодвинуться и выбирая местечко за спиной у Маратика, где можно спрятаться, от одного удара, по крайней мере, точно. Главное, чтобы заместитель главнокомандующего вовремя от шока не отошел.

– Ну, не мужчина же?! – развожу руками, натянуто улыбаясь. – Хотя насчёт Маратика я до сих пор не уверена, ваши чертовы планы не дали проверить. Выше груди вроде, как и баба, а ниже...

Жаль, конечно, что шлем монстр так и не снял, но зато достаточно разозлить смогла. Вынимает меч из ножен за долю секунды до того, как бросаю в него нож. Реакция у монстра все-таки дай бог каждому. Вот только он не учел, что это палатка, а не замок. Увы, одного удара не хватило, чтобы снести опорные палки палатки. Избавляюсь от кастрюли, бросив ее в Маратика, благо ему за мечом к лавке тянуться надо, вот и получил кухонной утварью по своему хребту. Где там мой тесак для зелени? Вытаскиваю тесак из-за шивороты и пуляю его в монстра. С ножами у меня куда лучше обстоят дела, чем с мечами. Монстру приходится сделать замах, дабы отбить его, и он собственноручно перерубает основную балку палатки и плотную ткань.

В отличие от сереньких, я этого и ждала. Хотя изначально хотела просто прирезать этих двоих, но когда мои планы ра-

ботали как надо? Секунда, перевести дух и понять, в какую сторону бежать. Замечаю столпившихся удивленных солдат, прежде чем меч прорубает воздух где-то очень близко от моей головы. Слышу музыку для своих ушей – мат главного монстра и его заместителя, их палаткой завалило. Даже без перевода понимаю, что кричит Марат солдатам, срываюсь и бегу в сторону сгоревшего замка. В спину слышны крики, несколько солдат преграждают мне путь к замку, но мне туда и не надо. Использую нож, спрятанный за завязками штанов, чтобы спугнуть корову, неожиданно возникшую на моём пути. Сопровождая своё бегство от меня перепуганным «Му-у-у!», животное сносит парочку магов, которые вместо тушения развалин решили поучаствовать в поимке беглянки. Ныряю в поле кукурузы и на бегу выбираю направление подальше от шума, мысленно окрестив эту попытку побега последней надеждой. В груди надрывно бьётся сердце, в бок колет, но это мелочи по сравнению со свободой.

Над головой пролетает какая-то вспышка, и я запоздало понимаю, что корову мне маги не простили. Ещё одна сопровождаемая грохотом вспышка, отвратительно завоняло чем-то горелым, затем начали раздаваться звуки взрывающейся кукурузы. Нет, я, конечно, хотела лишить их провианта, подпалив поля, но не в тот же момент, когда я по этому полю убегаю! Пожар разрастается, огонь повсюду, не знаю, куда бегу, но отчетливо чувствую запах собственных подожженных волос.

Почему это чертово поле все не заканчивается?!

Уже еле двигаюсь, легкие жжет при каждом вдохе, голова кружится. Ну же, собралась! Уговариваю себя, что совсем скоро выберусь из этого ада, и у меня получается. Со всего разбега падаю в ров с водой между полями, больше похожий на небольшое болото. Вода с тиной, но я использую ее, чтобы намочить волосы и спрятать их за шиворот, а затем умыть лицо и руки. Вряд ли пожар надолго задержит моих преследователей, но я понятия не имею, куда и в какую сторону идти дальше. Позади полыхает огонь, постепенно добираясь до рва и уже пожирая зеленую траву. У меня всего два варианта: идти через следующее поле или по рву с водой, выбираю последнее. Окунаюсь в воду, чтобы было хоть немного не так жарко, а затем бегу по неровному дну по колено в воде. Так продолжается, кажется, целую вечность, пока не понимаю, что зашла в ловушку. Ров закончился, дальше воды нет, и огню ничего не помешало перебраться на второе поле. Нужно идти назад, огонь буквально повсюду, гортань обжигает при каждом вдохе. Поворачиваюсь и вижу, как объятые огнем початки кукурузы падают в ров, загораживая путь к отступлению. Вот теперь я действительно в ловушке, почти в эпицентре пожара. Сгореть заживо – это явно не та смерть, которую хоть кому-то хочется пожелать. Теперь это понимаю. Падаю на землю, зарываюсь в грязную воду, понимая, что воздуха и так уже не хватает. Зажмуриваюсь, делая обжигающий легкие вдох, и ныряю с головой в мутную воду. Вода

дает прохладу по сравнению с раскаленным воздухом, но она на самом деле теплая, а не холодная, как должна быть.

Мне надо немного потерпеть, не дышать и не двигаться, так, чтобы вода накрывала все моё тело. Всего-то немного потерпеть, я смогу, обязана это сделать! Легкие жгут, в груди спазмы, до боли хочется вынырнуть и вдохнуть, зажимаю рот и нос рукой, надеюсь, что это поможет. Вода ощутимо нагревается: дышать на поверхности точно нечем, но мне все равно хочется вдохнуть. Руки слабеют, становясь буквально ватными, они уже не могут зажимать рот и нос, я невольно вдыхаю воду и начинаю захлебываться, барахтаясь в закипающей вокруг меня воде.

Не хочу так умирать! Не хочу вообще умирать!

Инстинкт самосохранения заставляет вынырнуть и на долю мгновения окунуться в пекло, но всего лишь на долю мгновения. Сначала обдает ветром, холодным причем, а затем что-то страшное сотрясает землю рядом. Не открываю глаза, чтобы не обжечь их, а может от страха. Глотаю рывком воздух и снова окунаюсь в воду, но в этот раз ненадолго. Меня вынимают из воды, но ни сил, ни желания сопротивляться уже не осталось, как и двигаться.

Что происходит? Кто это? Что сейчас будет? Все вопросы исчезают, когда меня хватают за голову и буквально вдыхают в рот прохладный воздух. После того, как я почти захлебнулась, воздух вызывает приступ кашля, почти что рвоты. Мне казалось, после таких демонстраций столь явных признаков

жизни меня отпустят, но не отпустили. Что-то прохладное прошло по моему лицу, приступ кашля прекратился, попытка раскаленного вдоха чуть не обожгла мне всю гортань. Губ коснулось что-то прохладное, а затем в рот вдули холодный воздух, который не обжигал легкие, постепенно снимая боль.

Что это такое? Да какая разница, я пока даже не могу открыть глаза, чувствую себя овощем в распаренной бане. Не знаю, сколько понадобилось времени, чтобы хоть немного прийти в себя, но меня и не торопили. Подбородка и щеки касается что-то приятно холодное, прижимаюсь к этому, в надежде хоть немного уменьшить жар и боль. Открыла глаза с опаской, когда поняла: хочу знать, что на самом деле происходит. Интуиция, увы, начала работать раньше, чем любопытство. Воздух в меня вдыхают с помощью почти что поцелуя! Хотя какое «почти»? Реально поцелуем! В этот раз он мне хоть свой мерзкий раздвоенный язык в рот не пихает и то хорошо. Впрочем, это точно не поцелуй, скорее оказание первой помощи пострадавшему. И почему я не могу отнестись к этому так?! Жить было бы намного легче.

Если у меня на лице его руки, то, что тогда у меня в ногах примостилось?

Темно, в щели пробивается свет от огня, но не от неба. Небо скрывает завеса тьмы. Но сейчас же день? Эта мелочь тонет, как и я, в глазах напротив, со слегка насупленными бровями. Мне казалось, у него черные глаза, у всех монстров

черные глаза, кроме той рыжей девицы – у нее зеленые. В этих глазах пляшут искорки, будто бы он на огонь смотрит, а не на меня. Зачем он вообще на меня так пялится? И делает все это зачем? Не уверена, что хочу знать.

Вспышка и сквозь прорехи черноты прорывается свет, монстр дернулся, словно от громкого звука. Я ничего не слышу, уши от воды пока заложены. Из образовавшихся расщелин пробивший тьму свет падает на его броню, на маленькие чешуйки, которые красиво переливаются в нем. Все пространство вокруг нас, как и эти чешуйки, загорается, а затем сжимается, щели, из которых падает свет, становятся меньше, как и дистанция между мной и монстром. Нас словно само пространство придвинуло ближе друг к другу.

Я что, и правда, захлебнулась и брежу в предсмертной агонии? А что никого посимпатичнее не нашлось? Мне бы хотелось увидеть что-то поинтереснее в последний миг своей жизни, например, моих девочек.

Монстр нахмурил брови сильнее и уж как-то очень зло вдыхает в меня воздух. Бред какой-то, как и эти глаза, от которых не могу оторваться, они такие...

Где-то на краю сознания возникла мысль о неправильности всего происходящего, но нет сил к ней прислушаться. Это же моя больная фантазия, да? Вот бы в глаз ему ткнуть, проверить, что это такое. Рука еле слушается, пытаюсь поднять ее, но что-то холодное и мерзкое прижимает ее обратно к телу. Подождите, если руки монстра до сих пор на мо-

ем лице, то что это такое у меня в ногах? Отвлекаюсь на эту мысль и пытаюсь рассмотреть свои ноги, но вижу только два больших змеиных глаза с вытянутым зрачком, размером с мою руку от запястья до локтя. Влажный раздвоенный язык проскальзывает по руке, которую я пыталась поднять, перед тем как два здоровых клыка впиваются в мою кожу.

Глава 22. Няяна.

Мой крик утонул во рту монстра, ибо этот изверг и не подумал меня отпускать. Действительно, а зачем отпускать, лучше подержать и подождать, пока огромная тварь сожрет мою руку!

Боль такая, что с укусом ядовитой змеи в детстве не сравнить. Да и что там сравнивать? От змеи еле след был замечен, а здесь две огромные дырки выше запястья в опасной близости от костей. Хорошо хоть не глубоко цапнула, с нее не убудет руку полностью откусить. Огромная тварь, на змею похожа, не понятно, куда она делась сразу после укуса, создалось впечатление, что просто исчезла. Она, надеюсь, не ядовитая хоть? Глаза слезятся, почти ничего не вижу. С трудом ищу взглядом тварь, но руки на щеках мешают повернуть голову. Монстр, будто ничего не происходит, продолжает надувать меня, как пузырь какой-то!

Эй, меня тут сожрать пытаются, между прочим!!! Удивительно, что ещё не сожрали с таким-то защитником! Тоже мне, «муж»! Тьфу, на тебя, червь мерзкий! Плюнуть, не используя губ, оказалось невозможно, особенно учитывая, что своей челюстью он чуть ли зубы мне не выбивает – напористый такой. Сказать глазами, что я о нем думаю и где его такую «помощь» видела, тоже не могу, одно бессвязное мычание получается. Вода, наконец, вышла из ушей, и теперь я

где-то совсем близко слышу гул и треск огня, его заглушает только размеренное дыхание. Причем его размеренное дыхание, монстр совершенно спокоен! Тварь, что меня укусила точно его зверушка. Возможно, он сам приказал ей меня укусить! Смотрю в его бесстыжие глаза и запоздало понимаю, что он ухмыляется. Еще бы он не ухмылялся, мою руку прокусила его зверюга, а я все равно с ним «целуюсь», не в состоянии вырваться.

Какой кошмар! Ах, ты же мерзкий, подлый змеёныш!

Дергаюсь назад, но он слишком крепко сжал мою челюсть. Шумно вдыхает раскалённый воздух носом и выдыхает в меня холодный. Спокойно, размеренно, словно я и не вырываюсь вовсе изо всех сил. Есть что-то ненормальное в том, чтобы, горя от возмущения, пялиться в насмехающиеся глаза, пока наши губы крепко прижаты. Со стороны, возможно, это кажется поцелуем, но по ощущениям скорее унижение. Если я вырвусь – обожгу себе гортань и легкие, и он об этом знает. Судя по глазам, никого удовольствия он не испытывает, ему самому не нравится спасать меня. Тогда на кой чёрт он меня не отпускает?!

Влажный язык змеи прошелся по ладони вверх, слизывая мою кровь, хватаю его и вонзаю ногти со всей силы. Громкое шипение, но я даже посмотреть в сторону зверюги не могу. Тварь дергается от меня, серенький отвлекается, и этого хватает, чтобы ударить лбом монстра в переносицу. Ой, а голова-то у меня не чугунная, поняла, с трудом приходя в

себя от головокружения. Язык проскользнул между пальцами, но ещё одного укуса не последовало. Увы, зверюга тут же отошла на задний план: я освободила свой рот от монстра. Влажные губы сразу же пересохли на раскаленном воздухе. Его холодные руки прошлись от моих щек к шее, вызывая мурашки по всему телу. Он без перчаток, и это движение показалось не угрозой, скорее уж нежностью, что как-то плохо вязалось с монстром.

Руки у него большие, мозолистые, словно у рабочего, а не нежные и хрупкие, как у отца. Я к тому, что вот такими руками свернуть мою шею – раз плюнуть. Упираюсь ладонью ему в грудь, но толку от этого никакого. Воздух раскалён, задерживать дыхание больше не могу. Каждый вдох отдается кашлем, что душит меня, но из-за рук на моей шее возникает ощущение, что монстр меня душит. Дергаюсь, пытаюсь скинуть их, но это бесполезно. Глаза слезятся, слезинки скатываются по щекам, и это так противно, ибо я по настоящему не плачу! Как бы мне плохо не было, я бы не стала плакать! Перед ним так точно! Монстр с интересом смотрит на меня, наслаждаясь моей беспомощностью. Не сомневаюсь, вид чужой боли приносит ему удовольствие. От злости успокоиться тяжело, кашель не останавливается, дышать почти нечем. Монстр удерживает, дабы не скатилась с его колена обратно в канаву, но сейчас канава кажется предпочтительней его компании. Он снова прижимается к моим губам лишь тогда, когда у меня от кашля заплясали черные точки перед глаза-

ми. Жадный судорожный вдох от меня, а затем ещё и еще, теперь я цепляюсь за него, как за спасительную соломинку. Так продолжается всего несколько вдохов, пока не понимаю, что именно этого он и добивался. Он хотел, чтобы я поняла, что без него, без его помощи я просто не выживу.

НО Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН ПОМОГАЛ!!!

Кусаю его губы до привкуса солонатовой крови и с полным ярости и отчаянья криком. Ненавижу его!!! Он дергается вперед, почти вминая меня спиной в свое колено, и так крепко сжимает руками шею, что не то что сделать вдох, даже кашлять не могу. Мои губы прижаты к его, но я больше не пытаюсь получить от него спасительный воздух, наоборот поджимаю их, кривясь от злости. Мы смотрим друг другу в глаза, ведем молчаливый бой. Его взгляд словно приказывает подчиниться, иначе никакой пощады не будет. Либо подчинение, либо смерть – другого выбора он мне не даст. Воздух заканчивается и, пребывая в молчаливой схватке с монстром, ничего не остается, как судорожно вдохнуть носом раскалённый воздух. Теперь точно понимаю, почему до этого дышала исключительно ртом: так больно, что смерть уже не кажется единственно правильным решением. Жмурюсь, закрывая нос рукой и молча страдая от боли. Какой горячий воздух, и как монстр вообще им дышит? Почему его дыхание и тело намного прохладнее моего? Как такое вообще возможно?! Нашла, когда о такой ерунде думать, здесь жизнь моя решается, а я пытаюсь разобраться какого он вида.

Одна его рука отпустила мою шею и слегка сжала мой нос. На мгновение показалось, он хочет меня задушить, пока не поняла, что его намерения совсем другие. На удивление от прохладной кожи серенького стало лучше, боль уменьшилась.

И что это, чёрт побери, означает? Я ему сдалась, что ли? Судя по взгляду, он о том же подумал и выразительно так подался вперед, ну я и повторила за ним, намереваясь ещё и верхнюю губу прокусить или подышать, тут уж как повезет.

Мои пересохшие и израненные губы коснулись его, а затем, только собралась его куснуть, как он отстранился. Мои губы еле ощутимо проехали по его, будто мы как в сказках поцеловались. Ничего, он у меня ещё получит! Попыталась укусить снова, но монстр сделал тот же маневр.

Да как у него получается?! Со стороны может показаться, будто я его так целую! Мне что первого позора в жизни не хватило?! Так лучше уж совсем задохнуться!

Поджимаю губы, дергаюсь назад, но рука на шее не позволяет отклониться. Тогда он снова подается вперед, делаю вид, что собираюсь укусить, но не кусаю – на самом деле целую. Воздух закончился, и как бы ни было противно, он мне снова нужен. Уговариваю себя, что так надо, чтобы бдительность монстра усыпить, вместо того чтобы продолжать использовать его как фильтр воздуха, чмокаю его. Не пытаюсь укусить, а именно чмокаю, закрыв плотно веки, дабы не видеть его. Мои губы, что снова касаются немного влажных и

прохладных губ монстра, чуть приоткрыты, чтобы замаскировать за поцелуем ещё один жадный вздох. Старательно делаю вид, что не заметила, как он напрягся всем телом и как жестко сжимает мою шею, так пока и не решив, что со мной делать. Ну же, мне надо чтобы он не следил за моими движениями, я ведь до сих пор чувствую рукоять ножа, спрятанную за воротом кожаной куртки. От жары пот стекает по лбу и скулам, ужасно болят обожженные горло и нос, щеки почти во всех смыслах этого слова буквально горят огнём, в голове небольшой туман, словно меня опоили. В ушах бьется сердце, но я не боюсь, причина этого какая-то другая. Может быть яд? Вдруг тот зверь быть ядовитым? Да, я готова думать даже о том, где Маратик пропадает, лишь бы не о том, чем занимаюсь.

Нет, не могу, до чего же мерзкий у него язык! Боюсь, моя реакция выдала меня с головой, но, когда поспешно отпрянула, почти вытянув нож, монстр встряхнул меня.

– Я же приказал тебе не трогать меня! – прошипел он, явно давая понять, что сейчас поплачусь за ошибку.

Что-то я не поняла, что значит не трогать его? Он же сам меня трогает, я не просила! Какого чёрта?! И видений тех страных почему-то больше нет. Разве они не должны появляться, когда мы касаемся друг друга? Его рука сжала мое горло, я почти вынула нож, но в следующее мгновение он полетел куда-то в сторону. Монстр сжал мою руку у ворота куртки в кулак.

– Не в этот раз, – произносит он с иронией, а его холодная ладонь проходится почти по всему моему телу, доставая спрятанные ножи.

Он отбрасывает их в сторону, а я, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Как-то, если бы на нем были раздражающие кожу перчатки, было лучше, хотя бы мурашек по всему телу его обыск не вызывал. Даже в сапогах ножи нашёл, а их заметить тяжело было! Как так-то? Как будто мысли мои читает! Монстр улыбнулся уголками рта и снова прижался к моим губам, не чтобы помочь мне дышать, а чтобы засунуть свою мерзость мне в рот! Раздвоенный язык вступил в схватку с моим, пытающимся его изо рта выкинуть. Вот теперь он явно меня целует! Упираюсь рукой изо всех сил ему в грудь, но броня царапает кожу, так что не остается ничего другого, как упираться рукой в лицо. Да до чего же он напористый! Дополнительно уперлась ногами в землю в попытке оттолкнуть его, но получается лишь тогда, когда окровавленной рукой пытаюсь выдавить ему глаза, одновременно укусив за язык. Он отталкивает меня от себя сразу после укуса, и я падаю на что-то упругое за спиной. Снова в канаве барахтаюсь и чувствую во рту привкус его и моей крови, он тоже умудрился прокусить мою нижнюю губу. Воздух уже не такой горячий, но всё равно дышать им выходит с трудом. Пытаюсь отодвинуться от монстра, натываясь спиной на преграду, которой там не должно быть. Пространство вокруг нас движется, словно живое. Откатываюсь в сторону, но бежать некуда

– оно повсюду.

Монстр ухмыляется и встает с колена, пока вдруг не становится светло, будто кто-то вспомнил, что сейчас день. Нечто чёрное, как сама ночь, размером с сарай внезапно появляется за спиной у главнокомандующего. Вытянутая голова с двумя жёлтыми глазами, зубами протягивает монстру его шлем и затем ластится, когда он проводит рукой по ее чешуе, забирая его. Зверь прикрывает огромные глаза и подобно кошке негромко шипит, выставив кончик раздвоенного языка. Длинный толстый хвост обвивается вокруг ног монстра, а затем отпускает, когда эта тварь шипит, смотря на меня. Я уже видела эту тварь раньше, на ней главнокомандующий приехал в замок. Тогда я приняла ее за огромную ящерицу, сейчас же нахожу в ней некую схожесть со змеей. По крайней мере, двигается она как-то по-змеиному, хотя и есть короткие лапы без когтей и длинная неестественно гибкая шея.

– Наяна, познакомься поближе со своей новой игрушкой, – холодно улыбнулся монстр и шепнул что-то своей зверюшке.

Наяна, эта странная тварь, выгнула свою длинную шею вверх и резко подалась вперед, невольно заставив меня окунуться в болото с головой. Стоило вынырнуть, как зверюга мордой толкнула обратно под воду. Громадная лапа прижала ко дну, заставив ребра захрустеть, и держала, пока я не начала захлебываться, сломав перед этим половину ногтей о

её кожу в попытке выбраться. Если змеи умеют улыбаться, то делают это точно так, как эта зверюга. Я ей это ещё обязательно припомню! Животных я люблю, но как единственная хозяйка в доме, зарезать могу без проблем, что свинью, что корову, что помесь ящерицы и змеи. Единственное что меня смущает – размер этой твари. Наяна извернулась, поворачивая свою уродливую голову к хозяину, и прошлась длинным языком по его лицу, словно собака. Фи, как противно! Ну, а чего ещё стоило ожидать от монстра, у него даже «собака» такая же страшная, как и он сам. Монстр похлопал свою «псину», мол, хорошая и вообще молодец, что едва меня не убила.

Поднимаюсь на ноги, чудом не упав, но так и не оторвав взгляда от пары моих самых больших проблем. Грудь все ещё болит, рука немного онемела, кровотечение хотя бы прекратилось. Меня шатает, вокруг нас догорающие поля и едкий черный дым. Монстр лично явился за мной в самое пекло. С чего бы? Возможно, ему что-то нужно, но я пока не понимаю, что именно.

– И что теперь? – спрашиваю через силу, выплевывая тину. – Что тебе от меня надо?

Ножей неподалёку не вижу, куда он их отбросил? Если побегу, эта его Наяна быстро меня догонит, так что остается лишь тянуть время, не понятно для чего.

– Теперь, – монстр иронично улыбнулся, надевая свой уродливый шлем, – мы сыграем в игру.

Наяна нагнулась и подняла перчатки из канавы, подала хозяину. Довольно сообразительная «собачка». Интересно, как он ее дрессировал? Смутно себе представляю его в роли кого-либо, кроме кровожадного монстра из кошмаров.

– Игру? – повторила, наблюдая, как он ловко надевает перчатки обратно. – Какую ещё игру?

– Увлекательную, – хмыкнул он, пряча свои эмоции под шлемом, – я надеюсь.

Глава 23. Противоядие.

Играть? В увлекательную игру? Да кто, по его мнению, я такая?! Солдат, шпионка? Я обычная деревенская девушка, мне уже пожара одного по горло хватило, а он ещё что-то придумал. Еле на ногах стою, а он поиграть, видите ли, захотел! Если есть справедливость в этом мире, то прямо сейчас этого обиженного мозгами уродца пронзит молния или кара небесная! Да сколько можно-то?! Я хочу спать, есть хочу!

Молчу, сверля монстра взглядом, все ещё ожидая, что вот-вот ему воздастся по заслугам, но этого не случается. Правда, жизнь оказывается ещё более несправедливой.

– Наяна, – он нежно погладил тварь по боку, словно она и впрямь была его любимой комнатной «собачкой», – оса, по-вашему, змеяещер.

– Оса? – недоверчиво осматриваю зверюгу сверху донизу. – Что-то великовата она для осы, скорее уж слон, но только уродливый и опасный, прямо как его хозяин.

Мой добродушный комплимент не понравился ни осе-переростку, ни ее хозяину. Наяна, угрожающе на меня зашипела, выставя свой раздвоенный язык напоказ. Ой, не могу на этот ее язык смотреть, сразу о поцелуе с монстром вспоминаю, и так тошно становится. В голове сразу звучит вопрос: «Какого чёрта я не умерла до того, как решилась на подобную глупость?» Скривилась и поспешно перевела взгляд

с твари на её хозяина, надо же, он на удивление спокоен, вроде как не заметил моего комплимента.

– Тихо, Наяна, тихо, – опять потрепал тварь за бок, заставляя повторно скривиться от отвращения, – эта необразованная деревенщина с умственными способностями на уровне свиньи не хотела тебя обидеть.

– Деревенщина?! – взвизгнула от злости так, что чуть не сорвалась на крик. – Свиньи?!

– Даже визжит подобающе, – с легкой иронией раздалось из-под шлема, – вместо того чтобы слушать.

– Слушать что?! – сама не замечаю, как приближаюсь к монстру под влиянием гнева. – Очередной бред о нашей якобы женитьбе?!

Да как он смеет?! Деревенщина! Сам он... Монстр!!! Слов не хватает, чтобы описать всю гнусность этого существа. Он сказал на своем языке, с иронией и насмешкой:

– Му Ре.

Так, вот это я запомню, в этот раз точно не просто матом меня крыл, это слово или словосочетание что-то определенно означает. Прищуриваюсь нехорошо, давая и ему понять, что запомнила.

– Жена, – повторяет он той же интонацией что и до этого, – или нет, не имеет значения, тебе лучше послушать меня, пока не стало слишком поздно.

– В смысле? – несколько насторожилась от его последней фразы.

– Ты теряешь свое время, – с легкой насмешкой и намеком на что-то загрохотало из-под шлема.

– Тогда я, пожалуй, пойду? – отступаю на шаг назад, прекрасно зная, что уйти мне не дадут.

Он молча развел руками и никак не отреагировал, когда я снова отошла на несколько шагов. Его реакция последовала, только когда бросилась с оврага в тлеющее поле:

– Игра уже началась, женщина, я пытался тебе это сказать, но ты не умеешь слушать.

Да плевать на его слова, сбегу и все, или хотя бы попытаюсь. Меняхватило всего на несколько шагов в сторону обгорелых стеблей, прежде чем я развернулась, проклиная свое любопытство. Возвращаюсь, но держу дистанцию, монстр и не подумал сдвинуться с места.

– Что за игра? – спрашиваю, оглядываясь по сторонам. – Я слушаю.

Он медлит с ответом, а я неожиданно замечаю за собой некую странность: стою и улыбаюсь. Что это со мной? Прикусываю израненную губу, чтобы больше не делать таких глупостей.

– Наяна – оса, все осы в ее возрасте смертельно ядовиты, и раз уж ты заслужила ее укус, то, скорее всего, не дотянешь до захода солнца.

– Ты врешь, – говорю лишь потому, что не хочу в это верить.

– Рука онемела? – интересуется он с неприкрытой на-

смешкой, чем заставляет вздрогнуть. – Скоро все тело немеет, ты не сможешь двигаться и умрешь в жуткой агонии.

У меня вырвался нервный смешок, а следом я во весь голос засмеялась, едва не надорвав живот от смеха.

– Да вы что надо мной все издеваетесь?! – закричала, когда сил смеяться уже не было, и я просто осела на горячий пепел.

– Ты теряешь время, – повторил монстр, тем самым напоминая, кто именно во всем этом виноват.

Рывком поднимаюсь с земли и чуть не падаю, пытаюсь добраться до монстра и хотя бы раз его ударить. Он ловит мою руку ещё до того, как она успела коснуться его шлема, и удерживает ее так, заставляя стоять едва ли не на носках.

– Противоядие, – одно лишь слово, и я прекращаю попытки заехать ему ногой в пах. – От яда есть противоядие.

– Так дай мне его! – требую, понимая, что должна умолять.

– Не могу, оно у моего заместителя, – как-то очень слащаво отказал он мне, – кажется, ты имела честь с ним очень близко познакомиться.

– У Маратика? – по привычке исковеркала имя надоевшего заместителя главнокомандующего.

Реакция на мои слова была неоднозначной, монстр отпустил мою руку, но при этом оттолкнул от себя с такой силой, что снова приземлилась задницей в родную уже канаву.

– У него, – обманчиво спокойно послышалось из-под шле-

ма, только в этот раз я заметила еще и властные нотки. – Думаю, он будет рад тебе помочь с противоядием, учитывая, как хорошо вы проводили время вместе.

Это он на что такое намекает, гад ползучий? Или он так иронизирует, потому что знает, Маратик в жизни противоядие мне не отдаст? Ой, по всей видимости, я пропала, хоть волосы на себе от отчаянья рви! Да ещё и бесит этот монстр невероятно!

– Самые большие твои проблемы – это время и расстояние. Войска покинули старый лагерь, тебе нужно их догнать, чтобы получить противоядие. В этом и заключается наша игра. Одержишь победу – исполню одно твое желание, проиграешь – умрешь. Не теряй время зря, его мало осталось.

Он вывалил на меня все это, будто ушат с холодной водой перевернул, и преспокойненько залез на свою Няяну, как на ездовую лошадь. Думает, я сейчас собачкой за ним следом побегу? Мои силы давно на пределе, а нервы и подавно.

– Стоять! – кричу поспешно, вставая из грязи и бросаясь наперерез обнаглевшему главнокомандующему.

Его слоноподобная оса занервничала и гневно зашипела на меня, опасно приблизившись к лицу. Не дернулась в сторону лишь потому, что второго укуса уже не боюсь.

– Подсади меня! – требую у монстра.

– Что сделать? – переспросил он почти сразу. А я представила, как под шлемом взметнулись вверх его брови от недоумения.

– Подсади меня! – требую снова так же воинственно и даже протягиваю к нему руку. – Или ты думал, я за тобой бежать буду, словно собачка? Я не из таких женщин, а ты, мягко говоря, не в моем вкусе!

Он засмеялся, шлем исковеркал его смех, придав ему зловещие нотки, но мне терять уже нечего.

– Ты так помощи просишь или ещё больше нарываешься? – наконец-то поинтересовался он, вдоволь посмеявшись.

Его тварь вновь злобно прошипела что-то, едва ли не вплотную приблизившись к моему лицу и закрыв обзор на обнаглевшего монстра, чем и заслужила хлопок по носу.

– Я бы просила помощи, если бы это не была ТВОЯ ВИНА!!! – кричу на него и его чертову осу. – А так я требую, чтобы ты меня отвез и отдал противоядие!

Несколько секунд ничего не происходило, а затем монстр снова зловеще захохотал. Да что тут смешного?! Моя жизнь на кону, а ему посмеяться захотелось! Прежде чем я успела возмутиться, монстр нагнулся и, подхватив меня под руки, усадил перед собой на Няяну.

– Ми Му Ре, – проговорил он на своем языке со странной, несколько восхищенной интонацией где-то над моей головой.

Наяна издала утробный звук, выгнула спину и ринулась вперед в тлеющее поле.

Глава 24. Сложнее, чем ты думаешь.

Холодно так, что зуб на зуб не попадает, стучат друг об друга, норовя прикусить язык. Даже вцепившись в шею Няны руками и ногами, чувствую, что сейчас свалюсь. Кожа у этой твари гладкая, чешуйчатая, все время с нее сползаю, а монстру хоть бы хны, сидит себе сзади и в ус не дует. Нет в этой жизни справедливости: я уже в который раз мучаюсь, а он ещё ни разу не получил по заслугам. Он прям-таки нуждается во вселенском наказании.

– Приехали, – прогрохотало за спиной, а затем монстр слез.

В отличие от него, мне понадобилось время, для того чтобы отцепиться от шеи осы и разогнуть спину. Адова зверюга бежала так быстро, что смотреть было страшно, и теперь я неловко оглядываясь. Мы уже в лагере, однако, теперь он разбит в ущелье между горами. Странно, мне казалось, что по дороге на воздушном корабле мы не пролетали таких гор. Палатки расставлены местами, похоже, лагерь здесь разбили недавно, но огромную палатку для штаба уже развернули, как раз возле нее мы и остановились.

Серенькие забыли о своей работе и остановились поглазеть на мои страдания, стоило мне разволноваться, сообра-

жая, как слезть с этой трехметровой оси размером с сарай. Монстр, присоединившись к лагерю зрителей, тоже выжидательно наблюдает за моими потугами, пока у меня не сдают нервы, и я молча тяну к нему руки, чтобы снял. Надо же, подхватил за талию и опустил на землю, не произнеся ни слова, развернулся и пошёл в палатку. Какой-то он очень смирный, что-то подозрительно. С отвращением смотрю на руку, кожа вокруг места укуса потемнела, но конечность онемела максимум до локтя. Тем временем кроны деревьев потемнели, на землю медленно опускается закат. Мы так быстро приехали, или монстр несколько преувеличил, чтобы меня напугать? Пока обдумывала, пропустила тот момент, когда Наяна повернулась ко мне. Опомнилась, только когда ее противный язык прошелся по моему лицу. Дернулась назад и практически упала, но тварь не дала, поддержав хвостом. Это что, теперь я ей нравлюсь? Или она уже ждет не дождется, когда можно будет меня сожрать? Опасливо огибаю её по широкой дуге ее и с чувством глубокой западни захожу в палатку.

Внутри палатка ещё больше, чем казалась снаружи, но при этом в ней ничего толком нет. Плетеное кресло с небольшим столиком, две большие кровати в ледвижском стиле – низкие и укрытые одеялами из сшитых шкур, несколько тяжелых сундуков и деревянная ванна в сочетании с множеством горшков, расставленных буквально на каждом шагу. Это сколько же отравы для сереньких пропадает! Их священное растение буквально создано, чтобы кого-нибудь им

травить. Мой плотоядный взгляд на их священное растение не остался незамеченным, Маратик громко и значимо кашлянул. Взглянула на него лишь мельком и расстроилась. Он привел себя в порядок, на лице не осталось и следа от синяков и ожогов, а волосы выглядят ещё лучше, чем раньше. Как так? Магия, что ли какая? Точно, он же маг! Это не честно! Тоже так хочу, махнул рукой, тарабарщину сказал и красавица: ни синяков тебе, ни ран с ссадинами. И как Маратику не противно быть столь женственным? А то вдруг не у одной меня хорошая фантазия и странные наклонности? Серьёзно, он заслужил какого-то морального садиста, чтобы порол его плетью и обзывал девочкой. Скосила взгляд на главнокомандующего и чуть не ухмыльнулась. Монстр безучастно обошел стол и остановился напротив входа в палатку, по левую руку от заместителя.

– Какая же она страшная, – выдал Маратик с кривой улыбкой, упираясь руками о стол и провожая монстра взглядом. – Зачем ты ее вернул? Мы же вроде бы решили, что от нее исключительно одни проблемы.

О, это у него, что ли, ревность? Зачем он на моем-то языке меня обсуждает, а не их? Неужели моя больная фантазия в первый раз не ошиблась? Мой смешок прозвучал неуместно и слегка удивил сереньких монстров.

– Я не возвращал, она сама, – снисходительно произнес монстр, снимая шлем и ставя его на стол рядом с картой.

Вот, а этот с синяком ничего не сделал, вон как Мара-

тик уставился на его подбородок. Или у него какие-то другие причины? Прикусываю и так прикушенную губу, чтобы не ляпнуть ничего и не ухмыляться глупо все время. Надо больше заботиться о том, зачем я здесь, а не об амурных делах этой серой парочки.

Что за планы и карты у них на столе? Я вроде бы все укра-ла, может не те? Нужно прочитать надписи, чтобы разобраться, но сделать это незаметно будет сложно. Кажется, я знаю, чем можно отвлечь сереньких.

– Противоядие, – требую у заместителя главнокомандую-щего, – отдай его мне!

Знаю, что не имею права требовать, и эти двое легко меня по стенке размажут, но так надо, чтобы мой образ недалекой девушки подтвердить. Что-то здесь определенно не так, монстр не должен был идти на уступки, а тем более спасать меня из пожара. Неподдельное удивление в глазах Маратика говорит о том, что никакого противоядия у него нет. Не уверена, что оно вообще существует и нужно мне. Монстр меня переиграл, сыграл на моем страхе, и я сама попросила его привести себя в ловушку. Ну не дура ли?! Хочется со всей силы треснуть себя по лбу, ибо я все же та самая недалекая деревенщина, раз приняла его слова о яде на веру.

– Противоядие? – повторил за мной Маратик и вопроси-тельно уставился на своего начальника.

Монстр даже не думал скрывать своего злорадства, ли-цо безучастное, но глаза с головой сдают. Не знаю, что и

делать, смекалка подводит в самый неподходящий момент. Чувствую, что на выходе из палатки меня ждут солдаты, и теперь точно не сбежать! Но это не все, мой взгляд все время косится на карту. С трудом разбираю надписи на ней, но и моих знаний хватает, чтобы понять, они замышляют фронтальное нападение на столицу, с нескольких сторон, в том числе и со стороны Ледвиги. Этого не было на тех планах, что я уже ukrала для штаба. Может быть, мне с самого начала позволили их украсть и все это не больше, чем подстава? Так, тихо, Любава, тихо, не впадай в панику! Возможно, просто моя паранойя разыгралась, после всего, что я пережила, странно, что бабулек с дедулями к врагам не причислила.

– Его слоноподобная оса меня укусила, у тебя есть противоядие, отдай мне его! – подсказываю Маратику вместо монстра, не до конца понимая зачем.

– Наяна укусила? – как-то уж больно убедительно изобразил недоверие заместитель, все время оглядываясь на молчаливого начальника. – И ты до сих пор жива?

Последний вопрос он задал с таким искренним удивлением, что моя паранойя едва не рассыпалась на осколки, меняясь на страх.

– Ну, как видишь, – развела руками, или, по крайней мере, попыталась продемонстрировать следы от укуса. – Я пока что жива, и монст... начальник твой питает надежду, что ты отдашь мне противоядие в честь той незабываемой ночи, что мы вместе провели.

Ох, я в жизни ни видела ничего смешнее поперхнувшегося вином главнокомандующего. Уверена, Маратик тоже такого не видел, ибо уставился на монстра с открытым ртом. Монстр молча отставил их странное вино и перевел взгляд на своего заместителя. От такого взгляда впору и штанишки намочить, но Маратик даже не дернулся, неплохая выдержка.

– Ну что, Маратик, поможешь? – пользуюсь тем, что ко мне внимание не приковано, приблизилась к столу, тайком изучая карту. – По пылкой дружбе?

Я подмигнула заливающимся от злости лиловой краской серенькому, прекрасно зная, что ничем хорошим это не закончится. К моему удивлению монстр не проявил собственных замашек, со своего места наблюдая за этой сценой.

– Я тебе не друг, женщина, – кое-как оправился серенький, смотря на меня с холодом.

– Да, действительно, друзья не зовут на ночные сви...

Договорить я не успела, ибо Маратик резко зажал мне рукой рот. Прикусываю губу, чтобы не улыбнуться в руку. Монстр что-то прошипел, и Маратик поспешно убрал от меня руку и отошел на добрых два шага. С прищуром смотрю на главнокомандующего, собственник, как я и думала!

– Так что, – ласково улыбаюсь заместителю, медленно наступая на него, – что там с противоядием?

Маратик отступает только на шаг, а затем останавливается, тяжело смотря на меня, словно пытаюсь разгадать загадку.

– Отдай ей противоядие, – скомандовал монстр спокойно, а затем добавил что-то на их языке.

Оглянувшись на монстра, тот усердно вглядывался в карту и больше не проявлял признаков заинтересованности в происходящем. Оборачиваюсь на заместителя, когда слышу скрип сундука, он достал из него небольшую бутылочку с чем-то желтым внутри. Подозрительно кошусь на нее, ибо вообще сомневалась в существовании противоядия. Маратик не спешит отдавать мне бутылочку, наоборот будто бы дразнит меня, покачивая ее в руках.

– Ты же слышал, – тороплю его, протягивая руку за противоядием, – отдай мне его.

По взгляду Маратика понимаю, что он знает, там не противоядие и потому не торопится его отдавать. Заместитель вдруг протягивает мне бутылочку прямо в руку. Или нет, и он просто делал вид, чтобы я поверила, что это настоящее противоядие. У меня скоро нервы сдадут от этих игр разумов, к такому я не привыкла. Осматриваю бутылочку на предмет этикетки или хоть какой-то надписи и нахожу ее. Возле крышечки, на выцветшей бумаге, приклеенной к стеклу, на языке монстров было написано одно единственное слово. Понять, что именно это за слово я так и не смогла, но начало уж больно напоминало символы, что означают «сон», однако самих символов было немного больше. Не снотворное ли они пытаются мне подсунуть? На яд не похоже, при желании меня уже тысячу раз могли убить и без него.

Маратик выжидающе смотрит на меня, как будто я должна сразу же опустошить этот пузырьёк, а монстр делает вид, что карта намного занятнее происходящего. Что он там такое рассматривает, я тоже поглядеть хочу. Обхожу монстра и становлюсь по другую сторону, так чтобы можно было видеть и его и Маратика. Монстр и не сдвинулся, наверное, действительно в карте что-то интересное нашел. Беру его бокал с недопитым вином и залпом допиваю, чтобы опустошить. Ну вот, сбылась моя мечта, я попробовала их иноземного бухла. Жаль только, что вкуса его совсем не почувствовала, горло до сих пор болит от огненного воздуха. Наверное, должно быть вкусным и приятным, но не алкогольным, иначе бы горло заболело ещё больше. Наливаю в пустой бокал зелье из бутылочки и ставлю его прямо перед носом монстра.

– Сначала ты отпей, – требую, опираясь рукой о стол.

Что-то спать хочется, хотя закономерно, учитывая, как давно я спала. Монстр медленно повернул голову в мою сторону, и я поняла, что в борьбе взглядами явно проигрываю.

– Маратик, пей! – поспешно исправляюсь, чуть двигая бокал в сторону серенького, при этом немного разливаю на карту.

Монстр шипит ругательство, и непонятно: это из-за испачканной карты, или из-за того, как я заместителя его обозвала. Брови самого заместителя поползли вверх, и он забрал бокал с легкой заминкой.

– Пей, – приказал ему монстр, все ещё сверля меня взгля-

дом.

Маратик так и сделал, выпил глоток, но какой-то маленький.

– Ещё, – требую, нервно следя за ним, – выпей ещё.

– Боишься, что отравим? – с легкой издевкой произносит он. – По себе судишь?

Не отвечаю, просто молча смотрю, как он выпивает еще, но уже больше. Возможно, содержимое этой бутылки не действует на сереньких или совсем не опасно. Маратик презрительно хмыкнул и протянул мне бокал, тянусь через стол к нему и даже беру, но в последнее мгновение пальцы немеют, и бокал падает на стол. Желтая жидкость заливает карту, а я испуганно упираюсь негнушимися руками на стол, чтобы не упасть. Голова мучительно кружится и тяжелеет. Чёрт! Я же не пила, я не пила этого зелья, так какого...

Смотрю на бутылку на столе и перевожу взгляд на бокал, вино в нем куда прозрачнее того, что я выпила из бокала монстра. Когда, когда он успел? Все вокруг куда-то плывёт, или это я теряю равновесие и падаю на стол, а потом с него прямо в руки монстру. Он подхватывает меня за плечи, не обращая внимания на то, что упираюсь из последних сил. Глаза то и дело закрываются, сил нет, вместо того чтобы кричать, я еле мямлю, губы не слушаются. Холодная ладонь накрывает мои глаза, будто бы хочет, чтобы я сдалась, успокоилась.

– Это было так необходимо? – откуда-то издалека слышу

раздраженный голос Маратика.

– Упрямая, – чувствую, как большим пальцем поглаживает мою щеку, – слишком упрямая и уже на пределе. Белые очень хрупкие, если продолжить, сломанного не починишь.

Странно, я слышу, как они говорят на своем языке, но понимаю, что они говорят, словно знаю этот язык.

– Это все моя ошибка, Арталси, мне не стоило, – виновато шипит заместитель уже где-то поблизости.

– Ты слишком слаб, Маратси. В этом твоя главная проблема, и пока ты не искоренишь эту слабость, не сможешь исполнить свой долг.

Монстр переместил руку с лица на шею и подхватил под колени. Паника заставляет дернуться в последней попытке вырваться и приоткрыть глаза, но он не обращает внимания. Меня положили на кровать, почувствовала шкуры под собой, в уголке сознания зародилась паника. Холодная, покрытая шрамами, ладонь снова легла на лицо, заставляя закрыть глаза, тем самым убеждаясь, что я уже сдалась.

– Но все же, не было бы проще, если бы мы просто ей сказали, – предложил заместитель на родном для них языке, но я его по-прежнему великолепно понимала.

– Нет, – очень резко шикнул на него монстр, – ты не представляешь себе, насколько все сложнее, чем ты думаешь.

Ладонь монстра невесомо прошлась по моей щеке, а затем он, вероятно, отошел и зашипел что-то, в этот раз я не поняла, что именно. Совсем скоро мысли растворились и исчез-

ли, и сознание покинуло тело.

Глава 25. Суженая монстра.

Жарко до такой степени, что кажется, я снова в охваченном огнем поле. В этот раз нет раскаленного воздуха и дыма, наоборот, кажется, что в пламя превратилась я сама. Жарко, очень жарко, а простыни такие холодные, прижимаюсь к ним лицом. Хорошо, они такие нежные и прохладные.

Грудь разрывает кашель, от которого искры в глазах. Я простудилась? Уж больно похоже на пневмонию, которой я болела в детстве. Даже спина болит там, где легкие, мне нельзя болеть, а как же сестры? Они же, наверное, и не ели ещё, я сейчас же должна встать и приготовить для них хотя бы кашу. Подрываюсь и сажусь на кровати, но голова кружится настолько, что снова ложусь, зарывшись в подушку лицом. Какая же она мягкая, вставать не хочется совсем, как же ломит все тело!

«Любава...» – кажется, слышу жалобный крик своей младшей сестренки и рассеянно открываю глаза.

Сажусь снова, но не могу понять, где я, и откуда кричала сестра. Все вокруг закрыто мутной плёнкой и кружится, а ещё я хочу пить, сил нет, как сильно хочу пить! Протягиваю руку влево, обычно возле кровати на столике стоит кружка с водой, но сейчас там ее нет. Что-то стеклянное падает со звоном на пол, но без понятия что, на бутылочки больше похоже. Неужели, отец сходил к врачу в город мне за лекар-

ствами? Скорее всего, это ему кто-то привез, сам отец таким бы не занимался. Нехотя спускаю ноги с кровати, какая-то она низкая, да и пол холодный, каменный, что ли? Куда подевались доски? Поднимаю с пола бутылочку, наверное, это и есть лекарство. Опять сотряс кашель, так что едва не свалилась с кровати, пока открыла бутылку и выпила лекарство. Странное какое-то оно на вкус, даже не могу ни с чем сравнить, сладкое и совсем не горчит как все лекарства. Жаль только, что от лекарства пить захотелось ещё больше, но хотя бы кашель уменьшился. Надо выпить воды, но я так устала, глаза слипаются.

«Любава...» – услышала снова голос и узнала Софию.

Она голодная, я должна о ней позаботиться, больше никому. Со стоном поднимаюсь, меня шатает, и ноги не держат. Оступаю и прижимаясь боком к стене. Прохладная поверхность дарит облегчение, прижимаюсь к ней лбом, надеюсь, что мне это поможет чувствовать себя лучше – не помогло. Собралась с силами, почти видя перед собой образ Софии, что просит покушать. Держусь за стенку и медленно иду туда, откуда мне слышатся звуки кухни. Кажется, и дверь нашла, странно не помню, чтобы дома были такие двустворчатые двери. Ручка на двери поддалась не сразу, лишь после того как я на нее всем телом навалилась. К несчастью, дверь открылась вовнутрь, и я полетела следом за ней на пол и буквально распласталась там с грохотом.

Тяжело дышу, смотря на потолок, красивый, на нем пля-

шут жар-птицы. Такие красно-оранжевые, с длинными черными клювами и нарисованные маслом. По всей видимости, у меня начались галлюцинации, надо полежать, но София... Кто-то заслонил мне жар-птиц, не могу рассмотреть его лица.

– Вставай, – потребовал он такой интонацией, как требует папа.

– Сейчас, сейчас я встану, – вяло обещаю, с трудом перекачиваясь на бок.

Подняться на локотки не получилось, меня подняли на ноги раньше. Вертикальное положение телу не понравилось, снова занесло, но в этот раз меня подхватили. Перед глазами темные точки и все кружится, зажмуриваюсь, ожидая, когда все перестанет кружиться. Кто это, папа? Папа не такой высокий. Тело бьет озноб, хочу позвать отца, пока не замечаю какие прохладные руки у того, что держит меня за шкурку, словно котенка. Открываю глаза и кричу во все горло от увиденного.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – кричу, пытаюсь отбиться от самого настоящего чёрта.

Чёрт с волосатой моськой и носом пяточком скривился, но шкурку не отпустил, наоборот удержал за нее, когда я чуть не свалилась на землю.

– Любава! – неожиданно рывкнул на меня чёрт, так что замерла в испуге.

– Хан Артал, что здесь происходит? – подал голос кто-то

с ледвижским акцентом.

Нерешительно попыталась разглядеть собеседника чёрта, но не смогла, сам адский приспешник вцепился мне в подбородок, не давая повернуть голову.

– Хан, я провожу Хатун в ее опочивальню, – в этот раз заговорила женщина с тем же ледвижским акцентом.

– Пошла вон, – скомандовал черт резко, нервно дергая своими пушистыми усиками.

Кому это он сказал: мне или той ледвижке, что стоит за моей спиной? Откуда вообще взялись в нашем доме ледвижцы и самый настоящий черт? Он, конечно, в дорогом халате, но все же черт, волосатый, патлатый, уши торчат. Невольно потянулась пощупать уши, но так и не дотянулась до них. Щеки, щеки-то какие холодные! Чуть не завизжала от удовольствия, стремительно подавшись вперед, прижалась к прохладной щеке лицом. Колючая, но прохладная, будто мясо из холодильника.

– Хорошо, – простонала, прикрыв глаза.

Холодный, такой холодный, что даже сквозь одежду чувствую прохладу. Если подумать – это всего лишь моя галлюцинация, так что могу пожелать, что угодно, и это исполнится. С неохотой оторвалась от чёрта, держусь за ткань его одежды, чтобы не упасть.

– Сними одежду, – потребовала у своей галлюцинации.

Откуда-то сбоку от чёрта вскрикнула женщина и замолчала. Засмеялся мужчина и проговорил что-то на ледвижском

с насмешливой интонацией. Черт изменился в лице, будто сбросил оцепенение.

– Пошли вон! – рывкнул он как-то знакомо, что волна дрожи прокатилась по телу.

Что-то я не то сказала, судя по тому, как черт на меня смотрит, не отрываясь и даже не мигая. Это что он такое надумал себе, пошлый чертяка?! Отцепилась от его странного халата и отошла на шаг, чудом удержавшись на ногах. Черт ручки свои загребущие ко мне потянул, вот тогда-то я, дочь жреца, и не сдержалась. С размаху ударила кулаком ему в челюсть, точнее попыталась, он в последний момент отклонил голову, меня занесло, и я свалилась ему на руки.

– А ну отпусти, пошлый чертяка! – кричу, пытаюсь вырваться или хотя бы встать. – Ты хоть знаешь, что с тобой мой папа сделает?!

Черт заглянул в мои глаза, уголки его губ подрагивают, так сильно он пытается скрыть ухмылку. Вот же бес, смешно ему от моих угроз! Какой бы ты, адово создание, прохладный не был, но больше меня этим не соблазнишь!

– Он тебя изгонит, нечисть проклятую! – пламенно пообещала ему, смотря с ненавистью.

Чёрт никак не отреагировал на мое высказывание, но по глазкам-то видно, что разозлился.

– Маратси, она мне надоела, – обратился монстр к кому-то на другом языке, который я почему-то поняла. – Разбирайся со своей ошибкой сам.

С этими словами чёрт, казалось бы, поставил меня на ноги, но на самом деле толкнул. Меня подхватил кто-то ещё, в отличие от чёрта он был деликатен и поставил на ноги ровно, почти сразу убрав от меня руки. Возможно, я бы даже была ему благодарна, если бы не услышала шипение.

– Змея! – завизжала с ужасом и отпрыгнула спиной на чёрта, затылком двинув ему в челюсть.

Огромная змея удивленно прошипела что-то, размахивая патлами до задницы. Никогда не видела волосатых змей! Тем временем уродливая змеюка ростом под два метра, в таком же, как и у чёрта, халате, потянула ко мне свои покрытые чешуйками руки. Я завизжала с такой громкостью, что сама немного оглохла. Прохладная ладонь чёрта зажала мне рот, когда я в тщетной попытке пыталась за него спрятаться, но он не дал. Огромная, слегка вытянутая, змеиная морда показала раздвоенный язык, и у меня от испуга всё поплыло перед глазами. Терпеть не могу змей!

– Что это с ней? – удивленно прошипела змеюка, растягивая слова.

– Убери ее! – потребовала у чёрта, освободив свой рот и всё-таки спрятавшись у него за спиной. – Убери эту змеюку!

Змея говорит, цветочки двигаются, черт огромный и плечистый, по-моему, мне пора обратно в кровать. Ногу жжет, там, где у меня шрам от укуса змеи, что я получила ещё в детстве. В ушах стучит собственное сердце.

– Эй, женщина! – зашипела на меня змея, вновь вызвав

мой испуганный вскрик.

– Убери ее! – истошно надрываюсь я, в панике тряся чёрта за руку.

– Её?! – разозлилась змея.

– Ее? – оглянулся на меня чёрт с подозрением.

– Да сколько тебе повторять: я не баба! – рявкнула на меня басом змея, чем ввела меня в ступор, за которым последовал ещё один крик.

– А змеи бывают мужиками? – вырвалось у меня в замешательстве.

– А ну, тихо! – пробасил чёрт, и я, вздрогнув от неожиданности, отпустила его конечность.

Он повернулся ко мне немного боком и приложил руку к моему лбу. Странное чувство, словно такое уже было. Туман в голове начал медленно отступать, и я вроде начала приходить в себя от кошмара. Моргнула несколько раз, смотря в бездонные черные глаза чёрта, и будто увидела там яркие искорки. Они становились ярче, с каждой секундой его молчания, точно кто-то запалил огонь в старом костре. Меня накрыли жуткие глюки, не иначе, нужно пойти, прилечь, но я, как заколдованная, накрываю его руку на моем лбу своей. Мои руки такие же холодные, как и его.

– Главнокомандующий, – подала голос змея, и я вздрогнула, поспешно убирая руку, чёрт поступил так же.

То, как назвала змеюка чёрта, что-то вызывало в памяти, но голова заболела так, что думать и пытаться вспомнить,

что именно, было невозможно. Чёрт что-то зашипел змее, обернулся к ней, явно ругая. Если так подумать, он же чёрт, а папенька всегда говорил, что змеи – это приспешники нечистого. Отхожу назад, надеясь, что галлюцинации уйдут.

«Любава...» – услышала где-то сзади голос Софии и повернулась.

Какой-то странный кошмар, хватаюсь за спинки кресел, чтобы не упасть и иду к двери, за которой слышу сестру.

– София? – еле слышно шепчу, стараясь не замечать шипение черта и змеи сзади.

– Любава? – кричит змея, когда рывком открываю дверь.

По инерции чуть не заваливаюсь назад, но наткнувшись на кресло, падаю на колени, прямо на заснеженный балкон. Меня обдаёт холодом и прохладой, но я не замечаю этого. Там, за фигурным поручнем балконного ограждения, на раскинувшейся внизу площади вижу многотысячную толпу людей. Они собрались вокруг огромного, размером с сарай, круглого бассейна, из белого камня и странными горящими символами. Он наполнен чёрной водой, бурлящей наподобие водоворота. Солдаты в черной амуниции что-то кричат поледвижски, подгоняя людей в очереди.

Узкоглазые, с черными волосами в основном, девушки из Ледвиги плачут. Среди них в основном молодые девушки, но встречаются и женщины постарше, и даже совсем ещё девчонки, почти девочки. Мужчины, мальчишки, пожилые мужчины и женщины стоят в сторонке, кто-то и них кричит и

громко плачет, смотря на девушек, но никто ничего не делает. От круга с черным водоворотом их отделяют солдаты в черной амуниции, их в разы меньше, но никто на них не нападает. Ледвига сдалась? Когда это случилось? Главкомандующий, монстр, задание, яд...

С ужасом смотрю на свою руку, там виден незаживающий след от укуса Няяны. Он почти затянулся, сколько времени прошло? Как так? Это мой кошмар? Это ведь просто кошмар?!

Резкий, полный отчаянья крик заставляет посмотреть на площадь. Испуганные женщины зовут на помощь, но солдаты, угрожая копиями, подталкивают их к водовороту. Несколько мужчин из Ледвиги пытаются прорвать оборону монстров, но они маги, одна вспышка и мужчины падают на укрытую снегом брусчатку. Две девушки в начале ряда заливаются слезами, оглядываются на них, наверняка это были их родственники, братья, может быть, мужья. Солдат что-то выкрикивает, подталкивая их к водовороту, и те спрыгивают в воду и исчезают. Они буквально исчезли, словно их сразу же затянуло на дно этой чудовищной воронки. За ними последовали и остальные, они плакали, кричали в ужасе, а затем также исчезали под крики и плач близких, которые на это смотрели.

– Узинари получает свою жертву, – безжалостно прозвучало за спиной, но я даже не обернулась.

Среди толпы черноволосых ледвижек, выделяются три бе-

лых головы, светло-русые девочки. Они держатся за руки и тихо плачут, толпа несет их к водовороту, и совсем скоро они исчезнут так же, как и остальные. Я узнала голубые ленточки на голове у старшей, помню, как завязывала их Орысе. Красный свитер на средней девочке, который сама связала для Сары и... И мамин медальон, на шее у младшей, который она всегда берет без спросу. В том медальоне единственный портреты мамы, София показывала его, когда детвора обижала ее за то, что у нее нет мамы.

«Вот она, моя мама! Самая красивая!» – гордо, надув губки и топнув ножкой, кричала моя сестренка.

Теперь она молча плачет от страха, двигаясь вместе с толпой к водовороту, которая неумолимо подталкивает моих девочек, моих детей прямиком в черное жерло, в жертву дурацкому богу монстров.

«Нет!» – проносится мой крик отчаянья и ужаса над площадью, когда рывком перепрыгиваю через поручень балкона, не обращая внимания на высоту.

Крепкие руки подхватили меня раньше, попытка лягнуть и оттолкнуться босыми ногами от поручня не принесла успеха, не могу ничего сделать, он сильнее. Под мой крик отчаянья исчезают в черном водовороте мои девочки, а затем исчезает и весь свет для меня.

Внезапно вздрагиваю от жуткого ощущения падения и просыпаюсь. Руки, которыми хватаюсь за голову, трясутся

крупной дрожью, и я сжимаюсь в комочек, судорожно дыша. Этого не было на самом деле, ничего из моего кошмара не было на самом деле! Первое, что заставляет открыть глаза и поверить в эти слова по-настоящему запах, пахнет сыростью и влагой. В отчаянии распахиваю глаза, но ничего не вижу, слишком темно. Осторожно сажусь, чувствую под собой какую-то грязную и вонючую, сложенную вдвое тряпку. Оглядываюсь по сторонам и замечаю еле выделяющуюся в темноте решетку, а за ней коридор с единственным источником света где-то вдали. Тюрьма – само собой возникает в голове название этому месту с сырыми заплесневелыми стенами. Вот это куда больше похоже на реальность, чем роскошные палаты и круг жертвоприношений. Одно хорошо, с сестрами все в порядке. Закрываю глаза и складываю руки на груди, молюсь Спасителю. Видел бы меня отец, посмеялся бы, он всегда говорил, что о Спасителе вспоминают лишь, когда становится плохо, никто не благодарит его, когда хорошо. Он и его религия ещё никому не помогли, скорее, наоборот. Фыркаю, опершись спиной на холодные камни, и сразу отстраняюсь. Одежда промокла от влаги на камнях. Секундочку, на мне же должна быть кожаная броня и нижняя сорочка, а это что? Ощупала себя с ног до головы и с тревогой поняла, что на мне платье, причем не моё. Из рта вырвался мат, от понимания, что меня не только трогали, пока я была без сознания, но и раздевали. Прислушалась к своим ощущениям и удивилась ещё больше – ничего не болит. Вот аб-

солютно ничего, ощупала лицо, там ни одной раны или царапины. Затем потрогала ладонь и нащупала уже зарубцевавшийся шрам, как напоминание о моей отчаянной попытке выжить. Длинный рукав скрывал запястье, но и там остались два небольших шрама от укуса Няны. Хотя в этом я могу быть уверена, не кошмар и не галлюцинация.

Что происходит? Где я и почему ещё жива? Меня будут пытаться? Конечно, будут, а иначе: зачем я еще им? Но зачем для этого надо было залечивать мои раны и переодевать? Что-то тут не вяжется, вся история пахнет маразмом.

Тяжело вздыхаю и по привычке провожу рукой по косе, и вздрагиваю, когда дохожу до тяжелой металлической заколки на конце. Кто заплел мне косу, и чья эта заколка?

– Эй, здесь кто-нибудь есть? – раздался эхом неуверенный женский голос.

– Кто-нибудь есть, – соглашаюсь, а затем подползаю к решетке, пытаюсь увидеть собеседника. – Эй, а где мы?

Совсем близко слышен шум, кто-то так же, как и я, подполз к решетке где-то слева.

– В Ханси, столице Ледвиги, – слышу усталый женский голос совсем рядом, вероятно, в соседней камере. – Твой голос кажется знакомым, кто ты?

Последнюю фразу женщина произнесла в приказном тоне, так что я невольно отклонилась от решётки. Брякнули кандалы, а затем мне протянули грязную тонкую руку со странными кандалами на запястье.

– Давай познакомимся, сестра по несчастью, – грустно проговорила собеседница, снова звякнув кандалами. – Настасья.

– Любава, – на автомате пожала протянутую руку, пока не поняла, почему голос казался таким знакомым. – Стоп, что?!

– Я думала, ты умерла! – хором произнесли мы в следующий миг, вписавшись лицами в решётку, чтобы разглядеть друг друга.

В темноте почти ничего не видно, но и этого хватило, чтобы разглядеть испачканное и изможденное лицо Настасьи. По щекам потекли слезы, не могу поверить и сжимаю руку подруги, чтобы убедиться, что это не очередная галлюцинация.

– Ты жива, монстр тебя не убил! Поверить не могу! – вздыхаю с облегчением.

– Монстр? – повторяет Настасья с легкой ухмылкой. – Все они здесь монстры. Это сейчас мы здесь одни, а раньше камеры были переполнены, а ещё позавчера здесь было много девушек и женщин, всех на рассвете в жертву принесли.

Мы замолчали, каждая по своей причине. У меня перед глазами снова возникла картина с сестренками, которые исчезают в бурлящем водовороте. Не все в том сне было сном.

– Насть, а сестры, они, правда, в безопасности? Они ведь не могут да них добраться? – слегка сжимаю ее ладонь, стараясь о плохом не думать.

– Они далеко от линии фронта, – устало вздыхает магес-

са, – не скажу, что их не могли схватить, сейчас же война. Но, думаю, с ними все в порядке, иначе мне бы сообщила моя птица.

Птица? Точно, она же создала с помощью магии и своей крови птицу. Настасья же талантливый маг!

– Настасья, а ты не можешь просто вынести решетку? – неуверенно спрашиваю, когда подруга отпускает мою руку.

– Не могу, у них есть кандалы, которые не дают колдовать, – в подтверждение она мотнула рукой. – Этот их главный...

– Монстр, – подсказала ей, почему-то вспомнив чёрта и то, как попросила его раздеться.

Как стыдно-то, хорошо Настасья ничего не знает. Прячу руку, сжимая прутья решетки, и закрываю глаза, прижавшись лбом к холодному металлу.

– Главнокомандующий быстро резонировал моё заклинание, все, что я могла, немного задержать его, но и это у меня не получилось.

Настасья поджала губы, стараясь сдержать злость и что-то ещё.

– Его помощница вырубилла меня подло, исподтишка, – тоном, словно никогда такого не забудет, проговорила подруга, и я несколько зависла.

– Кто? – излишне резко поинтересовалась я у нее. – Какая ещё помощница?

В груди что-то неприятно сдавило. Ребро сломала, что ли?

Мне же казалось, меня вылечили, а, как выяснилось, нет. Видимо, я слишком бурно отреагировала, вон с каким подозрением Настасья на меня глядит.

– Как она выглядит? – уже без излишних эмоций поинтересовалась у нее.

Неужели о ночной гостье монстра говорит? Во мне закипела ярость, но логика отказывалась объяснять ее причину, так что мне осталось нервно дожидаться ответа.

– Темные волосы длинные, очень красивая, – с ноткой зависти, изменившейся непонятной интонацией в голосе, произнесла подруга, а затем добавила, – слишком красивая.

Так, помощница не рыжая, уже полегчало, даже дышалось свободнее. Но что-то я не припомню рядом с монстром никаких красивых баб с длинными волосами... Стоп! Она же о Маратике говорит! У меня вырвался смешок, и, прикусив губу, едва сдержала смех, чтобы не расхохотаться в голос.

– Эй, ты что, совсем умом тронулась? Почему смеешься? – приняла мой смех на свой счет подруга.

– Да нет, просто...

Договорить я не смогла, вспомнив, как Маратик во сне кричал, что он не баба. Похоже, его комплекс по поводу женской внешности имеет под собой вескую причину. Скосила взгляд на Настасью. Вопрос, не она ли эта причина? Что-то меня куда-то не в ту степь понесло, прекращать пора. Они захватчики, монстры, надо об этом помнить и никогда не забывать.

– У нас есть проблема поважнее твоего смеха, – все ещё обиженно проговорила Настасья.

– Какая, кроме самой очевидной? – наконец-то успокоилась и мысленно отстранилась от лишних мыслей.

– Главнокомандующий нашёл себе жену, – с помпезным трагизмом произнесла магесса, и моя челюсть отвисла, а затем вырвался ещё один нервный смешок.

Она знает? Монстр, что ли, теперь ходит и рассказывает этот бред всем направо и налево? Что за трепло! Если она узнает о нашем поцелуе... вернее, поцелуях... я пропала! Точно штабу сдаст, а то и того хуже – моему отцу! Схвати-лась за голову, радуясь, что с этого места Настасья не видит моего лица.

– А какое нам вообще до этого дело? – стараюсь говорить, как можно более равнодушно, но желание придушить одного конкретного монстра не дает это сделать.

– Я слышала в честь этого придет их король со свитой, солдат станет в несколько раз больше, сбежать будет невозможно.

– У них есть король? – слегка отстраненно спрашиваю, мысленно размышляя, как именно можно прибить монстра.

Ладно, он мне сказку про замужество рассказал, пусть Настасье и солдатам поведал, но королю-то зачем? Он вообще в своем уме?!

– Есть, конечно, – также отстраненно проговорила подруга, – у всех есть короли.

– У тебя есть план, как сбежать? – с надеждой отвлекаюсь от неприятных мыслей и с опаской оглядываюсь по сторонам.

– Есть, – соглашается Настасья без особой радости, – но он сопряжен с одной огромной проблемой.

– Какой? – несколько рассеянно спрашиваю, мне показалось, что где-то неподалёку скрипнула дверь.

– Для того чтобы сбежать, нам нужно взять в заложники жену главнокомандующего, а это будет несколько затруднительно, ее наверняка держат под защитой в королевских покоех.

Оглянулась по сторонам, как-то на королевские покои мало похоже. Стесняюсь спросить, если это королевские, то какие обычные, канава с крысами? Да и охраны здесь никакой пока не видно.

– Как-то я в этом сомневаюсь, – мрачно заявила, отчетливо слыша шаги нескольких человек по коридору.

– Да, – согласилась со мной Настасья, – это будет сложно, наверняка его жена будет ещё и сопротивляться.

– Ну, я так не думаю, – не менее мрачно пообещала ей, – скорее наоборот.

– Наоборот? – заинтересовалась Настасья. – Ты ее знаешь? Видела?

Продолжить этот весьма неприятный для меня разговор мы не смогли благодаря Маратику и двум солдатам за его спиной.

– Проснулась? – прохладно поинтересовался он у меня, при этом косясь взглядом на соседнюю камеру. – Пойдем.

Глава 26. Ледвига пала.

Сомневаюсь, что Маратик мог подобрать для своего визита более подходящий момент. Вот как он узнал о том, что я проснулась? Мы с Настасьей слишком громко разговаривали? И как много они смогли услышать? Да и сама перспектива куда-то идти с заместителем меня не радовала. Воображение услужливо рисовало несколько вариантов, куда Маратик меня хочет отвести, и вариант с пыточной комнатой не попал даже в тройку самых худших. Так что остаюсь сидеть и не двигаюсь, с опаской косясь на серенького. Он вальяжно махнул рукой и два охранника открыли решетку ключом, а затем остановились на входе. Я обязательно должна сама выйти? Скрещиваю руки на груди, всем своим видом показывая, что никуда не собираюсь. Маратик сделал шаг в сторону от камеры Настасьи, поближе ко мне, словно не хочет, чтобы она его слышала. Неужто нашему женоподобному серенькому приглянулась мужеподобная Настасья? Так, фантазия с маразмом пошли в разгул, сомневаюсь, что эти твари вообще хоть что-то о любви слышали. Особенно, если учитывать какое у них принято отношение к жене. Изверги, тьфу на них.

– Ты же знаешь, – вкрадчиво, с очевидным намеком в голосе молвил он, – он не любит неповиновение.

О, ещё как знаю! Как монстр меня муштровать пытался угрозами отрезать пальцы или оттяпать руку целиком! Но не

отрезал же! Почему?

– Не любит? – с издевкой поднимаю бровь. – Уверена?

На последней фразе Маратик завис, как я зависала на уроках этикета, когда надо было выбрать вилку для рыбы из пяти разных. Настасья незаметно приблизилась к решетке, ну, по крайней мере, она думала, что незаметно. Серенький скопил взгляд на соседнюю камеру и, кажется, потемнел от злости. Я ожидала колкого ответа, но его не последовало. Заместитель отступил к стене и кивком молча приказал своей охране зайти в камеру.

– Эй, вы что делаете?! – завизжала, отмахиваясь от солдатиков.

Меня схватили под локти и рывком подняли на ноги. Голова снова закружилась, и впервые поняла, насколько ослабла. Ноги подкосились, и из камеры меня буквально вытащили под руки. Маратик даже на мгновение проявил нездоровый интерес к моей персоне, руки к моему лицу потянул. Зная, какой серенький заместитель затейник, увернулась от его руки и плюнула ему в лицо. За решеткой шокировано икнула Настасья, а Маратик впал в ступор от столь неожиданного проявления «нежности». Молча достал платок и вытер платком лицо, с отвращением бросив белый клочок шелка на грязный пол. Вот же скотина, кому-то же этот клочок ткани отстирывать, горбатиться с мылом и миской полдня. А вот это все, чтобы гордыню этого серенького завоевателя подсластить, хотя плевать он заслуживает. Не сам же

монстр меня переодевал и косу плел?! Вот не сомневаюсь, заместителю с такими волосами косички не впервые плести. Представляю, как он проклинал меня, пока заплетал.

Злые морщинки появились на миловидном лице, явно демонстрируя, что он на пределе, но до ручки все же ещё не дошел. Ну, ничего, мы это исправим.

– Ты там пропустила, левее, левее, – поддакиваю Маратику, показывая на другую щёку.

Сначала он не понял, почему я обратилась к нему как к женщине, но стоило проговорить одними губами заветное слово «баба», он сорвался. Заместитель главнокомандующего не простой солдат, чтобы руки распускать, он же маг как-никак. Нарочито медленно опустил взгляд на свой зажатый кулак. Также медленно открыл руку, высвобождая языки розового пламени, словно ещё решает: какую часть меня поджечь первой.

– Боюсь, главнокомандующий так и не дождетя тебя, – пафосно нахмурил брови заместитель.

– Нет, нет, не надо! – вскрикнула испуганно Настасья, громылая кандалами о прутья решетки. – Не убивай ее, пожалуйста, сжался!

Ее мольбы не сумели произвести должного эффекта, ибо меня опять пробило на смех. Честно, изо всех сил пыталась сдерживаться, но это стало совершенно невозможно, стоило мне увидеть его магию. Если сравнивать с той, что я видела в исполнении Настасьи: белые вспышки, магия на кро-

ви, то появившийся на ладони Маратика розовый огонек... бабский, что ли? У него не только внешность девичья, но и магия. Если бы он не был сереньким, может, и пожалела бы его: это какая же у него жизнь не сахар была, если он так болезненно на мои слова реагирует. Хотя, а чего я его жалеть должна? Монстры не заслуживают жалости. Резко перестаю смеяться, мрачнею не хуже Маратика. Почему ему не до смеха, понимаю: он и пальцем меня коснуться не может, монстр запретил, в этом я уже убедилась. Но вот почему мне так не смешно вдруг стало? От предвкушения встречи с «муженьком»? Когда думаю об этом, такая злость берет с примесью жуткого стыда.

Маратик прошипел что-то на их языке командным тоном, и солдатики потащили меня по коридору все дальше и дальше от Настасьи. Завизжала от того, что впервые заметила, что на мне не мои любимые сапоги, а какие-то тапки, в которых ушибить ногу ничего не стоит. Оглянулась на заместителя и увидела его вдали коридора, возле камеры Настасьи, он не пошёл следом, остался с ней. Романтическая завеса распалась, стоило вспомнить, что для остальных Настасья в первую очередь не красивая девушка, а враг, главный маг на фронте противника. Мне трудно даже представить, какими сведениями она располагает и что на самом деле умеет. Они пытали ее и меня будут? Я бы пытала, учитывая, что на кону. По спине прошелся холодок, как только громыхнула, закрываясь за нами, дверь в подвал, и меня потащили по

лестнице вверх.

Не наблюдаю в ближайшем будущем никаких радужных перспектив, но надежда на побег с Настасьей будоражит кровь. Даже если это последняя соломинка, я схвачусь за нее, лишь бы ещё раз обнять моих девочек. Защемило сердце, картина из кошмара никак не забывалась, хотя я уже не понимала, что в том кошмаре было явью, а что помутнением рассудка. Как вообще я можно было так быстро выздороветь после такой сильной простуды?

Мы поднялись на жилой этаж, в жизни не видела такой роскоши. Покрытые мозаикой стены и полы, священная фиолетовая отрава в красивых горшках на ледвижский манер. У меня тоже когда-то был такой горшок, купила на ярмарке за приличную сумму, за что впоследствии досталось от отца. Новая обувь скользит, разнося грязь по чистому полу, а я верчу головой стараясь запомнить дорогу и осмотреться. Поднимаемся по ещё одной лестнице, ступеньки которой застелены шикарным ковром. Что-то этот путь не очень похож на дорогу в пыточную, скорее всего, мы направляемся в личные покои короля Ледвиги. У Ледвиги же король, да? Не помню, вроде бы он назывался как-то по-другому, как-то очень знакомо. Совсем недавно я слышала это слово, но когда...

Мы остановились, и я с досадой поняла, что, предаваясь своим размышлениям о правителе Ледвиги, проворонила подробности пути от лестницы к большим двустворчатым

дверям из белого дерева с искусной резьбой. А дверь-то знакомая, и позолоченная ручка тоже... Тревожный колокольчик прозвучал в голове, и я насторожилась. Возле дверей пятеро охранников в боевой амуниции, по всей видимости, в этот раз монстр решил позаботиться о своей безопасности. Или он меня боится? Смешно, в самом деле. Может, какой-то рыжей соплеменнице и не удастся больше застать его врасплох, ну разве что снова полезет целоваться. Сомневаюсь, что этот странный противоречивый субъект откажется, ничему его жизнь не учит. Вот такой он непоследовательный – главнокомандующий монстр монстров. Солдаты отпустили мои локти и поспешно отступили на шаг. Раздосадованно нахмурилась, а затем неуверенно потопталась на месте, ожидая, пока мне или разрешат войти, или впихнут в дверь силой. Оглянулась на солдатиков, те словно по команде отвернулись, всецело делая вид, что семеро сереньких в этом коридоре перед дверью просто потерялись в пространстве. Может, я должна Маратика подождать? А зачем мне это делать? Сделала шаг к двери, солдатика напряглись, двое возле дверей скосили на меня взгляд, но ничего не сказали. Ладно, чего мне бояться, будь что будет, дальше что-нибудь придумаю. Открыла дверь с легким скрипом и вошла, прикрыв ее за собой.

Я помню эту комнату, видела ее во сне. Поняв, что это был не сон, с испугом прикипела взглядом к потолку с нарисованными птицами. Оглянулась по сторонам – никого. Дверь

в спальню закрыта, как и ещё одна дверь напротив. Двери на балкон занавешены шторами цвета слоновой кости. Ступила несколько шагов к искусно отделанному камину и фигурным диванчикам перед ним и остановилась, заметив знакомый длинный стол. Стол сервирован приборами на одну персону, выставлены традиционные ледвижские сладости. Вот халва, мясо в тесте, ароматный плов и много-много всего, чего я в жизни раньше не то что не пробовала, не видела никогда. Живот свело от спазма, когда я в последний раз ела? Вероятно, очень давно, этого оказалось достаточно, чтобы ноги сами понесли меня к столу. Наверняка эту еду принесли для монстра, королевский повар потратил на нее весь день, если не больше, а он даже не попробовал. Зло поджала губы, присаживаясь за стол и беря вилку в руку. Я просто обязана съесть все, не только потому, что до спазмов в животе есть хочу, а потому, что еда не должна пропадать из-за прихоти этого монстра!

Как же вкусно, схватила один из мантов и чуть не застонала от удовольствия. Вот ещё это блюдо попробую и вон то! Как же вкусно! Запах у ледвижских яств специфический, как и вкус, но по сравнению с ними обычная еда кажется пресной. Опустошив тарелку с мантами, уже добралась до плова, когда дверь в спальню открылась. Вот умеет же он не вовремя появляться! Все что съела, попросилось наружу, и я поперхнулась ложкой риса.

Монстр собственной персоной остановился в дверях, в их

одежде, неуловимо смахивающей на рысу черного цвета с золотой вышивкой. Похоже, его остановил тот факт, что его оплевали рисом.

– Надо же, – протянул он с насмешкой, глядя на меня холодными, как лёд, глазами. – В этот раз с балкона прыгать не собираешься?

Есть сразу же перехотелось, но ненадолго, всего на секунду. Это точно был не сон, и тон у монстра странный, он будто бы меня в чем-то обвиняет. С каких это пор я должна чувствовать себя виноватой перед монстром?!

– Только после Вас, – ядовито отвечаю ему, с вызовом смотря в глаза.

Уголки его рта дергаются в подобии улыбки, уродливые шрамы искажают лицо, но оно не вызывает во мне отвращение, скорее глухую злобу. Он отодвигает соседний стул и садится, слегка откинувшись на его спинку, смотрит на меня, словно на забавное животное.

– Вас, – дразнит меня с нескрываемым раздражением.

Никак не реагирую на эту фразу, молча сую еще ложку плова в рот, в этот раз успеваю проглотить, правда, абсолютно не почувствовав его вкус.

– Вкусно? – все тем же немного раздраженным тоном спрашивает он, наблюдая за мной так пристально, что уже и дышать неудобно.

– Вы бы ее все равно есть не стали, – пожимаю плечами, засовывая ещё одну ложку в рот.

Мне кажется, или едой я пытаюсь отгородиться от монстра?

– Не стал бы? – еле заметно приподнял он одну бровь. – Я ем исключительно то, что нельзя назвать помоями.

«Помоями?!» – мысленно повторила за ним, так и не донеся ложку до рта. Это что, моя еда, по его мнению, помои?! ПОМОИ?! Нет, я, конечно, не королевский повар, но ПОМОИ?! От возмущения едва не поперхнулась словами и, прежде чем гнев отступил, и я смогла хоть что-то ему ответить, монстр сделал нечто совсем уж странное, окончательно вогнав меня в ступор. Он подался вперед, приблизившись слишком близко, чтобы я поняла, что он собрался сделать. В следующее мгновение он заглотил мою, зависшую в пространстве ложку плова и снова отстранился.

– Сразу чувствуется еда, а не твои помои, – еле заметно улыбнувшись, уведомил он меня.

Ложка со звоном выпала из моей руки, в ушах бешено бьётся пульс, и я всем сердцем надеюсь, что это исключительно из-за гнева. Из-за гнева, из-за чего ещё? Не путай себя, Любава! Он враг, посмевавший унижить мою готовку, тварь, что отправляет на смерть девушек и женщин.

Набираю ещё одну ложечку плова и в этот раз протягиваю ее к нему сама, будто кормлю младшую сестричку. Монстр смотрит мне в глаза, но не спешит наклоняться навстречу. Сую ему ложку с пловом в рот, чуть приподнявшись со стула, а затем откладываю ложку куда подальше.

– Вкусно? – копирую его раздраженную интонацию, а затем добавляю, когда он глотает плов. – Я отравила вашу еду.

Удовлетворения, которое я ожидала получить от своей маленькой лжи, не наступает. Он даже не поперхнулся, как я ожидала. Взгляда от меня не отрывал, и от этого уже кожа на лице зудит.

– Ты сама, словно яд, – произносит он, смотря на стол, ломящийся от еды, – отравляешь все вокруг себя.

Первая моя реакция удивила меня же: резко начали слезиться глаза, будто бы я – маленькая София, обидчивый ребенок. Заставила себя насмешливо фыркнуть и отвести взгляд в сторону.

Да что он обо мне знает? НИ-ЧЕ-ГО!!! Того, что я о нем знаю, хватает, чтобы ненавидеть его всем сердцем и называть не ядом, а монстром. По идее вот это все я должна сейчас высказать ему, но на деле впервые в моей жизни от возмущения не могу найти слов. Меня этот факт поразил больше, чем монстра. Он снова повернул голову в мою сторону, и то ли от испуга, то ли из вредности ляпнула глупость.

– Если я – яд, то почему ты до сих пор жив? – с вызовом смотрю ему прямо в глаза.

Он просто смотрит на меня долгое время, а затем уголки его губ задрожали, выдавая, что он с трудом сдерживает улыбку. Станный взгляд скользнул по моему лицу, и он все же улыбнулся. Нет, одно дело эти его еле заметные ухмылки, но вот эта, самая настоящая улыбка поразила. Чего

греха таить, монстр и раньше, даже с изуродованным лицом, был красив, его же улыбка буквально завораживает. У меня аж щеки загорелись, и рот от удивления открылся. Не красавец, конечно, курица после гриля скорее, но какой же миленький! Когда мама была жива, и мы жили у бабушки, там был старый пес Сопун с грязной черной шерстью и шрамами на мордочке от драк с другими дворовыми собаками. А я все думала, кого мне монстр напоминает – ну один в один блохастик Сопун! Сейчас за ухом почешет лапой и все, котята в моих глазах приобретут нового конкурента.

– У меня есть противоядие, – произнес монстр холодно и надменно.

Ох, словно ведро колодезной воды на голову вылили. Бодрит! Котята, вы теперь точно вне конкуренции. Не успела я спросить, о чем он, как главнокомандующий поднялся и шикнул что-то на их языке. Так, стоять! Почему я во сне понимала, что он говорит, а сейчас не понимаю?! Куда делся мой персональный внутричерепной переводчик?

Дверь в комнату открылась, и зашла ледвижка в раскрашенном синем платье, низко кланяясь, сначала монстру, а потом почему-то мне. От неожиданности и в силу воспитания я встала из-за стола и тоже слегка склонила голову. Когда она и я все же разогнулись, в который раз почувствовала свою ущербность. Красавица, такими рисуют ледвижек наши мужики: осиная талия, миниатюрное тело, длинные черные волосы, раскосые глаза, аккуратный носик, лицо в фор-

ме сердечка и пухлые губы цвета спелой малины. Чудо как хороша! Есть ли здесь хоть кто-то, смотря на кого, я не буду испытывать зависти по поводу внешности? Почему в моей деревне все нормальные были, а здесь одни красавцы?! Стоп, есть же ещё монстр. Скосила на него взгляд, ожидая, что объяснит хоть что-то. Монстр, вероятно, решил, что с него хватит яду на сегодня и преспокойненько опустился в кресло, с которого я только что поднялась. Вилочку правильную по этикету взял и давай еду с аппетитом наяривать. Да чтоб он так мою еду ел! За уши же не оттянешь! Злобно уставилась на монстра, чувствуя дискомфорт от того, что стою совсем близко рядом со стулом. Тем временем, миловидная ледвижка, вообще непонятно каким образом передвигаясь в таком-то платье, подошла к столу, но остановилась на почтительном расстоянии, скромно потупив взгляд.

– Приятного аппетита, Хан Артал, – молвила с таким почтением, что съеденная мной еда чуть назад не попросилась.

Хан? Что означает Хан? Что-то знакомое... Точно, так же королей называют в Ледвиге! Стоп, если она назвала его ханом, а это место чем-то смахивает на замок хана, то... Ледвига пала, моя Анталта на очереди. Голова закружилась, пришлось схватиться за спинку стула, чтобы не упасть. Упс, это была не спинка стула, а плечо монстра. Убираю руку после того, как делаю вид, что пылинку оттуда смахивала. В отличие от ничего не значащей болтовни красавицы, на мою ошибку монстр сразу внимание обратил и вопроситель-

но приподнял бровь.

– Хатун, – обратилась непонятно к кому девушка, и, мне показалось, я узнала ее голос, – Вам понравилось платье, что я выбрала для Вас?

Нервно глянула вниз, как-то не до роскошной одежды мне было, здесь живой бы остаться. Немного натянуто киваю, стараясь скрыть свое недовольство обувью, которая больше на тапочки похожа. Сама незнакомка в таких же тапках, но не так богато расшитых. Что-то на служанку не похожа, кто она? Может она меня пытать будет? Хотя вряд ли, я ее с одного удара сломаю, если, конечно, монстр позволит. Почему она мне уже не нравится? Вон какие взгляды на монстра из-под длинных ресниц бросает.

– Хан приказал привести вас в порядок, я очень старалась, Хатун, – явно напрашивается на похвалу ледвижка под моим недоуменным взглядом.

Похоже, Маратик получил амнистию, даже неудобно как-то. Может перед ним извиниться? Хотя стоп, он – не моя подружка, а мужик, заместитель главнокомандующего монстра! Временами я словно забываю, где нахожусь и с кем. Хотя, зная вкусы монстра... Окинула незнакомку оценивающим взглядом вместо благодарности.

– А ты случаем не мужик? – поинтересовалась у нее.

Монстр медленно опустил вилку и обрушил на меня свой тяжелый взгляд. Он меня сейчас задушить готов, хотя вроде бы еще ничего оскорбительного не сказала. Знает ход мое-

го мышления наперед? Или я угадала? На несколько шагов отошла от стола, нервно косясь на монстра. На столе же нож до сих пор лежит, а я и не подумала его стащить! Так есть хотела, что об оружии не задумалась. Совсем сбрендила!

Незнакомка мелодично засмеялась, прикрыв рот рукой, так что стало почти совестно за мои прогулы уроков этикета.

– У Вас прекрасное чувство юмора, госпожа Хатун, – снова слегка поклонилась мне.

Интересно, это она так ответила на вопрос или банально выкрутилась? Когда люди так вежливо ведут себя, жди беды.

– Ты кто такая и почему называешь меня так? – настороженно спрашиваю у нее, не переставая коситься на внешне бесстрастного монстра.

– Госпожа не знает? – изобразила она удивление, как будто я все на свете должна знать. – Хатун – первая жена, а я Айгуль, вторая жена Хана. Рада, что вы наконец-то выздоровели, госпожа.

Вторая жена? ВТОРАЯ?! Я, конечно, знала, что у местного короля, хана по-ихнему, может быть до пяти жен, но при чем здесь монстр? Что ещё за Хан? Его так называют, потому что он завоевал Ледвигу? Но он же просто главнокомандующий, почему он Хан?

Все эти, вроде бы насущные вопросы остались без ответа, и тем более не могли дать разумного объяснения моим действиям. Опомнилась только, когда застыла над монстром с серебряным блюдом, полным морских деликатесов. Кажет-

ся, я собиралась высыпать это ему на голову, но вовремя спохватилась. Ещё как вовремя, он смотрит на меня, еле скрывающая ухмылку. Ну, конечно, ему весело, а мне... А мне как-то странно, я почему-то хочу прибить и его, и эту незнакомку. Почему? Из сострадания, что ли? Та ещё радость быть женой монстра, скорее, это плохо совместимо с жизнью.

Понимаю, что выгляжу сейчас комично, поэтому отхожу к другой части стола и сажусь за него, молча запихивая в себя морские деликатесы с подноса. Хоть попробую, я их никогда не ела. Светзара находится далеко от моря, максимум, что попадало нам на стол – речная рыба. Не очень комфортно жевать под его взглядом. Лицо аж чешется, но ляпнуть что-то в такой момент все равно, что признать, что я верю в бред с женьбой. Монстр касается рукой бокала, и его ВТОРАЯ жена наливает ему вина, словно прислуга. Ещё и улыбается так противно, будто ей плевать на его уродство. В ушах бешено бьётся сердце, делать вид, что мне все равно оказалось куда сложнее, чем я думала. Да и вообще: кому может быть плевать? Он же страшный и серый... фу! Да и целуется так себе, мне, конечно, не с кем особо сравнивать, но что-то сомневаюсь, что после обычных поцелуев видишь до жути реальные кошмары.

Монстр что-то сказал по-ледвижски, и Айгуль раскланялась передо мной, подхватила с комода бокал и налила мне их странного вина. Он точно не путает понятие второй жены и служанки? Спасибо, конечно, за вино, но последняя де-

густация иноземного алкоголя закончилась слишком неожиданно. Напрашивается вопрос, что собственно я здесь делаю, и почему еще жива, в конце концов? Есть всего лишь один вариант ответа на этот вопрос, и то вариант монстра. Меня он не очень устраивает: слишком постыдно быть хоть как-то связанной с сереньким.

– Слушай, – подзываю к себе Айгуль с довольной улыбкой, – а хочешь стать первой женой?

Даже подмигиваю обалдевшей от такой перспективы девушке. У нее плохо получается скрывать страх, опомнилась не сразу и поспешно опустила глаза. Мелодично засмеялась, выдавая мой вопрос за шутку, но монстр-то – не глупый мальчик, все заметил и понял.

– У вас превосходное чувство юмора, госпожа, – так же вежливо заявила девушка, – но я не смею и думать о таком.

– А ты подумай, подумай, – с улыбкой киваю, стараясь не смотреть на самого «мужа», – пока что койко-место в соседней камере вакантно, но кто его знает, может монстр гарем себе наберет? Тюрьма же не резиновая, всех баб монстра может и не вместить!

Вот зря я это сказала, сам монстр, вместо того чтобы разозлиться, засмеялся в голос, прикрыв рукой лицо. Я почему-то тоже улыбаюсь, скорее всего, из-за своей глупости, а Айгуль застыла с приоткрытым ртом, не зная, как себя вести в такой ситуации.

– Айгуль? – стараюсь сдержать улыбку, но получается с

натяжкой.

– Да? – все так же испуганно отвечает вторая жена монстра.

– А ты как его женой стала? Как все, или он в этот раз что-то новенькое придумал? – последнюю фразу произнесла с иронией, сложив руки под грудью.

– В смысле? – оторопело переспросила девушка.

– Ну, в смысле, ты тоже пыталась его убить, отвлекая поцелуем? Нет? Жаль, проверенная схема, не одна я использовала. Вдруг у тебя бы получилось?!

Слегка покачиваю головой, поджав губы, словно очень расстроена. В этот раз монстр надо мной не стал посмеиваться, наоборот, что-то рявкнул по-ледвижски, и вторая жена быстро смылась. Эй, мы так не договаривались! Не хочу оставаться с ним наедине! Когда так получается, обычно все заканчивается для меня плачевно.

Морепродукты уже не лезут, но лучше смотреть на них, чем наблюдать, как монстр поднимается и подходит ко мне, отодвигает соседний стул и садится рядом. У нас что семейные посиделки, что ли? Мы враги, что бы там он себе не надумал, ничего этого не изменит. Какое-то неприятное ощущение внутри, неопределенно дергаю плечами, но оно не уходит. Это все те скользкие штуки виноваты, гребешки, у меня от них, судя по всему, несварение. Точно, точно, это все морские гребешки! Оттого мне так сейчас плохо, ни от чего другого. Набираюсь смелости, понимая, что он ждет, когда

взгляну на него, потому молчит.

Черные глаза смотрят на меня как-то странно, без вражды или холода, но и без особой приязни. Опускаю взгляд и нервно стучу пальцами по столу, ожидая его вопроса. Это же допрос сейчас будет, да?

– Для простой деревенской девушки тебя как-то не особо впечатлили роскошь и излишества, – скорее не спрашивает, а резюмирует монстр, только потом интересуется. – Почему?

И что я, по его мнению, должна ответить на этот вопрос? Да и вообще, зачем мне отвечать? Рассказать, что ли, всю историю своей семьи? Что когда-то моя мать была дочерью графа, и меня ожидали в будущем балы и благополучное замужество, а не кухня и роль пожизненной няньки своим сестрам? Разве это имеет значение? Дедушка умер рано, его брат присвоил титул и выгнал мою мать вместе с отцом и мной из собственного дома. То время никогда не ассоциировалось у меня со счастливыми деньками, хотя я многого не понимала в том возрасте. Лишь одно врезалось мне в память: роскошь и деньги не делают тебя счастливым.

– Ты ответишь? – напомнил, что это допрос, монстр.

– Скажу так, – чувствую гнев от того, что меня заставляют отвечать, – в каждой девушке должна быть загадка. И эта – моя.

Ему не понравился мой ответ, на мгновение он скривился и сжал зубы так, что задрожали скулы. Сдерживается?

– А твой муж? Кто он? – спрашивает он со стальными нот-

ками в голосе, и я недоуменно поднимаю на него глаза.

В смысле «кто»? Ты же, чудило! Так хорошо, что я это вслух не ляпнула! На слабо, что ли, берет? Ну, на это я никогда не поведусь и не признаю его бред!

– Кто отец твоих детей? – уже не на шутку заводится монстр.

Детей? Каких ещё детей? А, он про сестренку моих, что ли?

– А тебе какое дело?

Вот теперь я точно его разозлила, ибо, зачем он потянулся к бедру, где обычно у него висит меч в ножнах? Хорошо, что он его где-то забыл, а то уже бы угрожать начал. Останавливаю желание спрятаться под стол от его ледяного взгляда, это в любом случае не поможет.

– У меня нет, и никогда не было мужа, – отвечаю, делая акцент на том, что его и сейчас нет.

– А дети? – не отстает монстр.

– А дети не только от брака появляются, не знал? – издеваюсь над ним, за что и получаю.

Он буквально секунду размышляет, а затем смотрит на меня как-то по-новому, словно я какая-то падшая женщина, не меньше. На мгновение мне захотелось возмутиться, но затем решила, не важно, что он там думает, я-то знаю правду. Ожидаю, когда он сменит тему на менее личную и по делу, но он решает, что этого мало.

– Ты его любила? – странный вопрос, но формулировка

ещё страннее.

В смысле любила? Я что сейчас любить кого-то не могу?! Да что он себе позволяет?!

– Не твоё дело! – стукнула рукой по столу, поднимаясь на ноги. – И вообще, зачем вызывал? Допрос устраивать? В тюрьме с крысами и то общаться приятнее!

От слишком решительного взгляда монстра становится не по себе, чисто инстинктивно подаюсь назад, но не успеваю. Он резко приподнимается со стула и хватает меня за руку, тянет на себя. Сваливаюсь на него, пытаюсь подняться с его колен, но у меня не получается. Одна его рука больно сжимает мои оба запястья, а вторая прижимает за талию, чтобы не могла подняться. Слишком близко, его дыхание обдаёт теплом лицо, пока я испуганно смотрю в бездонные черные глаза и снова вижу искорки в бескрайней темноте.

Не успеваю пикнуть, его прохладные губы касаются моих, и меня затягивает куда-то во тьму.

Глава 27. В темноте.

Запах странный, от него кружится голова, а затем я чувствую, как бешено, словно у загнанного зверя, стучит в груди сердце. Я и есть загнанный зверь. Листья бьют по лицу, не кричу от боли, хотя кожа на лице горит огнем. Мне надо бежать, просто бежать, иначе смерть. Я задыхаюсь, но все равно мчусь сквозь темные заросли леса. Чувствую под ногами вязкую землю и мелкие камешки вперемешку с жухлыми листьями. Ощущение странное, я будто бы снова бегу от монстров, но при этом я... легче? Легче, проворнее, сильнее, точно я и не я вовсе. Что я здесь делаю, от кого бегу и почему чувствую этот жуткий ужас? Мне страшно, я – загнанный зверь, бегающий в лесу от охотника.

Ветка больно ударяет по животу, нога подворачивается и скользит по мокрой земле. Я падаю, не издав и звука, даже стона. Молчу, когда качусь по склону и останавливаюсь, врезавшись в ствол дерева животом, так и не позволив себе ничего, кроме резкого вздоха. От боли кружится голова, в боку странно тянет. Судорожно дыша, отхожу от дерева с веткой, торчащей из живота. Сердце бешено стучит в висках, кроме него ничего не слышу. Зажимаю грязными руками рану возле ветки и впервые понимаю, что я – ребенок, и, судя по штанам и узким бедрам, мальчик лет двенадцати. Мальчик? Что за? Сжимаю зубы и рывком достаю из живота ветку. Откры-

ваю рот в немом крике, но так и не издаю ни звука громче своего сердцебиения. Зажимаю рану руками, но кровь хлещет через пальцы и не смывает грязь, потому что мои руки не грязные, они серые. Я маленький серенький мальчик. Это ещё одно видение, которое насылает на меня монстр? Точно, он же меня снова поцеловал! Какие же у него мерзкие поцелуи-то! И, главное, жестокие, я же полностью разделяю боль раненого мальчика из его видения!

Он ползет вниз, оставляя кровавый след по земле, с упрямством, на которое я вряд ли способна. Внизу большая лужа, скатываюсь в нее, судорожно дыша, и переворачиваюсь на спину. Холодная, скорее вода ледяная на короткий миг приносит облегчение, перед глазами листья и ветки деревьев, которые закрывают белоснежное небо без единого облачка. Несколько раз моргаю, зажимаю рукой живот и чувствую секундное разочарование и обреченность. Сердце продолжает биться в ушах, но не двигаюсь, точно чего-то жду. Станный звук, похожий на визг какого-то животного, раздается в лесу. Земля и вода в луже дрожит, что-то приближается, и чувство обреченности становится невыносимым. Кряхтя, сажусь из последних сил, рука вязнет в луже, когда встаю на четвереньки и медленно, еле удерживая равновесие, двигаюсь дальше.

– И-ха!!! – мужской крик, раздавшийся совсем рядом, заставляет вздрогнуть и остановиться, но слишком поздно.

Громадная змеиная голова ударяет в бок с такой силой,

что пролетаю несколько метров и падаю в сухую листву, лицом вниз. Наяна? Это же была она? Монстр показывает мне, как убивает детей?! Да как он...

Сжимаю грязь и траву в кулаки, резко сажусь и шиплю на громадную голову странной ящерицы. Это не Наяна, у этой золотистая чешуя, да и она больше немного. Ящерица шипит в ответ, а тот, кто сидит на ней в седле противно смеется. Он слезает с громадной ящерицы одним прыжком и достает длинный вытянутый клинок.

– Какой уже раз, маленький повелитель сбегает? – издевательски интересуется человек, точнее существо, которое я ненавижу.

Я ли? Моя ли ненависть горит ярким пламенем в сердце?

Огромный, куда больше человека, метра три ростом, плечистый рыжий мужчина, с длинной бородой, усами и с выбритыми висками, при этом остальные волосы завязаны в рыжую косу. На нем красные одежды, похожие на наряды сереньких, но при этом совсем другие, наплечники из золота и плащ из черной шкуры животного, похожего на Наяну. Но основное, что против воли привлекает внимание – бесчисленное количество шрамов по всему телу, которые он не прячет, а выставляет напоказ, словно предмет гордости, а не безобразный дефект. Мои руки дрожат от бессильной злобы, я совершенно ничего не могу сделать, вернее, мальчик не может ему сделать. Незнакомец стремительно выхватывает меч, а в следующее мгновение рассекает воздух возле моего

лица, и только тогда я впервые слышу голос мальчика. Он вскрикивает от боли и падает в лужу, хватаясь руками за лицо, которое буквально пылает болью наравне с животом.

– Это восьмая твоя попытка, такими темпами, маленький повелитель станет таким же монстром, как и мы, – рыжий великан заходится смехом.

Ящерица толкает мальчика и меня в его теле в лужу, из которой выныриваем, с трудом опираясь на руки. Вода в луже рябит, но через какое-то время успокаивается, и мы с мальчиком смотрим на свое отражение. Большой, ещё не заживший шрам пересекает все лицо и переносицу, рядом с ним на щеках и подбородке ещё несколько. Свежий, что красуется под глазом, залил кровью половину лица, и кровь уже капает в лужу. Монстр! Это и есть монстр! Даже шрам этот узнаю, эти черты, пухлые, пока что не изуродованные шрамом губы, которые дрожат от злости. Он ненавидит это отражение, и я ненавижу его тоже, всем сердцем.

– Ты для своих уже монстр, мальчик, – громадная рука поднимает на ноги почти безвольное тело мальчика, а затем кладет поперек ящерицы. – Посмотрим сколько тебе нужно попыток, чтобы это понять.

Большая пятерня проходит по коротко подстриженным волосам мальчишки, а затем хлопает того по спине. Рыжий великан садится на ящерицу и под ее визг все растворяется в темноте.

Прохладная рука нежно поглаживает мою шею, хотя по-

нятие нежности явно для него относительно. Мои запястья ноют после его недавних «ласк», хотя он больше не удерживает их. Наоборот, наши руки сцеплены в замок на моих коленях, и кожа будто покалывает на руках. Это какая-то магия? По телу идут мурашки, не могу набраться храбрости, чтобы открыть глаза и встретиться с реальностью. Его губы теплые и мягкие, он продолжает целовать меня, медленно и нежно. Удивительно, что в нем есть хоть что-то теплое и мягкое, он же... Он же само зло.

Уверенность возвращается ко мне, открываю глаза и встречаюсь взглядом с всплывающими в темноте искорками. Резко вырываюсь и сваливаюсь на пол, ноги не держат, они словно ватные. Щеки горят, сердце бешено стучит в ушах, и это странное чувство внизу живота... Это возбуждение, я слишком много книжек девичьих читала, чтобы не знать, что это. Лучше бы я не знала и ничего не читала втайне от отца, тогда бы не было так мерзко.

– Не смей! Не смей никогда прикасаться ко мне! – кричу в гнев, отползаю подальше от стола.

– Надо же, как-то раньше я такого от тебя не слышал, – насмешливо произносит главнокомандующий, по-прежнему оставаясь в своём кресле.

– В смысле? Я же...

Глотаю фразу, еле сдерживая злость, звучит так, как будто это я на него вешаюсь. Да как он смеет?! Чёрт! А я ведь вешалась, но не по своей воле, а потому, что жизнь застави-

ла! А поцелуи, его поцелуи – способ наказания, мы оба это знаем. Что я должна была сделать, умолять его не целовать меня? Какой в этом смысл?

Мне кажется, или я себя оправдываю? Со стороны все выглядит не более чем отмазкой, моя гордость вконец раздавлена. Это все он, мерзкий мон... Смотрю в это изуродованное лицо, невольно считаю шрамы, а перед глазами возникает отражение измученного мальчика. Это видение он наслал на меня, чтобы разжалобить? Да как он вообще на такое пошел? Как он так может? Даже если это и было на самом деле, почему я должна жалеть его? Он же мон... Чёрт! В бешенстве пинаю ногой стул и отвожу взгляд от его изуродованного лица. Не могу смотреть на него, вижу того забитого, но упрямого мальчишку.

– Что ты видела? – ледяным голосом грохочет главнокомандующий, внезапно поднимаясь, от чего стул упал на пол.

Опускаю взгляд, чувствуя, как от этого его голоса на спине выступил холодный пот. Поджимаю губы и делаю шаг назад, подальше от опасности.

– Я спросил: что ты видела? – повторяет он свой вопрос, в этот раз не только запугивая, но и хватая за руку, чтобы не убежала.

– А что видел ты, – делаю паузу, пытаюсь задушить жалость к этому существу, – монстр?

В дверь стучат, оборачиваюсь на звук, а затем вздрагиваю, слыша, как главнокомандующий приказывает подождать за

дверью на их языке. Я поняла эту фразу, каждый звук, как будто знаю этот язык с детства. Этого не было раньше, когда он позволил войти Айгуль, но сейчас я поняла, что он говорит. Почему? Опускаю взгляд на его руку на моем запястье, прокручиваю в голове детали из сна. Сначала я понимала, что они говорили с Маратиком так, словно всегда знала этот язык, но стоило главнокомандующему меня отпустить, и мои лингвистические способности пропали. Все дело в прикосновении? Благодаря ему я понимаю их язык, так это работает? До жути хочу проверить свою догадку, но слишком страшно раскрыться перед монстром. Возможно, это единственный мой козырь, нельзя, чтобы он узнал. Главнокомандующий будто бы читает мои мысли и убирает руку с моего запястья, делая шаг назад и вызывая моё замешательство.

С ужасом поднимаю на него глаза и теряюсь. Его глаза, они озарились светом, на короткое мгновение я там увидела в них что-то такое, от чего больно сжалось сердце.

– Я видел, как умерла твоя мать, – всё так же бесстрастно и безэмоционально ответил монстр, но я ему не поверила. – Мы обменялись воспоминаниями о прошлом.

Что за бред, как это возможно? Откуда он знает, что она умерла? Кто ему рассказал? Настасья? Это невозможно! Его слова, нет, не так, его ложь окунула в воспоминания, заставив вспомнить то, о чем хочется забыть. Белая простынь, красная кровь, тонкая, холодная рука мамы и плач новорож-

денного ребенка мелькают перед глазами. Отхожу назад, с трудом удерживая равновесие, чувствую, что вот-вот расплачусь. Нельзя, мне нельзя показывать свою слабость! Отворачиваюсь, крепко зажмуриваюсь, но горячие слезинки помимо воли стекают по щекам.

– А что видела ты? – повторяет он свой вопрос все тем же безжалостным голосом.

– Я ничего не видела, – рычу, потому что голос слегка охрип, – и ты ничего не видел, меняться воспоминаниями невозможно!

Его дыхание обожгло мое ухо всего за секунду, до того, как он насмешливым голосом произнес:

– «Теперь они твои дочери. Что бы ни случилось, ты должна думать в первую очередь о них, а не о себе».

Воспоминание затягивает в себя, как омут, и в моей голове эти слова говорит не самодовольный монстр, а мама, ослабевшим, но твердым голосом. Ее изможденное тяжелой беременностью и родами лицо было белым, как у мертвеца. Да она и была почти мертвой, ни одна повитуха не могла бы ее спасти с таким кровотечением, а врача звать было уже поздно. Жизнь угасала в ней, и на смертном одре, под религиозные завывания отца в другой комнате, мама переживала только о своих дочерях. В отце мама не видела опоры, ее вера в узы брака пошатнулась, когда он ничего не сделал, чтобы отвоевать наследство деда. С каждым годом и ребенком их отношения портились, они не ссорились, не скандалили,

а просто жили в разных реальностях. Потом, напиваясь, отец звал ее по имени, звал и плакал, говорил, что Софи была их последней надеждой. Надеждой, которой не суждено было сбыться.

Мама в последний раз коснулась свертка с маленькой Софи и навсегда закрыла глаза. Сестренка закричала, а старая повитуха оттащила меня от заляпанной кровью кровати. Она нагнулась ко мне и встряхнула, так что я перестала плакать и в испуге застыла.

«Ты слышала свою мать? Теперь ты в доме главная и должна смотреть за сестрами так, как бы это сделала твоя мать, и даже лучше. Так хотела твоя мать, а последнее желание умершего нужно исполнять».

Последнее желание умершего? Как иронично звучат теперь эти слова. Рука сама дернулась дать монстру пощёчину, но он отклонился всего на несколько сантиметров, а я потеряла равновесие и чуть ли не свалилась на пол снова. В последнее мгновение он схватил и прижал спиной к своей груди, сжав плечи в стальных объятиях.

– Твоя мать была чрезвычайно жестоким человеком, раз приказала тебе отдать свою жизнь на воспитание младших сестер. Ей стоило подумать о том, что ты тоже ее дочь и, по сути, ещё такой же ребенок, как и они.

Да что он знает о моей матери?! Кроме меня некому было смотреть за ними, никто бы не помог ни мне, ни моим маленьким сестрам. Мир жесток, а для детей без родителей

вдвойне, не такого будущего я желала для своих сестер. Отец был бесполезен и беспомощен, он ничем не мог нам помочь тогда, поэтому кроме меня некому было о нас позаботиться.

– Не смей так говорить о ней! Ты ее совсем не знал! – кричу, стараясь отдавить ему ноги или хотя бы локтем ударить. – У такого монстра, как ты, нет права обвинять кого-то в жестокости!

Слишком сильный, стоило ему немного распрямиться, и мои ноги уже не касаются пола. Чувствую его дыхание на шее и оголенном плече. По спине разбегаются мурашки, а сердце ускоряет темп. Моё тело как-то странно реагирует на эти «объятия». Вскрикиваю, когда во время нашей короткой потасовки чувствую, как его губы касаются поцелуем шеи возле уха. Дергаюсь сильнее, стараясь двинуть ему затылком по лицу, но вместо этого он удерживает за подбородок, чтобы откинулась затылком ему на плечо. Тяжело дышу, все ещё пытаюсь вырваться, но для него это не больше, чем сопротивление маленького котёнка. Его щека прижимается к моей, а в глаза лезут его длинные волосы, заставляя зажмуриться. Почему-то кажется, что сейчас произойдет что-то ужасное, но монстр словно в последнее мгновение передумал и лишь невесомо коснулся губами моего уха.

– Повтори ещё раз, – тихо шепчет мне на ухо, заставляя дрожать то ли от страха, то ли от своего постыдного состояния.

Не двигаюсь, пока его рука медленно спускается от шеи

к вороту платья и забирается под него, сжав то, что ему не принадлежит. Почему-то вот такого поворота от нашей «миллой» беседы с монстром я как-то не ожидала. Хотя он тот ещё бабник, как оказалось, так что буду считать, что для него это разновидность пытки.

– Назови меня монстром еще раз! – потребовал он.

– Монстр, монстр! Грязный извращенец! Насильник, урод, эгоистичный ублюдок, бабник! – кричу во все горло, чтобы и за дверью услышали, не стесняясь в эпитетах и оскорблениях.

Доходит до того, что он сам зажимает мне рот рукой, чтобы заткнулась, для этого убрав, наконец, конечность с деликатной части моего тела. Он отпустил меня как-то резко и неожиданно. Чудом не свалилась, скользя по полу в этих роскошных тапочках, но, всё ещё пребывая в эмоциональном порыве, схватилась за стул и попыталась ударить. Стул после ловкого маневра монстра с грохотом врезался в стену, а он схватил меня за руку.

– В следующий раз ты тысячу раз подумаешь, прежде чем смотреть на меня с жалостью, что бы ни увидела в моих воспоминаниях, – он отталкивает меня от себя так же внезапно, как и схватил, и добавляет ту странную фразу или слово, – *My Pe*.

Натыкаясь спиной на кого-то и с удивлением понимаю, что не заметила, как вошёл Маратик. Что-то в лесу сдохло, что ли, что он без стука появился? Или это на него Настасья

так влияет? Казалось бы, монстр сделал все, чтобы я не романтизировала сереньких, но Маратик как-то не тянет на такого же ублюдка, как его начальник. Может мне просто хочется надеяться на лучшее?

Заместитель главнокомандующего как-то неоднозначно обошел меня и преградил путь к монстру своей не очень внушительной спиной. Он заговорил на их языке, но я не поняла ни слова. Как же все-таки действует тот переводчик? С помощью касания? А с Маратиком оно действует так же? Что будет, если я его сейчас коснусь? Смогу понять, о чем они говорят? Серенькие продолжают о чем-то болтать и, судя по шипению и тону, они ругаются. Может, Маратик монстра ко мне ревновал, потому и в комнату влетел без спросу? Давлю очень неуместный смешок и едва заметно, по миллиметру приближаюсь к Маратику со спины. Ну и в каком месте мне его коснуться? Пальцы на руке аж подрагивают от напряжения. По идее это должен быть прямой телесный контакт, но в этой одежде у них не прикрыты лишь ладони и лицо, даже шею, и ту волосами закрыл. Может, если я только слегка, хоть одним пальцем коснусь ладони, то услышу, о чем они говорят? Ладно, была не была, подкралась к Маратику, но в последний момент дурацкий тапочек соскользнул с ноги и, чтобы не свалиться на пол, пришлось схватиться за руку Маратика двумя руками.

Чувствую себя очень глупо, ибо оба сереньких уставились на меня в недоумении, а оправданий своих действий, почему

продолжаю висеть на Маратике, пока не находится.

– Маратик, – издевательски-ласково улыбаюсь серенькому, – слушай, а ты случайно не женат?

Монстр резко шикнул, как и ожидалось, но я ничего не поняла. Похоже, переводчик работает исключительно с монстром. Мы с Маратиком поспешно друг от друга отскочили, однако он зло на меня уставился.

– Вы ничего такого не подумайте, у меня просто в голове не укладывается, как за таких, как вы, замуж выйти можно. Уж лучше жертвоприношение вашему богу, ей-богу! – горестно вздохнула, пятясь к двери./

– А, так ты поэтому с балкона сигануть захотела? – решил подколоть то ли меня, то ли монстра его заместитель.

– Нет, что ты, если я на такую глупость и решусь, то обязательно прихватчу с собой кого-нибудь из вас, – обаятельно улыбаюсь и подмигиваю монстру, – а лучше толкну первым, а сама останусь целой и невредимой.

– Вот ни капли в этом не сомневаюсь, – гробовым голосом согласился монстр, а затем обратился к заместителю. – Отведи ее обратно в камеру.

Маратик опустил голову в поклоне, а затем быстро вытолкнул меня в коридор к страже, а сам зачем-то остался. Огляделась по сторонам, стража на месте, все так же подглядывает на меня, и не она одна, за углом пытается спрятаться Айгуль, но у нее в этих ледвижских нарядах плохо получается. Скрипнула дверь, и явился чем-то недовольный заме-

стититель. Он смерил меня холодным взглядом и молча повернул налево, хотя я помню, что лестница в тюрьму в правой стороне. Это что я без эскорта дойти должна, сама, что ли? Ну ладно, направляюсь в нужную сторону, но меня останавливает стража.

– Пойдем, – остановившись посреди коридора, но не оборачиваясь, командует Маратик.

Кошусь на дверь, а затем на спину помощника. А вот это уже интересно, ещё один факт неповиновения приказам монстра. Моих губ касается легкая улыбка, когда мягко ступаю за заместителем, невольно выбирая его в качестве сторонника в дальнейших событиях.

Глава 28. Невеста при двух женах.

Тапочки скользят, пока я, мелко перебирая ногами по полу, пытаюсь не отставать от заместителя. Он словно проверяет можно ли мне доверять, шагая впереди и совсем не приглядывая, иду я за ним или нет. Руки то и дело чешутся приглубить его одним из роскошных горшков, но любопытство заставляет послушно идти следом. К тому же, бездумно бежать я уже пробовала, ничем хорошим это спонтанное решение не закончилось. Теперь ещё и Настасья в плен попала, я не могу оставить ее одну, она ведь меня не бросила, и я ее не брошу.

Он остановился перед роскошными дверями, такими же, как у главнокомандующего, с одной лишь разницей – охраны нет никакой. Какой Маратик все же беспечный, особенно после нашего последнего свидания. Сам открыл дверь, но не зашёл, кивнул, чтобы я заходила первой. Встала рядом, заглянула внутрь: роскошно обставленный кабинет и больше ничего опасного. Обменялась с сереньким злобным взглядом и вошла внутрь. Заместитель зашёл следом и закрыл дверь кабинета на ключ, что ничего хорошего для меня не значит.

– Присаживайся, – предложил он, указывая на роскошное кресло, а сам присел на стул за столом.

С опаской покосилась на серенького, но потом все же села, точнее чуть не повалилась на это шикарное кресло. После

тюфяка в подвале, это кресло – рай земной.

– Знаешь, Любава, никак не могу понять: ты действительно настолько глупа или виртуозно прикидываешься? – постарался задеть меня серенький, расслабленно откинувшись на спинку стула и сложив руки в замок на столе.

– Всего понемногу, – улыбаюсь, не желая откровенно нарываться, как раньше.

– Понемногу? – повторил за мной Маратик, почему-то быстро выпрямив спину и так сжав руки, что костяшки стали светло-серыми.

Кажется, бесполезное переливание из пустого в порожнее закончилось, и мы сейчас перейдем к сути. В отличие от серенького, расслабленно откидываюсь спиной на кресло и мило ему улыбаюсь.

– Любава, а ты вообще знаешь, из-за кого попала сюда? – интересуется он у меня таким тоном, как будто ответ содержится в самом вопросе.

– Из-за вас, конечно, вы же напали на мою родину, –жимаю плечами с простоватой улыбкой.

Маратик тоже неожиданно улыбнулся, заставляя меня на мгновение забыть, кто он такой, и залюбоваться на сию красоту. Действительно, слишком красив, чтобы почувствовать себя ущербной на его фоне. Приглаживаю вылезшие из косы волосы, но все равно чувствую зависть.

– Действительно, понемногу, – кивает с улыбкой заместитель, а затем внезапно становится серьезным. – А фамилия

Ферер тебе ни о чем не говорит?

– Кто? – удивленно приподнимаю брови, чтобы затем недоверчиво прищуриться. – Без понятия о ком ты, можешь уже к сути перейти?

Маратик хмыкает с усмешкой, мол, ни капли мне не верит.

– Для опытной шпионки ты уж больно несообразительная, – недовольно мотает головой. – Мы с самого начала знали, что ты – подосланная шпионка Ферером. Не скажу, что играла ты деревенщину убедительно, скорее переигрывала все время. Деревенские девушки скромные и так вызывающе себя не ведут.

Опытная шпионка? Я? Уже после первой фразы невольно начали вырываться смешки, к концу хохотала во весь голос до боли в животе.

– Я же говорю, жутко переигрываешь, – недовольно надулся серенький.

– Ну, допустим, – все ещё посмеиваясь, пытаюсь говорить серьёзно, – я такой опытный-опытный шпион, и что с того? Доказательства есть, ну кроме того, что я планы украдала?

Маратик вздохнул с улыбкой и расслабленно откинулся на спинку кресла, изучающе пройдясь по мне взглядом. Тишина как-то затянулась, держать беззаботное выражение лица сложно, учитывая, что сгораю от любопытства узнать, откуда ему известен Ферер.

– Этот маг, которая пришла за тобой, кто она? Какая ее

роль? – стал серьёзным заместитель.

– Какое это имеет значение? – внимательно слежу за его мимикой и жестами, стараясь понять природу его вопроса.

– От твоего ответа зависит, останется она жива или нет, – нагнал пафоса заместитель.

Бровки сдвинул, подбородок задрал, ни дать ни взять – вершитель судеб, но при этом сдает себя с головой, нервно постукивая пальцем по столу.

– Может, ты ей тоже придумашь роль, как и мне? Или на просто опытную шпионку Настасья не тянет? – издеваюсь, пристально наблюдая, как удивленно приподнимаются бровки нашего красавца, и разглаживается морщинка на переносице.

– Ее зовут Настасья? – воскликнул он так естественно, что мне захотелось прикусить свой язык.

Они у нее даже имени выудить не смогли, а я так глупо выдала, возможно, важную информацию? Ох, действительно, умом не блистаю. Бедная Настасья, как бы ей боком мой трёп не вышел. Выпрямляю спину, разом избавляясь от напускного веселья.

– Давай к сути перейдем, ты же не просто так меня сюда притащил, не мою же подругу и интеллект обсудить? – выжидающе наклоняюсь вперед, показывая, что готова к серьезной части разговора.

– У тебя засос возле уха, вот здесь, – растерянно и очень неуместно поведал мне sereneкий, показывая на себе, где

именно у меня кровоподтек.

Зачем он вообще мне об этом сказал? Чертов монстр, когда только успел?! Раздраженно выдергиваю волосы из косы, чтобы прикрыть это непотребство, а затем натягиваю вежливо-ожидающую улыбку и сверлю взглядом заместителя.

– Любава, – наклонился он вперед, как и я, тщательно подбирая слова, – ты ведь понимаешь, что я спас тебе жизнь?

Хлопаю ресницами, тщательно пытаюсь понять, о чем он говорит, но в итоге недоверчиво приподнимаю одну бровь, ухмыльнувшись. Серенький недовольно скривился, и, похоже, решил зайти с другой стороны.

– Как у вас заключают браки? – с тяжким вздохом задает очередной вопрос Маратик.

– Это ты мне так делаешь предложение? – ерничаю с легкой улыбкой.

– Только через мой труп, – мрачно пообещал серенький, а снова выжидаяще на меня уставился. – Ну, так как?

Чувствую некий повтор ситуации, когда отвечаю ему:

– Жрец, ритуал и два «да» от жениха и невесты.

– Наши брачные традиции очень похожи, у нас почти так же, за исключением нескольких деталей, – поучительно заговорил серенький, явно пытаюсь на что-то мне намекнуть.

Прошла секунда, минута вторая, и я резко подскочила со своего кресла, горя гневом.

– Я так и знала! – воскликнула, ища взглядом дверь и выход, чтобы пойти и поставить лживого монстра на место.

– Стоять! – рывкнул заместитель очень похоже на своего начальника. – Я не договорил, есть исключения, и ваша ситуация с Арталом как раз относится к ним.

– Какая ещё ситуация?! – упираюсь руками о стол серенького, нависая над ним.

Он молча начал расстёгивать ворот своей сутаны, чем невольно заставил начать озираться в поисках средства обороны или метательного снаряда для его башки, пока не достал оттуда цепочку со странной подвеской. Он положил ее на стол, так, чтобы я ее рассмотрела, и немного отстранился, взирая на предмет с некой печалью. Подвеска в виде маленького меча, похожа на ту, которой я пырнула монстра в шею.

– Это...

– Это моя, – поправляет меня сразу же серенький, все так же задумчиво ее осматривая. – Этой вещью ты пыталась ранить мон... Артала?

– В смысле «пыталась»? – на автомате гордо отвечаю ему, чувствуя странную потребность коснуться этой вещи. – Я его ранила!

– Лучше бы твоя попытка не увенчалась успехом, – устало вздыхает Маратик. – Одна из частей нашего брачного ритуала заключается в том, что молодожены этой Гардой ранят себя, чтобы смешать кровь и так скрепить союз. После этого Гарда навсегда исчезает, этим показывая, что брак заключен раз и навсегда. Второй попытки не будет.

Второй попытки не будет? Да о чём он здесь заливает, а

Айгуль тогда кто? Что за бред?! Ударяю ладонью по столу серенького, все ещё угрожающе нависая над ним.

– Может, перейдешь к сути? Зачем ты мне все это рассказываешь? – шиплю на него сквозь зубы.

– Это и есть суть, Любава. Ты не можешь больше отрицать очевидное, от этого зависит твоя жизнь, пойми же это! – тоже несколько повысил на меня голос Маратик.

– Моя жизнь, серьёзно?! – наигранно смеюсь. – Он и тебе приказал поддерживать его бредни?

– Нет, такого приказа от него я не получал, – совершенно спокойно отреагировал серенький. – Можешь считать этот разговор проявлением жалости и участия к тебе, все-таки уровень твоего интеллекта не позволяет тебе рассуждать здраво.

Он намеренно выводит меня из себя, но зачем? Что он задумал? В любом случае он, похоже...

– Хочешь, чтобы я просто взяла и поверила в бред вашего монстра? Мне что ещё и прислуживать ему, как та ледвижская девчонка? Может быть я и деревенщина, Марат, но точно не наивная, меня вам вокруг пальца не обвести!

Складываю руки под грудь, чувствуя, как от гнева начинает закипать кровь в венах.

– Ты почему-то не хочешь принять тот факт, что твой муж поработитель твоего народа! – высокомерно и иронично подмечает серенький, чем бесит ещё больше.

– ОН – НЕ МОЙ МУЖ!!! – кричу во все горло, ещё раз

со всей дури долбанула по столу, и срываюсь на крик боли.

Ладонь заливается кровью и как будто горит огнем, знакомое ощущение. Что меня так ранило? Снова та подвеска? Почему они такие острые? Какого чёрта они так открыто носят такие опасные штуки?! На сей раз ладонь рассекло по вертикали, кровь заливает рукав платья, пока в панике ищу что-нибудь, чем можно зажать рану. Серенький, что интересно, совсем не помогает унять кровотечение, растерянно шарит руками по своему столу, точно потерял что-то.

– Где Гарда? Любава, где Гарда?! – заполошно воскликнул заместитель и стремительно метнулся ко мне, схватил за плечи и стал трясти, надеясь, видимо, вытрясти из меня ответ. – Куда ты ее дела?

– Ты что совсем придурок?! – кричу на него в ответ, с ужасом смотря на красную от крови ладонь. – Я тут кровью истекаю!

– Это ты – дура! Как ты могла пораниться, всего лишь ударив по столу рукой?! – кричит он на меня, больно сжимая за плечи, а затем неожиданно замолкает, словно что-то понял.

Выхватывает мою руку, раскрывает раненую ладонь и с выдохом сереет ещё больше. Вижу на его лице такой неподдельный ужас и панику, что эти эмоции передаются мне, и я в смятении смотрю на свою руку.

– Я что от этого умру? – вздрагиваю, нервно покусывая губы.

– Хуже, – отвечает слабым голосом Маратик, – это я сей-

час умру. Твой ревнивый монстр снесет мне голову, как и обещал раньше. Если тогда он всего-навсего запретил к тебе прикасаться, то теперь он ещё и пытаться меня будет перед смертью.

– За что он тебе голову снесет? Откуда он вообще об этом узнает? – настороженно реагирую на его неожиданную истерику.

– Да как ты не понимаешь? Вы связаны, я вас связал! Думаешь, почему он бросился за тобой в пылающее поле? От безграничной любви с первого взгляда? Приди в себя, монстр не умеет любить! Ты жива исключительно потому, что я пожалел тебя и не закончил ритуал! Вы теперь связаны, и если ты чувствуешь – он тоже почувствует!

От обилия информации и нервной реакции Маратика захотелось вlepить ему пощечину, но, увы, моя рабочая рука не в том состоянии, а левой получилось бы слишком слабо. Но едва я собралась привести Маратика в чувство, дверь в кабинет, исполосованная двумя ударами длинного меча, развалилась, образуя проход для самого настоящего исчадия ада. Кожа покрылась мурашками, и паническое состояние Маратика перестало казаться надуманным. Тем временем заместитель отпрянул от меня, как от заразы, не отводя взгляда от монстра, а поглядеть там было на что.

– О-па, меч свой нашёл, – лягнула невпопад, когда монстр вошел в комнату, в которой сразу стало как-то очень тесно.

Клинок скользнул по полу, разрезая дорогой ковер, слов-

но масло, и оставляя глубокие борозды на каменном полу.

– Му Ре, – прогрохотал Артал Устрашающий, как никогда соответствующий своему имени.

Это же он не ко мне обращается, да? Судя по его тону, сейчас здесь будут реки крови. Прижимая окровавленную ладонь к груди, безбожно пачкая дорогое платье, и замечаю, как сильно сжимает монстр рукоять и от его ладони по острию меча стекает кровь на ковер.

Чувствую себя как в том анекдоте о жене и любовнику, которых застал муж в самый разгар веселья. Вот только почему-то я не уверена в своём амплуа, у меня роль неверной жены или любовницы? Пора делать ноги, а серенькие пусть сами меж собой разбираются со своими ролями.

– Что здесь происходит? – рявкнул монстр так, что я невольно задрожала всем телом.

– Главнокомандующий, я могу все объяснить, – начал было оправдываться серенький куда смелее, чем ожидалось от него после недавней истерики.

А была ли вообще истерика, или как с картами, это был умышленный сброс лживой информации? Все эти шпионские игры с двойным и даже тройным дном уже в печёнках сидят. Кажется, что все, кто меня окружают, имеют какой-то тайный план и что-то скрывают. Как вообще так жить можно?

– Я отдал тебе приказ, – со стальными нотками в голосе перебил своего подчинённого главнокомандующий. – Поче-

му она здесь?

Если бы я знала, почему я здесь? Увы, это один Маратик знает, и пока раскрывать свои карты он не намерен. Пауза после этого вопроса несколько затянулась, все больше усиливая дрожь в коленках под взглядом монстра.

– Ну, я это, пойду, – опустила взгляд в пол, как Айгуль раньше, и попыталась протиснуться к выходу, бормоча глупости. – Мне срочно в камеру надо, крыс и клопов кормить.

На сгибающихся ногах неуклюже продвигаюсь мимо монстра, смотря исключительно себе под ноги. Только бы не поскользнуться в этих чертовых тапочках! Вот уже до кончика меча дошла, с которого капли крови стекают прямо на роскошный ковер. Кровь струится и по рукояти, прямо из покрытой шрамами руки. Он ранен? От удивления аж останавливаюсь, без всякого сомнения, на правой ладони монстра кровоточит рана, прямо как у меня. Главнокомандующий, заметив мой взгляд, сжимает рукоять меча сильнее, и кровавый ручеек, бегущий по лезвию, становится шире. На мгновение мне показалось, что я чувствую боль от этого движения, пока не поняла, что сама сжала руку в кулак. Зачем я это сделала?

«Вы связаны, я вас связал! Думаешь, почему он бросился за тобой в пылающее поле? От безграничной любви с первого взгляда? Приди в себя, монстр не умеет любить! Ты жива исключительно потому, что я пожалел тебя и не закончил ритуал! Вы теперь связаны, и если ты чувствуешь – он тоже

чувствует!» – грохочут в голове слова Маратика раз за разом, заставляя поднять на монстра глаза.

Заместитель сказал, что не закончил ритуал, пожалел меня. Что это значит? Его не было там, когда я сорвала с монстра серьгу и вонзила ее ему в шею. Его не было там, когда монстр впервые сказал, что теперь не может убить меня, потому что я его жена. Тогда о каком ритуале идет речь?

– Му Ре? – вырвал из раздумий оклик монстра.

Интонация этих слов привела в себя, ибо это не было похоже на зловещую угрозу, скорее на беспокойство. Встретилась взглядом с ним и снова увидела в изуродованном тирани испуганного мальчишку. Поспешно опускаю глаза в пол, подавляя в себе то чувство, которое не должна испытывать ни к одному завоевателю. Чувство, с которым он запретил мне смотреть на него. Взгляд цепляется за руку с мечом, в груди что-то неприятно сжимается.

Сосредоточься, Любава! Склонила голову в низком, почти услужливом поклоне, словно ещё одна его служанка и немедленно направилась к выходу. Дойти до порога мне не дали, меч тихо упал на ковёр, а мою израненную руку схватили за запястье и потянули вверх. Он разжал мою ладонь, грубо, причиняя боль, так что я вскрикнула.

– Маратси! – взревел главнокомандующий на своего подчинённого, рассмотрев мою ладонь. – Зачем ты это сделал?

Что он там такого увидел? Хорошо хоть по-прежнему понимаю, что он говорит, потому как вопил монстр на своём

языке. От боли даже слёзы на глазах выступили, но хуже всего то, что он не отпускает мою руку, не предоставляя ни шанса сбежать. Его окровавленная ладонь съехала с запястья на ладонь и сжала ее, невольно скрестив наши пальцы. В первое мгновение от таких рукопожатий захотелось кричать, но затем боль ушла, оставив после себя неприятное саднящее ощущение. Зажал так, что не могу повернуться и посмотреть на Маратика. Как будто специально не позволяет смотреть на него. Опять ревность, или я фантазирую?

– Она сама, я ничего не делал, – спокойно ответил ему заместитель, буквально поражая меня своей сдержанностью.

– То есть, моя жена сама взяла твою Гарду и проткнула свою руку? – прохладно поинтересовался монстр, на мгновение сильнее сжав мою ладонь.

Моя жена... Звучит как «Нари Ре» – это и означает моя жена. Тогда что означает «Му Ре»? Почему он так называет меня?

– Случайность, – хладнокровно соврал Маратик, а затем повел себя куда жестче, чем я от него ожидала. – Человеческая девчонка разозлилась, когда я назвал тебя ее мужем, и начала махать руками. Я как-то тоже не ожидал от нее такой глупости.

– Маратси, – монстр сделал шаг вперед, невольно потянув меня за собой, – даже без отметины, она – все ещё моя жена.

От двусмысленности фразы монстра засвербило в затылке. Совершенно не понятно, что больше выводит из себя:

непоколебимость его «Нари Ре» или то, что эта фраза – отличный способ разозлить Маратика.

– Об этом в курсе только мы, отец об этом и не догадывается, – как-то очень пафосно, словно выкладывая некий козырь, заговорил заместитель. И добавил: – А, зная тебя, он не узнает никогда.

Отец? Чей отец? Жалею, что не могу развернуться и посмотреть на самодовольную рожу Маратика. Ни капли не сомневаюсь, что она именно такая, ибо монстр разозлился и сжал мою руку так, что кости захрустели. Сломает, точно же ломает! Сдавленно кряхчу, стараясь привлечь к себе внимание, но не сильно. Вонзаю ногти в руку монстра в отместку, он не замечает. Если влезу в их разговор, то мало того, что ничего не узнаю, ещё и монстр разозлится и точно руку мне ломает. Обреченно прижалась лбом к его плечу, еле слышно выдохнув, и это подействовало, он слегка расслабил руку, немного освобождая мою конечность. Ух, кажется, целла, пальцами шевелить могу!

– В любом случае есть ещё та ледвижская девочка, – как-то неожиданно спокойно ответил ему монстр.

– Та маленькая гаргунзи? Основной план стал запасным, да? – насмешливо фыркнул Маратик, судя по скрипу стула, спокойно присаживаясь за стол.

Как-то их разговор не совсем похож на то, что рисовал мне Маратик недавно. Монстр слишком спокоен, по сравнению с тем, каким разъяренным он ворвался сюда. Что его

успокоило? Не я же, в самом деле?!

– Жаль, отец гаргунзи на коленях умолял тебя взять её в жёны. Теперь ему точно не вернуть власть, даже через внуков. Жена, которая безумно боится взглянуть на тебя без шлема, не соперница той, что так спокойно к тебе прижимается.

Нарочито безмятежный и светский тон Маратика немного расслабил, но на последней фразе заставил резко выпрямиться. Он как будто именно ко мне обращался, пристыдил за то, что так легко подпустила к себе монстра. Чувствую на себе взгляды сереньких, потому опускаю взгляд в пол и натужно вздыхаю, будто ничего не понимаю и просто жду, пока они поговорят.

– Ну, так можно мне уже идти? – раздраженно интересуюсь у монстра, все ещё избегая его взгляда.

– Арталси, а ты не боишься, что она все поймет? – заговорил все ещё на их языке Маратик.

– Понять может лишь тот, кто этого хочет, а она не хочет, – монстр отпустил мою руку после долгого, испытывающего взгляда и поднял меч с пола, убирая его в ножны.

Это что мне идти можно? А как же подслушать? Они же только начали о самом интересном говорить, а тут я сама все испортила. Заторможено оглядываюсь на Маратика, тот и правда сидит за столом, но не выглядит так уж уверенно, как когда говорил с монстром. Что-что, а блеф я могу различить, не зря в деревне в карты все время выигрывала у пар-

ней. Потом проигранные ими шмотки продавала на ярмарке за бесценок, почему-то играть со мной они соглашались исключительно на раздевание. Мальчики, что с них взять?! Вот и серенькие – тоже мальчики, правда, немного повзрослевшие, страдающие нездоровым оттенком кожи и выросшим до размеров пшеничного поля самомнением.

Если сейчас уйду, то больше ничего не узнаю, а адекватной причины для того, чтобы остаться, тоже как-то не находится. Монстр смотрит на Маратика, недовольно сжимая израненной рукой рукоять меча. Такое впечатление, что я этим двоим мешаю, а это почему-то задевает мою гордость.

– Ну, что пошли? – вопросительно взираю то на одного серенького, то на другого.

Если я не могу остаться здесь и подслушать, то и им поговорить не дам.

Кандидатура Маратика как-то сразу отпала, мало ли как он снова попытается мне навредить? У монстра же наоборот, рука ранена, вдруг он меня к целителю отведет для разнообразия? Жаль только, серенькие мой вопрос проигнорировали, слишком заняты были шипением друг на друга. Ладно, попробуем по-другому. Хватать за руку монстра не стала, слова Маратика до сих пор давят на мозг и вызывают желание убиться о стену. Осторожно переступаю через обломки разрубленной двери, на пороге оглядываюсь назад, мужчины все ещё шипят друг на друга. Вот же тихие у них семейные скандалы, на их языке голос не сорвешь, ругаясь матом.

Так, пора делать ноги из этой страны и от сереньких монстров в частности. Думаю, Настасья поддержит моё желание. Ещё раз с опаской оглянулась на кабинет, а затем вспомнила в какой стороне апартаменты монстра и тюрьма, собственно. Дошла до конца коридора на цыпочках и заглянула за угол. Двое стражников стоят в коридоре, мимо них незамеченной не пройдёшь. Как-то сомневаюсь, что после всех моих выходов кто-то поверит, что меня отпустили прогуляться в одиночестве по замку. Возможно, есть какой-нибудь другой способ в обход стражи попасть к Настасье. Тихо иду обратно и с опаской прижимаюсь к стенке, заглядывая в кабинет. Чуть не выдала себя свистом, когда увидела, что монстр раненной рукой удерживает Маратика за горло. Ничего себе, разговор, видимо, зашел куда-то не туда. Мне как бы и идти надо, и заместителя чуток жалко, а чуток и не жалко, слишком он тип мутный. Снимаю с ног тапочки и, прицелившись, запускаю одну туфлю прямо в спину главнокомандующего. Как-то я немного переоценила свою меткость, тапочек угодил в гардину немного выше головы Маратика. Монстр повернул голову в мою сторону, и второй тапок прилетел прямо в цель – в его перекошенную от злости рожу. Вот теперь точно пора делать ноги!

Бежать босиком с задранной почти до бедер юбкой оказалось куда удобнее, чем я думала, даже если учитывать, что я не знаю, куда меня несёт. Перед глазами мелькают коридоры, двери, мне же нужна лестница вниз, которую, как оказа-

лось, не так-то просто найти. В ушах бешено бьётся сердце и колет в боку. Небольшая кривая лестница для слуг внезапно обнаружилась за одним из поворотов, в который я с трудом вписалась на полной скорости и едва не убилась потом, пока спускалась по ней. Потому, когда оказалась в толпе слуг и стражи чуть не выдала себя с головой своим заполошным видом, благо они ни на меня, ни на лестницу не смотрели. Взгляды были прикованы к парадному входу и распахнутым дверям. С улицы доносится шум и звуки какого-то странного музыкального инструмента. Держусь ближе к стене, медленно продвигаясь подальше от толпы, но людей слишком много. Женщины шепчутся на ледвижском, на их лицах восторг. Музыка становится громче, явно приближаясь к дворцу, мне же надо пройти через коридор с несколькими стражниками, а дальше до входа в подземелье рукой подать. Да что там такое происходит? Музыка замолкает, и все внезапно падают на колени, и я наконец-то могу увидеть причину переполоха.

«Ангелы», – возникла первая ассоциация от увиденного. Несколько длинноволосых сереньких в долгополых, расширенных золотом нарядах словно плыли по воздуху. В жизни не видела никого красивее, застыла от открывшегося зрелища, забыв про конспирацию. Когда же вспомнила, уже было не до нее. За тремя самыми красивыми мужчинами, что я видела в жизни, шла женщина с длинными рыжими волосами в алом наряде, чем-то похожим на их мужские одежды. Вот ее я узнала сразу.

Какого лешего она ещё жива?! Вот в чём-чём, а в том, что монстр все-таки убил эту рыжую гадину, я была уверена! Да кто она такая, черт бы ее побрал?! На мгновение я поймала ее взгляд, но в тот же миг всю делегацию загородила толпа слуг и стражников. Пригнувшись, повернула в пустой коридор и уже почти добралась до двери в подвал, как меня схватили за руку и затащили в какую-то каморку. В нос ударил затхлый запах, из-за резко наступившей темноты ничего не видно, зато другие чувства обострились.

От него пахнет пловом, оружейной смазкой и кровью. В темноте, если забыть, как он выглядит, то не кажется монстром, скорее обычным мужиком, закрывшем меня с собой в кладовой со швабрами. Беру свои слова обратно, никакой он не обычный мужик! Пытаюсь отодрать его руку со своего рта, который он зажал, то ли желая задушить, то ли заткнуть. Вторая его рука также двусмысленно сжимает моё бедро. Колено упирается в дверь за моей спиной между моими ногами, невольно неприлично задрал мою юбку. В такой ситуации только один повод для радости – никто не видит моего красного лица.

Убираю его руку далеко не сразу, в коридоре слышен шум, но биение собственного сердца куда громче. Понимаю, что он наклонился ко мне раньше, чем хочется себе в этом признаться. Ожидаю, что сразу за поцелуем последует неизбежное наказание: какое-нибудь ужасное видение или ещё что похуже, но спасительной пропасти нет. Просто поцелуй, от

которого саднят губы, и подкашиваются ноги. Так, наверное, даже хуже, ненавидеть себя за то, что твоему собственному телу приятно. Я должна сопротивляться, но мои слабые поползновения заставляют его лишь усилить напор. Дверь за скрипела, когда после моей попытки дать ему пощечину, он, поймав моё запястье, забросил мою правую ногу себе на бедро. К горлу подступила паника, а монстр спокойно заставил опустить руку. Наши руки снова сцепились в замок, и боль от пореза почти исчезла. Мне показалось, что при соприкосновении мы уменьшаем боль друг друга. Странная мысль, но учитывая, какой туман в голове, удивительно, что я вообще способна мыслить.

Ещё недавно я не верила, когда девчонки в деревне рассказывали, как теряется рассудок от возбуждения. Любава, приди в себя, ну хоть немножко.

«Нет, нет, нет!» – шепчу ему в губы, пока его рука медленно двигается по внешней стороне моего бедра под платьем. Знаю, что не смогу ее убрать, потому хватаю его за волосы и, что есть силы, дергаю, вместе с этим кусая его губы. То ли несильно прикусила, то ли такие игры ему понравились, но наш поцелуй становится глубже и приобретает вкус крови. Раздвоенный язык хозяйничает в моем рту, а большая рука монстра сжимает мое полупопие, напоминая, кто кому здесь принадлежит. Именно в этот момент, будто всего происходящего в камерке мне было мало, из-за двери доносится разговор двух сереньких на их языке.

– Видел ее? – небрежным и явно неуважительным тоном спросил один из них у другого.

– Конечно, видел, такая гордая, словно она – всё ещё единственная претендентка, – хохотнул второй где-то совсем близко.

– С такой невестой становится понятно, почему наш Монстр сразу двух жен завел, – смеется один из мужчин, – может хоть одна выживет, когда Усала узнает, что не бывать ей следующей повелительницей.

– А если обе не выживут? – поинтересовался другой.

– Хоть одна точно выживет, говорят, Монстр уже выбрал, кого отдаст на растерзание Рыжей Змее. Так что скоро вернемся домой, и я возьму себе в жёны симпатичную ледвижку, но точно не рыжую!

Серенькие засмеялись, однако нам с монстром стало не до смеха. Зрение привыкло к темноте, я вижу черты его лица и черные глаза, в которых на самом деле горят искорки. Мы уже не целуемся, хотя наши губы прижаты, а его руки замерли там, где и находились до этого. Он сообразил, что мне понятно, о чём они говорят. Я поняла, кого отдадут на растерзание ночной гостье.

Глава 29. Вернуться домой.

Его дыхание обжигает кожу на лице. Сердце медленно успокаивается, словно я отдыхаю после бега. Отворачиваю голову в сторону и опускаю взгляд, чувствуя что-то странное. С одной стороны, я чертовски зла, с другой растеряна и мне жутко стыдно. Его рука отпускает мою пятую точку, и моя нога соскальзывает с его бедра, только руки мы не расцепляем... пока что.

Он заговорил первым, обвинительным и оскорбленным тоном:

– И как давно ты знаешь мой язык? Или ты все время знала?!

И это он, монстр, искренне считает, что имеет право сейчас возмущаться? Понимаю их, видите ли! Вот же трагедия и предательство! А то, что он делает, тогда как называется?!

– А ты что решил воспользоваться мной, прежде подарить Рыжей Змее на растерзание?

Вырываю правую руку, чтобы от всей души вlepить ему пощечину. Он не увернулся, лишь прошипел что-то на своём языке, чем ещё больше взбесил.

– Не шипи на меня, чертов монстр! – вскрикиваю, но слишком громко, нас услышали.

Монстр потянул ко мне руки, его взгляд не сулил ничего хорошего, ещё немного и он бы дотянулся до моей шеи, но

дверь за моей спиной выломали раньше. Стража закричала что-то, но из подсобного помещения прямо им в руки вывалилась я.

Ошалевшие от свалившегося на них счастья стражники едва не побелели, когда следом за моей тушкой из каморки вышел монстр, а за ним и на него с грохотом посыпались ведра и начали падать швабры. Главнокомандующий рывкнул на них, сбрасывая с себя пыль и тряпки. Меня поспешно поставили на ноги и отступили на несколько шагов подальше.

– Нам нужно поговорить, наедине, – говорит он с металлическими нотками в голосе.

Это не просьба, а приказ и констатация факта. Нам нужно поговорить, но не наедине, не там, где есть риск повторения произошедшего в этой каморке. Моё тело совсем не слушается меня, когда он рядом и целует. Делаю несколько шагов назад, там сзади вход в тюрьму, всего несколько шагов не дошла. Стражники сейчас уйдут, и спасения не будет.

– Нам не о чем разговаривать, – плююсь словами, не сводя с него разгневанного взгляда.

– Му Ре! – он требовательно рычит, словно это может меня образумить.

– Не называй меня так! – кричу на него в ответ.

Делает шаг ко мне и останавливается, протянув ко мне руку. Сердце подсказывает, что в этом жесте есть какой-то двойной, непонятный мне смысл, и я смотрю на его руку нерешительно.

– Артал! – зовёт монстра все ещё живой Маратик с перепуганным лицом.

Главнокомандующий зло рыкнул на него что-то.

«Не додушил», – озвучивает мой внезапно проснувшийся внутренний переводчик опечаленным голосом.

Заместитель на удивление нормально себя чувствует после стычки в кабинете, наверное, душить друг друга у них в рамках нормального общения. Дикари, что с них взять-то? Вот не надо было спасать этого серенького, тогда точно бы сбежала.

– Артал! Отец и Усала ждут! – упрямо отвлекает Маратик, и в этот раз монстр опускает протянутую руку.

Что-то неприятно сдавливают грудь от этого жеста, куда меньше, чем от приказа схватить меня и закрыть в камере. Я смотрю на него, пока два стражника подхватывают меня под руки и тащат босоногую по ступеням вниз к дверям в тюрьму. Когда дверь почти закрывается, в бешенстве кричу:
– МОНСТР!!!

Меня оттащили к той же камере и втолкнули в нее. Я не упиралась, пребывая в слегка неадекватном состоянии. Стоило им уйти, опустилась на лежак и закрыла руками глаза.

– Любава! – испуганно зазвенела кандалами Настасья. – Любава, с тобой все в порядке?

Не отвечаю, чувствуя бессильную злобу. Мне надо какое-то время, чтобы со всем справиться и обдумать.

– Дай мне немного времени, – сипло прошу, стирая непро-

шенные злые слёзы.

«Ты опозорила свою мать, снова!» – так сказал бы отец, узнав обо всем, что я здесь творю. Но он не узнает, о моём позоре узнать никому не суждено, кроме разве что Настасьи, ей придется рассказать. Не всю правду, конечно, нет, только то, что позволит ей не усомниться в том, что мы все ещё на одной стороне. Сейчас подберу нужные слова, объясню все, но сначала подумаю о том, что я узнала. Возможность понимать речь сереньких появилась недавно, и с чем ее появление связано, не совсем понятно. Правда, варианты есть: лингвистический прикол мог быть побочным эффектом от свадьбы с монстром или результатом того самого ритуала, о котором вскользь упомянул Маратик.

Оба варианта мне совершенно не нравятся, признать монстра своим мужем это... Это выше моих сил! Наизнанку выворачивает от одной мысли о величине моего позора. Закрываю руками лицо, чувствуя бессильную ярость на себя саму. Что это такое в той камерке-то было?! Я чуть чести своей не лишилась... Дура! Хочется выдрать себе все волосы, но жалко лишаться их из-за этого негодяя! Как есть подонок! Решил попользоваться мной, прежде чем своей невесте-маньячке на растерзание отдать. Злоба, гнев и ревность буквально душат. Ревность-то как сюда затесалась?! Пошла вон отсюда! Уж лучше уязвленная гордость, все правильнее, чем это гнусное чувство. Отвлеклась что-то, в груди ещё какая-то противная тяжесть, как будто меня кто-то ногой к земле да-

ВИТ.

Ритуал Маратика – это вообще самая большая проблема. Не до конца понимаю, о чем он говорил, но и нет уверенности, что он врал. Такое ощущение, что я упускаю нечто очень важное, и это станет ответом на все загадки. Загадок у сереньких полно, попробуй, найди для каждой ответ. Как у них принято жениться, и с чего бы Маратик так уверен, что мы уже женаты с монстром? Какой ещё у нас особенный случай? Не хочу особенного, хочу, чтобы все было как у всех, и пусть это произойдёт тогда, когда буду уверена в обоюдных чувствах и завтрашнем дне. Работая при штабе, я видела медсестер, которые в такое беспокойное время по любви выскакивали замуж. Их мужья уходили в бой, и через месяц им приходила похоронка. Похоронка – маленький белый треугольный конверт, извещение о смерти солдата. Одна медсестра даже повесилась после такого письма, а потом оказалось, что ее муж живой, просто попал к целителям в госпиталь без документов. Это война, никто не должен забывать об этом, а я забыла. Непростительно, веду себя непотребно и отвратительно, чтобы выжить и снова увидеть сестренку. Да, я сделаю все, чтобы увидеть моих маленьких сестренку! Но чувство странное, словно я движусь в никуда.

Так, что-то настроение мрачное, на меня это не похоже. У меня все получится, я вернусь домой и обниму своих сестренку. Мне больше ничего не надо для счастья, лишь бы они были живы и здоровы. Представляю своих маленьких вре-

дин, еле заметно улыбаюсь и наконец-то чувствую то, что должна: решимость и покой с приливом энергии.

– Настасья, – зову, сев на лежанке, и незаметно улыбаюсь.

– Любава? Я видела кровь, что-то случилось? – испуганно зашептала подруга, придвинувшись к решетке.

– У меня для тебя три новости: плохая, очень плохая и хорошая, – иронично улыбаюсь, ибо для меня все новости плохие. – С какой начать?

– С хорошей? – нерешительно предложила магесса, решив не акцентировать внимание на своих вопросах.

– Ты, помнится, говорила, что для побега нам нужна жена главнокомандующего? – с трудом заставляю себя говорить.

– Ну да, – заинтересованно подхватывает подруга, – ты видела ее?

– Лучше, – мрачно решаюсь признаться, – я и есть жена этого монстра, одна из двух точнее.

В ответ на мое нелепое признание повисла гнетущая тишина. Язык зачесался оправдаться.

– Понимаешь, их главнокомандующему зачем-то гарем понадобился, может, ему, как Хану Ледвиги, он положен по статусу? А может просто от невесты своей страшной хотел избавиться? Не знаю, знаю лишь, что попала, как и та ледвижская девчонка, что вторая жена.

– А плохая новость какая тогда? – загробным голосом прерывает поток моего неуместного красноречия магесса.

Странно, она не задает вопросов, словно обо всем знала

с самого начала. Прижимаюсь лицом к решетке, пытаюсь ее рассмотреть, но она сидит в дальнем углу камеры, прижав руки в кандалах к груди.

– Их король прибыл, если бежать, то нужно сегодня, времени осталось мало, – нервно бью пальцем по ржавому пруту решетки.

– Ты говорила новости три, – напоминает Настасья.

– Три? – несколько рассеянно переспрашиваю. – Точно, самая плохая новость в том, что...

Рассказать ей о маньячке или не стоит? Если расскажу, что меня хочет убить маньячка, придётся рассказать причину, рассказать обо всем, что происходило раньше. Как я наблюдала за схваткой ночной гостьи и монстра, их поцелуем и смертельным ранением, что за ним последовало. Как он вообще тогда выжил? Думала, подох, когда держала его тело, а Маратик принялся проводить тот дурацкий ритуал... Ритуал! РИТУАЛ!!!

От догадки стремительно поднимаюсь на ноги и начинаю нервно расхаживать туда-сюда по камере. Во всём виноват именно тот ритуал, о котором он говорил! Больше подобных моментов не было. Ощущение, что маг делал что-то не только с монстром, но и со мной тогда возникло не сразу, а потом стало слишком поздно. Хотя разве он не просто забрал у меня энергию и передал ее монстру? Нет? Я не понимаю этого, может, Настасья об этом знает больше, но спрашивать ее сейчас слишком опасно, она не поймет. Возможно, даже

подумает, что я – шпионка монстра, или переметнулась в лагерь врагов, и плакал мой побег.

Что он конкретно говорил? Ну же, Любава, вспоминай!!!
– Любава? – позвала Настасья, но я ее еле услышала, голова занята другим.

«Вы связаны, я вас связал!» – первое, что вспоминаю из той гневной тирады Маратика. Он нас связал, ну, это понятно, провел ритуал.

«Приди в себя, монстр не умеет любить!» Об этом-то я зачем вспомнила? Видимо, схожу понемногу с ума.

Но Маратик прав, любить он не умеет или уже не может. Вообще не понимаю, как его земля носит.

«Ты жива исключительно потому, что я пожалел тебя и не закончил ритуал!» – ещё одни слова Маратика всплыли в моей памяти. Пожалел? О какой жалости он говорил? Врагов не надо жалеть, даже женщин, а он пожалел. Мы, кажется, разговаривали с ним тогда, но я не помню о чем, вроде о моих девочках. Потому он меня пожалел?

Там было что-то ещё, он говорил о чем-то ещё. Вспоминай! Хватаюсь руками за прутья и до боли сжимаю их, стараясь вспомнить какую-то странную фразу, которую он произнёс в конце. Это же было буквально пару часов назад, плевать, что потом монстр совсем задурил мне голову.

«Вы теперь связаны и, если ты чувствуешь – он тоже чувствует!» – это Марат сказал в конце, прежде чем появился монстр. В этих словах есть что-то такое, что цепляет, глубоко-

кий смысл, что ли.

– Если чувствую я, он тоже чувствует, – шепчу тихо и разжимаю окровавленную и грязную ладонь.

Маратик откуда-то знал, что монстр вот-вот заявится к нему в кабинет. Когда же тот появился его правая рука, как моя кровоточила. Это все, мягко говоря, подозрительно.

– Любава, что происходит? Что ты там бормочешь? – занервничала Настасья.

Отмахиваюсь от нее, пребывая не в состоянии с ней говорить. Итак, что мы имеем? Связь с монстром, которую сложно игнорировать ввиду того, что всего лишь касаясь его, я понимаю, о чем говорят серенькие. К тому же обмен воспоминаниями явно подтверждает существование некой странной связи. Я только о ней узнала, так уже разрушить хочу, но не знаю, как. Если мы действительно связаны, то насколько сильна эта связь? Настолько, что мы с монстром женаты, или все же нет? Маратик говорил, что наши церемонии вступления в супружество похожи, но у нас особый случай. Голова гудит от излишков информации и головоломок.

«Теперь я не смогу убить тебя, жена!» – вот что сказал мне монстр после нашего поцелуя и моей первой попытки его убить.

Не смогу тебя убить ...

Что если он не сможет меня убить не из-за женитьбы? Сомневаюсь, что у них на самом деле есть такое правило или традиция. Что если причина его слов совсем иная и куда про-

ще? Чувствую я, значит, то же, что чувствует он, так сказал Маратик. Но правая рука монстра тоже кровоточила, как и моя. Значит, не только чувствую, но и получаю по полной программе. Как иначе объяснить то, что монстр появился в кабинете сразу же после того, как я поранила руку?

«Думаешь, почему он бросился за тобой в пылающее поле? От безграничной любви с первого взгляда? Приди в себя, монстр не умеет любить!» – говорил еще Маратик, и вот здесь берет начало моя безумная теория. Что если тот ритуал, что проводил заместитель над полумертвым монстром, связал нас монстром крепче, чем обычный брак? Что если мы теперь связаны телесно? И та фраза Маратика означает, что монстр действительно почувствовал, что мне больно и потому прилетел за мной? Что если мы связаны до такой степени, что стоит мне ранить себя, рана появится и у него тоже? То есть на поле он бросился за мной, потому что трясся за свою шкуру, как и намекал Маратик. И если умру я, то он тоже умрет? Это ведь объясняет его внезапный интерес к моей скромной персоне, его слова о женитьбе и том, что он не может меня убить.

Так, выдохнула немного от шквала гениальных теорий и вспомнила, что просто деревенская девчонка с умом доярки. Нафантазировала здесь, планы какие-то придумала. Слишком глупо все это, да и зачем Маратику так подставлять начальника? Он же его боится и, будь это правдой, давно бы меня прирезал. Да не может этого быть, бред, какой-то бред!

Слегка улыбаюсь, а затем резко бью босой ногой по решетке. Почувствуй это, гад! Вскрикиваю от боли и прыгаю на одной ноге долгие полминуты, пока не сваливаюсь обратно на свою лежанку.

– Любава, я понимаю, тебе пришлось многое пережить, – странной интонацией начала говорить Настасья. – На многое пришлось пойти и многим пожертвовать, дабы достать планы...

– Которые оказались приманкой и дезинформацией для нас, – мрачно прерываю ее, не совсем понимая, о чем она говорит.

– Я понимаю, но и у нас не глупые люди сидят. О падении Ледвиги мы узнали ещё два месяца назад, в день свержения предыдущего Хана. Думаю, генералы догадались о подмене и готовят решающий удар. Не все ещё потеряно, помни об этом, как и о сестрах. Что бы ни сделал с тобой тот монстр, он поплатится за это. Я обещаю тебе.

Только теперь понимаю ее интонацию, о чем она вообще говорит. Настасья думает, что монстр надо мной надругался. Могу понять, с чего она это взяла, и ее неприкрытое сочувствие, но разобраться в своих чувствах не могу. Я не чувствую себя той, над которой едва не надругались. Я не жертва, скорее та, что чуть не сделала роковую ошибку.

– Все, что я хочу, это быть с сестренками, – произнесла устало, с гнетущим чувством отвращения к самой себе. – Насть, давай просто вернемся домой?

– Если этот дом ещё есть, хохотушка, – подхватывает мой настрой магесса, скорее всего, как и я, мысленно вспоминая родные края.

– Хохотушка? – рассеянно переспрашиваю ее.

Думать о том, как там мои родные и имеют ли, что поесть и крышу над головой, слишком тяжело, сразу одолевают переживания.

– Сколько тебя помню, ты все время смеялась, что бы ни случилось, – слышу, как подруга улыбается с легким вздохом. – Как у тебя так получается: не сдаваться, даже когда дела совсем плохи?

– Отец говорил, что это все из-за моей глупости, – тоже улыбаюсь, подперев подбородок коленями.

– Признаюсь, я тоже раньше разделяла его точку зрения, – засмеялась она. – Побывав на войне, увидев всю мерзость и грязь, что есть в мире, теряешь способность верить в лучшее. Ты ее не потеряла, в этом, пожалуй, твоя самая большая проблема. Людям нельзя доверять, никому и никогда.

Последняя фраза определенно прозвучала с намеком, так что невольно съёжилась. Что она ещё себе надумала? Что я с монстром спелась? Так и знала, стоило все рассказать, и она бы сразу решила, что я переметнулась.

– А я и не доверяю, – обиженно насупилась, – а предпочитаю надеяться на лучшее и не отчаиваться. Это разные вещи.

– Да, немного надежды нам бы не помешало, – соглашается Настасья, звякнув кандалами.

– Так мы сможем выбраться отсюда сегодня? – перевожу тему разговора на более насущную.

– От меня это не зависит, – мрачно отвечает мне она, а затем замолкает от скрипа двери в подzemелье. Кто-то спустился к нам.

Выглянув, увидела двоих – Айгуль с небольшим серебряным подносом в руках и Маратика, идущего за ней следом. Вторая жена монстра подошла к моей камере и, после короткой заминки, поклонилась мне, едва не выронив с подноса небольшую тарелочку, но разлив воду из нее на поднос. Заместитель также подошел к моей камере и открыл ее большим старым ключом, после чего бросил в меня сапогами. Возможно, я бы в другой ситуации и обиделась на него, но это были мои сапоги! Те самые, которые после этих ужасных тапочек я и не надеялась увидеть.

– Хатун, – неловко позвала Айгуль, а я чуть ли не прыгала от радости, тут же надевая сапоги на ноги. – Госпожа, как ваша рука, болит еще? Может сначала перевязать руку?

Моя радость от вновь приобретенной обуви куда-то мгновенно улетучивается, и на её место приходит подозрение, и следом возникает резонный вопрос: откуда она знает о руке? Так, не хватало ещё снова взывать к своей гениальной теории о связи с монстром. Синяк, может, увидела просто?

– Зачем она здесь? – спрашиваю у Маратика, который на удивление мрачен и молчалив.

– Хан приказал обработать вашу рану, – улыбается Ай-

гуль, отвечая на вопрос вместо заместителя.

Слегка скривив красивый ротик, заходит в мою камеру и опускается на корточки рядом со мной, ставя поднос на пол, протягивает ко мне свои чистые руки без намека на мозоли и шрамы. Даже на вид кожа её рук мягкая и гладкая, словно атлас цвета слоновой кости.

– Прошу, позвольте мне выполнить поручение Хана, – просит она, но её взгляд говорит совсем о другом.

Протягиваю ей раненную руку, в засохшей крови, грязи и ржавчине с решетки. Ледвижка медлит, прежде чем коснуться меня, что вполне понятно, судя по всему, она в жизни не бывала в подобных местах и ничем подобным тоже не занималась. Сомневаюсь, что она держала в руках за всю свою жизнь что-то тяжелее этого подноса.

– Господин так переживает за вас, Хатун, нельзя расстраивать мужа, – приговаривает жена со вторым порядковым номером, вкладывая в эти слова явный для нас подтекст.

Наконец, взяв меня за руку снизу, она принялась свободной рукой смачивать шелковые салфетки в воде и смывать кровь и грязь с ладони. Для первого раза справлялась она неплохо, боли я почти не чувствовала. Маратик же, как наблюдатель, стоял за решеткой и не вмешивался в процесс и, кажется, старательно пытался не смотреть на соседнюю камеру. При чем именно его старания не смотреть туда были очень заметны, поскольку он неестественно высоко поднял подбородок и склонил голову в бок. Руки при этом сцепил

в замок за спиной, с нейтральным выражением лица смотря то ли на нас с Айгуль, то ли в никуда. Кошка, что ли, между ними пробежала? Так, я снова слишком романтизирую их непонятные отношения.

– Ваше платье тоже испорчено, – приговаривает ледвижка после того, как очистила мою руку от запекшейся крови.

Пока она с усилием открывает маленькую коричневую баночку, осматриваю свою ладонь. Теперь там должен красоваться порез в виде креста, но его там нет, видна лишь одна вертикальная линия свежего пореза. Почти заживший рубец от маленького кинжала монстра исчез, словно и не было его никогда. Нахожу взглядом Маратика, но не могу понять, о чем он сейчас думает. В их разговоре с монстром упоминалось подобное, только вместо слова шрам использовалось слово «отметина». Возможно это что-то наподобие колец в нашем мире? Неспроста же один шрам пропал, стоило поранить руку чужой Гардой. У нас также кольца меняют в случае второго брака, после смерти первой пары.

– Эй! – звонко и с воинственными нотками в голосе выкрикивает Настасья, а затем слышу, как громко громяют ее кандалы о решетку. – Ты!

Ни капли не сомневаюсь, к кому моя подруга обращается, но все же поворачиваюсь, чтобы посмотреть на лицо Маратика. Смотрите, какую маску невозмутимости надел на лицо, а уши-то лиловые!

– Я к тебе обращаюсь! – Настасья поднялась на ноги и

протянула руку сквозь решетку, маня серенького к себе. – Иди сюда.

И ведь Маратик взял и подошёл к ней, почти к самой решетке подошёл. От такого поворота я немного оторопела, да ещё Айгуль что-то с лекарством медлит, то ли открыть баночку с мазью не может, то ли что ещё.

– А не слишком ли много ты себе позволяешь, пленница? – нагнал суровости Маратик так, что я аж вздрогнула от звука его голоса.

– Ты кандалы мои сними, и я тебе покажу, что себе позволяю, – с угрожающим весельем заявила Настасья, и моя больная фантазия восприняла эту фразу как флирт магессы.

– Для проигравшей ты слишком много машешь кулаками после драки, – иронично ухмыляется Маратик, но от решетки не отходит.

Пожалуй, судя по его самодовольному тону и тому, что он не отрывает взгляда от Настасьи, впервые могу признать его мужиком. Так никудышно флиртовать могут только мужики, отвечаю. Нет, чтобы комплимент сделать, злит ее.

– Это после честной драки кулаками не машут, но нашу я таковой назвать не могу! Ты зашел со спины и оглушил меня заклятием, пока я дралась с вашим монстром! – срывается на крик Настасья и как-то непостижимым образом умудряется схватить его через решетку за одежду и притянуть к ней.

Зашел? Похоже, Настасья уже в курсе, что Маратик – мужик, теперь понятно, чего он на нее так усердно не смотрел:

обиделся. Спаситель, он и обижается-то по-женски.

– На войне нет правил боя, женщинам там делать нечего, – он хоть и не догадывается об этом, определённо нарываяется, оскорбляя Настасью подобными заявлениями. – Радуйся, что ещё жива, женщина.

В этот момент Настасья опять резко хватает серенького, но в этот раз чуть ли не прикладывает головой о решетку, а затем шепчет что-то на ухо. Я дернулась к решетке, чтобы услышать, но Айгуль схватила меня за руку и потянула назад. Оборачиваюсь на нее, понимая, что она специально мне помешала. Она уже открыла баночку, и на куске шелка у нее какая-то темно-зеленая жижа из трав. Даже несмотря на то, что человек она неоднозначный, могу понять, почему она на стороне сереньких. Ледвижских женщин учат с детства подстраиваться под мужчину, по-другому у них не принято. Понимаю, что другого момента не будет, потому наклоняюсь к Айгуль.

– Серая с рыжими волосами, опасайся ее, – шепчу так тихо, как могу, – она хочет нашей смерти.

Айгуль замирает, ткань с жижей падает на ее платье, но она этого не замечает.

– Та, что прибыла сегодня с Повелителем и его свитой? – шепчет, широко раскрыв узкие глаза, девушка.

– Она – его невеста, – рассеянно оглядываясь на замершего у соседней камеры Маратика, – и, мягко говоря, не в восторге от наличия двух жен.

– Заканчивай, мы уходим! – резко командует Маратик, отстранившись от камеры Настасьи и повернувшись к выходу из подземелья.

Айгуль поспешно отстранилась от меня и трясущимися руками убрала все грязные тряпки на поднос. Мазь из трав она так и не нанесла, всучила мне бинт и как ужаленная выбралась из камеры, побледнев почти до состояния сереньких. Звякнул ключ в замке, и они ушли так же внезапно, как и появились.

– И что это было? – спросила, перевязывая кое-как руку бинтом.

– Я достала ключ от кандалов, – сообщила, почти ликуя, магесса.

– Как? – вырвалось у меня шокировано.

Скрипнул замок, звякнули кандалы, упав на пол, и девушка просунула сквозь прутья бледные и худощавые руки с синими запястьями, чтобы продемонстрировать свою частичную свободу.

– Он носит его с собой, пришлось подобраться поближе, чтобы достать его.

– То есть теперь мы сможем убежать? – просто просияла я от счастья. – Прямо сейчас?

– Нет, сделаем это вечером, мой магический резерв должен восполниться, сейчас я не смогу даже взломать решетку.

– И как восполнить этот резерв? – заставляю себя закатать раскатанную губу обратно.

– Время и сон, мне надо немного поспать без кандалов, – слышу, как она ложится на свой лежак, перед этим отбросив кандалы подальше от себя.

Замолкаю, чувствуя себя не очень хорошо от того, что я всего лишь балласт в ее плане побега. Скорее всего, она его давно продумала, раз так спокойно, освободив руки, ложится дальше спать. Меня же распирает от непонятно откуда взявшейся энергии, и сделать как она, я банально не смогу. Голова чугунная от мыслей, и мне никак не успокоиться. Может, не надо было пугать Айгуль? Вон как ее трясло от страха, бедняжку. Хотя, кто предупрежден, тот вооружен. С этой рыжей ночной гостьей надо быть настороже.

– Любава, – позвала неожиданно Настасья, – скажи, что мы выберемся отсюда и вернемся домой.

Ее голос слегка дрожит, показывая, насколько она сама хочет верить в эти слова. Протягиваю руку через решетку и касаюсь ее головы, чтобы поддержать.

– Мы вернемся домой, и все будет как раньше, – вру ей и себе, прячась в надежде от реальности.

Глава 30. Му Ре

Как раньше уже не будет, больше никогда. Ледвига пала, и за ней очередь Анталты, и ей не устоять против армии серокожих захватчиков. Возможно, понадобится время, чтобы монстры дошли до нашей богом забытой деревушки, да и до ледяной пустоши впоследствии, но война доберется и туда. Чем больше думаю о будущем, тем больше не понимаю, зачем вообще напали на нас серенькие? В стране ходили слухи, что это из-за работорговли, и теперь все захваченные территории почти обезлюдели, люди просто исчезли. Да и с женщинами они поступают очень жестоко, не трогают лишь малых детей и стариков. Они сильнее, опытнее наших воинов, мы легкая добыча для таких завоевателей. Самое прискорбное, что, появившись здесь, серенькие не просто поставили перед собой цель захватить власть на всем континенте, они будто истребляют нас как расу. В таком свете становится понятно, из-за чего они массово отдают в жертву наших молодых и способных рожать женщин. Нет женщин – нет и будущих воинов, мы банально вымрем.

Тяжело вздыхаю, понимая, как скверны наши дела. В голову ничего не приходит, но я все равно надеюсь на лучшее. Я что-нибудь придумаю, или же генералы что-нибудь придумают и спасут нашу страну. Поворачиваюсь к решетке, Настасья мирно сопит, мне бы тоже надо, но не могу. Стоит за-

крыть глаза, чувствую себя опять в той душевной камерке, в руках монстра. Стоит ли говорить, что испытываю при этом отнюдь не только страх?

Что-то здесь не вяжется, вот чувствую, что что-то не так во всей этой истории. Даже Настасья, то, какой хладнокровной и решительной она стала, меня пугает. Так выглядели шпионы-смертники в диверсионных отрядах, которые знали, что для достижения цели придётся пожертвовать своей жизнью. Что-то обреченное таится в ее взгляде, наверное, то же самое можно увидеть и в моем. Даже если мы выберемся из Ледвижской столицы и переберемся за линию фронта, не факт, что нас не убьют свои же, посчитав за изменников родины. За генералами не заржавеет устроить нам подлянку за поддельные планы. Но я смогу, справлюсь со всем лишь потому, что у меня нет выбора. Закрываю глаза, стараюсь ни о чем не думать, но непослушное сердце то и дело скачет в груди, выдавая моё беспокойство. Последнее время только и делаю, что бегу, потому что сражаться нет сил, условия изначально неравные, и я проигрываю. И это я имею в виду совсем не войну, точнее не ту войну, о которой могу говорить вслух. Мне бы очнуться и, наконец, прийти в себя, то, что я чувствую не просто неправильно и постыдно – это предательство моей семьи, страны и родины.

– Любава! – вскрикивает Настасья и трясет меня за плечо.

Поспешно открываю глаза и сажусь, впервые четко разглядывая свою подругу. Настасья в малиновой мантии, по-

мятой, но не грязной. От нее пахнет чем-то знакомым, но не могу понять чем. На лице заметны следы изнеможения, кожа бледная, мешки под глазами, а запястья почти черные от синяков. Но при этом есть какое-то ощущение неправильности. Ну, не выглядят так люди, которых пытали несколько дней, морили голодом и не давали пользоваться никакими благами цивилизации. Или может она уже это, магией себя в порядок привела? Слишком мало ее видела, чтобы сравнить до и после. Решетка в мою камеру выломана, как я не проснулась, когда она с ней разбиралась?

– Ты в порядке? – обеспокоенно оглядела она меня с головы до ног. – Я звала тебя, ты не отвечала, даже на взрыв не отреагировала.

– Какой взрыв? – ошарашенно поднимаюсь на ноги.

– Пришлось немного пошуметь, чтобы выломать дверь, на ней была магическая защита, – тоже поднялась она на ноги, неловко оглядываясь на коридор. – Странно, что защита была лишь на твоей камере, а не на моей.

А меня вот присутствие магической защиты ничуть не удивило, все-таки я столько раз сбегала, что дополнительные меры предосторожности не помешают.

– К тому же защита почему-то запрещала кому-то войти, а не тебе выйти, – протянула, задумавшись, магесса, и я невольно удивилась.

Интересно, а это кто придумал? Неужто результат собственных замашек монстра? Настасья двинулась впе-

ред по коридору и жестом указала мне молчать и двигаться тихо. Она остановилась в нескольких метрах от дверей и стала делать пасы руками и что-то неразборчиво шептать.

– Жди, – отдала она мне приказ, а затем открыла дверь из подполья и исчезла за ней.

Такого поворота я как-то не ожидала, но посметь спорить с магессой не нашла в себе желания. Ее не было от силы минут пять, и уже когда я собиралась послушаться, она вернулась и приказала ей помочь. С опаской пошла за ней по лестнице и, оказавшись в коридоре, увидела два тела сереньких стражников лежащих на полу.

– Ты что их убила? – вырвалось у меня слишком эмоционально.

Настасья в тот момент как раз схватила одного из них за ногу и от удивления выронила ее.

– Любава! Они наши враги! – осуждающе выдала она, разгневавшись. – Лучше помоги их спрятать!

Что это со мной? Нет жалости врагам и захватчикам! Скрипя зубами, схватила стражника за вторую ногу и потащила к той самой злополучной кладовой. Настасья открыла дверь, и я дернулась, будто ожидая там увидеть монстра. Его там не оказалось, что не удивительно. Затащив одного, мы взяли за следующего. Пыхтя и натужно кряхтя, затолкали второе безвольное тело в кладовку.

– А заклятия, чтобы их не тащить, не существует? – тяжело дышу, чувствуя, как болит спина.

– Есть, но мой резерв ещё не восстановился, – прорычала Настасья, боком пытаясь закрыть дверь.

– Да когда же он у тебя восстановится-то? – бухчу, становясь за ней и надавливая всем весом, чтобы дверь наконец-то закрылась.

Прислонившись к стене, привели в норму дыхание и огляделись.

– Тебе надо переодеться, – выдала задумчиво магесса, – слишком выделяешься.

– Кто бы говорил, – язвительно вздыхаю, оглядывая ее помпезную мантию.

– Мы слишком много внимания привлечем в этой одежде, – нехотя соглашается магесса. – Может, их амуницию наденем?

– Нет, ты что, они же ее не снимают, – с отвращением поморщилась, – явно с гигиеной не знакомы.

– И что тогда делать? – растерянно спросила магесса, поворачивая за угол.

– А ты того, заколдовать не можешь? – осторожно повторяю за ней.

– Мой магический резерв...

– Ещё не восстановился, – договариваю за нее таким же самоуверенным тоном.

– Не паясничай, – получаю хлопок по пятой точке, пока мы пробираемся к главному залу. В этот раз толпы там нет, всего пара стражников возле дверей, и две ледвижки, мою-

щие пол и вытирающие пыль.

– Настасья, а ты ледвижский знаешь? – спрашиваю тихо, радуясь, что лестница не дает стражникам нас увидеть.

– Думаю, я и без этого разберусь, – как-то кровожадно улыбается магесса, потирая ладони, которые начали искрить.

Она прошептала какие-то слова, а затем раскрыла ладонь, показывая мне увесистую мышь. В ответ на моё немое удивление, она опустила мышку на пол и довольно улыбнулась. Маленький пушистый комочек, прячась по углам, побежал к ничему не подозревающим ледвижкам. Они не заметили ее, потому, после небольшого пасса рукой от Настасьи, мышка подкралась к одной из женщин и залезла ей под подол платья. Несколько секунд ничего не происходило, затем женщина выронила тряпку и истошно завопила, задирая юбку едва ли не до груди. Вторая женщина, увидев мышку, бросила в нее тряпкой, но не попала.

– Городские, – вздохнули мы вместе с Настасьей с легким презрением.

Мыши всегда водятся там, где живут люди, и избавиться от них очень сложно, лучше котов пока ничего не придумали. Наши три кошки всегда спят в подвале, защищают мешки с зерном от этих мелких вредителей. Стража отреагировала на шум и засуетилась, но женщины уже в испуге бросились бежать, причем в нашу сторону. Тонкие и хрупкие ледвижки совершенно точно не приспособлены к таким страшным зверям, как обычные мыши. Настасья вышла им

навстречу, подняв руки вверх. Она коснулась их голов ладонями, после чего те упали на землю, потеряв сознание.

– Настасья, – испуганно зову ее, когда нас замечает стража.

– Бежим! – кричит она, обернувшись, и бежит назад, оставив меня одну перед стражами.

Запоздало соображаю, срываюсь с места и почти добегаю до поворота, как в меня чуть не прилетает горшок с тем священным фиолетовым растением. Благо, он в конечном итоге попал в стража, что бежал за мной. Вторым был изворотливее, схватив меня за подол платья, он уже почти дотянулся до меча, как получил от меня горшком. Словом, стоим мы с Настасьей запыхавшиеся, сил даже говорить нет и, молча поглядываем, то на тела в коридоре, то на дверь кладовки. В общем, к ассоциациям, что вызывает у меня эта кладовка, помимо наглого монстра добавилась кучка складированных там тел. Переодевшись и заработав себе грыжу, затаскивая и раскладывая в тесном подсобном помещении наши жертвы, мы были готовы уйти в закат. Хотя уже давно стемнело, но людей в самом дворце было как-то мало, раз никто не заметил, как мы, матерясь, упаковывали в кладовке штабелями сереньких и водружали на них тощих ледвижек.

– Платок повяжи, – подала какую-то тряпку подруга, повязывая себе голову.

Вот чаще бы она его носила, в нём она больше на женщину похожа. Все время оглядываясь, мы пробрались до чер-

ного хода, ведь через главный ход было опасно идти, и прошмыгнули к крылу прислуги. Здесь людей было полно, так что решили срезать через кухню. И от увиденного великолепия я буквально зависла. Кухня огромная, просторная с множеством столов и кипящих казанов, с большой жаровней, на которой медленно вертится жирный поросенок. Поваров много, все в белой одежде, с поварскими колпаками и только мужчины, ни одной женщины. Ножей у них куда больше, чем на любой кухне, на которой я готовила, все разной формы и из хорошей стали, а как рыбу разделявают просто загляденье. В животе аж заурчало лишь от одного вида ещё не до конца приготовленных блюд. Ну и за что монстру и его змее-невесте такое счастье? Не сомневаюсь, что вот ради одной ложечки вон того божественно пахнущего супа можно и умереть.

– Любава! – резкий разгневанный окрик Настасьи настиг меня вместе со злой тарабарщиной от местного главного повара.

С болью и разочарованием посмотрела на аппетитную ложку супа в своей руке, а затем на злого ледвижского повара с половником наперевес и не менее злоую Настасью уже почти достигшую выхода на улицу. Повар отделяет меня от Настасьи и супа.

Гори оно все огнем, если я не попробую этот шедевр, никто не попробует. С разворота толкнула ногой казан с супом, который перевернуться не перевернулся, но залил все, стоя-

щее рядом. Повар бросился спасать оставшиеся блюда, и я прослезилась от горя, что столько вкусовостей пропало из-за меня. Не дело это продукты переводить, особенно когда люди голодают! Возле дверей Настасья схватила меня за руку и практически выволокла на улицу, подперев дверь на кухню шваброй.

– Как ты вообще планы-то достала?! – гневно кричит она, но мы обе знаем, что не хочет она знать, как я их достала.

Опустив глаза в пол, словно обычные ледвижки, под ручку топаем мимо полдюжата стражников во дворе. Руки тряслись, не знаю, как добрались до ворот и выбрались из замка, повезло, что несколько стражников отвлеклись на происходящее на площади. Неужели эти изверги снова женщин в жертву своему богу отдают? Сердце набирает бешеный темп, оглядываюсь, ищу взглядом лошадь или хоть что-то, на чем можно будет добраться до дома. Уже собираюсь свернуть в сторону безлюдной улочки, когда Настасья тащит меня обратно, к толпе.

– Что ты делаешь? – испуганно спрашиваю, останавливаясь. – Нужно выбираться отсюда!

– Выбираться куда, Люба? – зло шепчет Настасья, оглядываясь, как и я, по сторонам. – Ледвига пала, черед Анталты скоро настанет.

– Но дома...

– «Но дома» что?! – разъярённо перебивает она, и я вижу на ее лице дорожки от слёз и полный отчаянья взгляд. – Да-

же если случится чудо, и мы пересечём всю страну и попадем домой, как долго нам ждать, пока монстры доберутся до дома? Неделю? Пару дней? Их армия уже наступает на столицу! Мы обречены, Любава! Обречены!

Она всхлипывает, совсем не как опытный, закаленными боями маг, а как обычная женщина. Знаю и понимаю ее неуверенность, то, что я не задаю себе этих же вопросов, не значит, что я о них не думала.

– Есть же ещё Ледяная пустошь, другие континенты, в конце концов! – пытаюсь ее успокоить.

– Да? – магесса насмешливо улыбается, а затем задает вопрос, который я боялась услышать. – А кто сказал тебе, что им будет достаточно захватить один континент?

Не знаю, что ей ответить. Уверенности в этом нет, как и в том, что мы выберемся отсюда живыми, но я предпочту надеяться на лучшее. Это все, что я могу прямо здесь и сейчас.

– Им и мира нашего мало, – шепчет тихо Настасья, прикрыв глаза.

Мира нашего мало? Странная фраза, что-то в ней есть такое особенное. Мимо нас проходят ледвижки, ещё совсем девчонки и отчего-то смеются, что выглядит странно в нынешних реалиях.

– Настасья, давай пойдем, пока нас не заметили, – то ли прошу, то ли требую от нее.

– Разве ты не понимаешь?! – хватает она меня за руку и сдавливает ее, делая мне больно. – Мы должны это сделать!

– Сделать что? – делаю попытку вырвать руку, но она сильнее.

Не нравится мне ее взгляд, да и слова тоже. Так фанатики сумасшедшие говорят или солдаты, которым нужно во что бы то ни стало выполнить приказ. Настасья резко обнимает меня, но только для того, чтобы прошептать на ухо то, что не должен больше никто услышать.

– Мы должны убить их короля, – говорит она уверенно шепотом.

– Ты что рехнулась? – выкрикиваю, чем невольно привлекаю лишнее внимание.

Настасья тащит меня за собой в безлюдный переулок, но уже не для того, чтобы сбежать. Вот что меня беспокоило с самого начала, она была слишком спокойна, будто солдат, с мрачной решимостью ждущий подходящей возможности, а не попавшая в плен девушка. Она ведь не просто Настасья из моей деревни, а главный маг на фронте.

– Чтобы я убила их короля, мне нужна помощь, – жестко признается она. – Тебе нужно взять на себя главнокомандующего.

– Как я, по-твоему, это сделаю? – все оглядываюсь на безлюдную сторону улицы, там, где маячит свобода. – Настасья очнись, там охрана, мы ничего не сможем сделать!

– Сможем! – уверенно заявляет она. – Если ты мне поможешь, я доберусь до короля и убью его.

– Но нас же тоже сразу убьют! – кричу на нее в истерике.

Может плюнуть на эту сумасшедшую и уйти? Эта мысль такая соблазнительная, если мне повезет, то через неделю буду дома с сестрами. Как же я хочу их увидеть!

– Зато Анталта будет свободна, весь наш народ, все наши родные останутся живы! Как же сестры, ты не боишься, что их тоже отдадут в дар их богу?

Она трясёт меня, словно игрушку, платок спал с моей головы, и волосы закрывают лицо. Сестры моё слабое место, но я не сдамся.

– Даже если мы его убьем, его место займет другой! У этого короля точно есть наследник, и он будет мстить за своего отца! Разве тогда наши смерти не будут напрасны?

– Если ты убьешь главнокомандующего, этого не случится, – с уверенностью произносит она, заставляя меня вздрогнуть. – Следующим королем станет наш человек, и война закончится.

Убить монстра? Как он связан с королем, зачем убивать? Тогда, в кабинете, Маратик что-то говорил об отце. Король – отец монстра? Убить короля, убить его наследника – это практически почти невозможно. Сама мысль меня пугает и тревожит.

– Настасья, – выдыхаю, отступая от нее на шаг, – это безумие, очнись уже, наконец!

– Это ты очнись! – толкает она меня, повышая голос. – Мы – последняя надежда нашей страны и этого драного мира!

– Две женщины? Серьёзно? – смеюсь горько. – Меня ждут

сестры, если ты готова погибнуть здесь, то оставайся, а я отправляюсь домой!

Я бы ушла, честно, но она уже схватила меня за руку.

– Слушай, – приказывает она и нажимает рукой на метку, которую сама же и оставила на моем запястье, прямо под укусом Няны.

Рука жжет огнем, как раньше было, когда магесса выходила на связь, однако теперь она стоит напротив меня и смотрит в глаза так, словно хочет что-то сказать, но не решается.

– Любава, зайка моя, ты там, похоже, решила сопротивляться приказам? – прошебетал у меня в голове голос Ферера.

– Какого чёрта? – спрашиваю у опустившей глаза Настасьи.

– Того самого, моя дорогая, – довольно и расслабленно смеется Ферер. – Я так понимаю, у нашей дорогой магессы не получилось уговорить тебя сотрудничать на благо своей родины?

– Откуда он знает? Это его приказ? – спрашиваю у подружки, но она не отвечает. – Это безумие, что бы он там ни говорил!

– Но-но, – поучительным тоном влезает мне в голову Ферер, – безумием можно назвать только то, для чего нет веской причины, а у вас обеих есть причины пойти и убить короля и его страшного сынка.

Его сладкий и издевательский тон бесит до чертиков, по

пустому взгляду Настасьи не могу понять, слышит ли она этого мерзавца. Метка жжет, я пытаюсь содрать ее ногтями, но пока не получается.

– Если тебе надо, то иди и убивай его сам! – кричу, раздирая ногтями запястье и почти зажившие шрамы от зубов Няны.

– У тебя, Любава, причин выполнить приказ даже больше чем у Настасьи, – все так же самодовольно заявляет Ферер. – Хочешь их услышать?

Сердце испуганно сжалось, и я замерла, со страхом смотря в полные решимости, но мокрые от слёз глаза Настасьи.

– Девочки, поприветствуйте свою сестру, – довольно произносит генерал под девичий вскрик.

– Любава? – испуганно и неуверенно произносит Орыся сиплым голосом.

Моё сердце падает куда-то вниз, а ноги не держат, однако Настасья успела подхватить меня под руку, не давая упасть на землю. Смешно, она же и затоптала меня в эту вязкую канаву.

– Маленькая моя, – шепчу, закрыв глаза.

– Любава! Сестра! – кричат уже хором все сестры, мой смысл жизни.

– Мава, куда ты пропала? – по привычке коверкает моё имя Сара, судя по всему, заливаясь слезами. – Эти дяди забрали папу! Мне страшно!

– Сестренка, где ты? – тоже плачет София, но куда сильнее

старшей сестры.

– Не хнычь, Сара! – отчитывает сестер Орыся куда более взрослым голосом, чем я привыкла слышать. – И ты не переживай, София, скоро сестра вернется, и мы поедem домой.

– Правда? – с такой надеждой спрашивает София, что зажмуриваюсь, стараясь не издавать и звука, пока слезы ручьем текут по щекам.

Мне нужно время, чтобы взять себя в руки, чтобы хотя бы голос не дрожал, но времени нет.

– Правда, – отвечает за меня Ферер, – конечно же, ваша сестра вернется, как только кое-что сделает для своей страны, она ведь так сильно любит вас и желает, чтобы вы были в безопасности.

– Ферер! – кричу в гневе, отталкивая от себя Настасью.

– Тише, тише, не пугай девочек, – ухмыляется эта тварь. – Девочки не хнычьте, вот Пауль сидит тихо, не плачет – настоящий мужчина, будущий доблестный солдат нашей армии! Достойный брат героя нашей армии магов!

– Брат, – шепчет Настасья убитым голосом, словно она знала, что мальчик и девочки у него. – Береги девочек и бабушку.

Ее голос решителен, а руки сжаты в кулаки, она прощается с ним, и мне тоже следует попрощаться.

– Любава! – испуганно зовет меня София.

– Все хорошо, мои девочки, – справляюсь с голосом и стараюсь говорить спокойно и убедительно.

– Сейчас вас накормят, а затем, уже совсем скоро я приду к вам, и вместе с папой мы поедем домой.

– Правда? – обрадовались мои младшие, одна Орыся промолчала.

– Орысь, – зову ее, как старшую. – Позаботишься о девочках? Я надеюсь на тебя, ты ведь у меня умница?

– Да, сестренка, – растерянным голосом повторяет моя последняя надежда.

– Ну, все, хватит лирики, уберите с рук детей метки, – приказывает тем временем Ферер и добавляет уже нам с Настасьей: – У вас время до рассвета.

Боль в запястье проходит, будто и не было ее, но голос генерала все ещё резонирует в голове. Он не опускался до прямых угроз, но то, что девочки где-то рядом с Ферером и есть угроза. Смотрю на Настасью взглядом полным ненависти. Даже если ее брат там, откуда он у них? Она ведь знала, что они в плену, но ничего до последнего мне не говорила! Как же так?! Она же отослала письмо! А может это письмо совсем не спасало наших односельчан? Может она, Настасья, и сдала их Фереру? У меня нет слов, какими можно назвать ее, и гнева не хватает, дабы убить на месте.

– Предательница, – самое мягкое определение, которое могу ей дать, но магесса принимает его стойко, с каменным лицом.

– Держи! – вручает мне что-то, завернутое в белый платок. Только сжав по инерции рукоятку с металлической руч-

кой, понимаю, что это нож или кинжал. Ткань сползает с острия, какой-то странной он формы, похожий на те, что были у ночной гостьи, и тут я замечаю на толстом лезвии руны.

– Что это?

– Оружие, которое может их ранить.

Настасья разворачивается и идет в сторону толпы, мне ничего не остается, как спрятать нож в карман и следовать за ней. Мне показалось, что сквозь толпу мы пробирались целую вечность, когда, наконец, останавливаемся у самой сцены. Что это, театральная постановка? На сцене нет актеров, лишь тени, которые рисуют историю на белом полотне. Те, кого мы ищем, находятся чуть в стороне: в заснеженной крытой беседке, украшенной еловыми ветками, сидят на искусственных креслах и смотрят представление. Сидят, но отнюдь не одни, рядом с ними куча охраны, какие-то роскошно одетые ледвижские семьи, такая толпа, что затеряться не будет проблем. Мы двинулись в ту сторону, но сразу остановились: перед беседкой куча стражи, они здесь, чтобы защитить своего повелителя и так просто не пропустят.

– Нам не попасть туда, – шепчу растерянно Настасье на ухо.

– Тебе нужно попасть туда, – с нажимом на первое слово поправляет магесса и отходит от меня в сторону.

Она показывает ладонь одному из стражников, что-то шепнув перед этим, и тот ее пропускает. Мне кажется, или на ее ладони был свежий порез? Это что пропуск такой? Ну,

так у меня тоже ес... Где он? Размотала повязку и смотрю на абсолютно нормальную ладонь. Ни одного пореза, вообще ни одного! Это что за мистика? Или это Айгуль какой-то водичкой заколдованной смочила руку? Чёрт, мне же теперь не попасть, как Настасья! Если руку сейчас пораню, они сразу поймут, что это обманка. Ну, и что мне делать?

А где вообще монстр? Что-то его в беседке не видно, и той змеи тоже не видно. Они, что ли, опять за старое? Сейчас, наверное, где-нибудь валяется кровью залитый и подышает, тварь наглая! А мне тут его, между прочим, убить надо срочно! Пробираюсь сквозь толпу, обходя стражников по кругу. Они даже этот жуткий круг чёрной воды не убрали, все там же стоит, лунный свет отражает. И это в нескольких метрах от беседки! Не бояться, что ли, упасть туда? Большая тень мелькнула на фоне замка, и чисто по длинной шее узнала в ней Наяну. Может она почувствовала, что ее хозяин подышает, и помчалась его выручать? Странно это как-то, я же убить его должна, а не эта змея подколотная.

Проскальзываю мимо стражи, пользуясь тем, что как раз вносили за сцену часть реквизита. Коленки трясутся, пока крадусь мимо актеров-мужчин в сторону кустов, где совсем недавно видела хвост зловредной твари. Кусты густые, не разглядеть, но монстра найти надо, так что продираюсь сквозь них и едва не врезаюсь в самую Наяну. Кроме нее в кустах никого не оказалось, ну и облом. Оса размером со слона зашипела и, угрожающе выставив язык, заставила попя-

титься назад. Разворачиваюсь, чтобы убежать, и вижу возле круга чёрной воды три силуэта. Рядом с монстром, о чем-то громко спорящим на своём языке с ночной гостьей, стоит Айгуль с видом перепуганной овечки, опустив глаза в землю. Так, половина дела сделана, я нашла монстра, осталось убить его раньше этой рыжей, что будет, судя по всему, труднее. Меня колотит мелкой дрожью, ноги вообще становятся ватные, пока иду к ним, так судорожно сжимая рукоять ножа в кармане, что костяшки пальцев болят. Сердце бешено колотится в груди, а я натягиваю улыбку, но она больше похожа на оскал. Он первый замечает меня. Без понятия, как заметила это, все же он в броне, и должно быть непонятно, куда он смотрит. Кстати, как мне его убить, когда он во всей этой амуниции? Что мне делать?

– Какого чёрта она все ещё жива? – спрашиваю у монстра, обмениваясь со змеей взглядом.

Ночная гостья что-то прошипела, явно с требовательным контекстом. Монстр на нее нарычал, вероятно, чтобы отвязалась.

– Что ты здесь делаешь? – рявкнул он на меня. – Ты должна быть...

– И где должна быть твоя первая жена, как не рядом с тобой и второй женой? Айгуль же такая лапочка, страшно ее оставлять со змеей подколодной и монстром озабоченным.

Серенькие почему-то сразу перевели взгляд на молчаливую Айгуль, та еще больше впилась в землю взглядом, так

что пришлось заслонить ее от них. Змея что-то громко и властно прошипела, но монстр ее проигнорировал. Кожа на лице чешется, чувствую, что он смотрит исключительно на меня.

– А что по-нашему она не разговаривает? Язык мешает? – слегка улыбаюсь, а за спиной машу Айгуль, чтобы уходила.

Усала, или как там ее, сделала шаг ко мне, как-то угрожающе коснувшись своего пояса, монстр остановил ее, всего лишь повернув свою голову в шлеме в ее сторону. Ночная гостя продолжила причитать, показывая то на меня, то на Айгуль за моей спиной. Похоже, недовольна, что место первой и второй жены уже занято. Интересно, что она там шипит-то?

– Может, руку мне дашь, а то мне тоже интересно, что она там говорит? – шмыгаю носом, сделав к монстру шаг.

Змея замолкает на полуслове, и удивленно выпучивает глаза, словно я не пойми о какой непристойности попросила. Хоть бы перчатку снял, и то убивать его стало бы легче. Кажется, монстр как-то обреченно вздохнул и произнес только одну фразу, смотря на меня.

– Нари Ре.

Ну, это выражение я уже знаю, означает «моя жена». А если бы ты знал, зачем я здесь, то нотки обреченности в твоём голосе имели бы под собой вескую основу.

Это он нас друг другу представляет, что ли? Вот нашел, когда это делать! Лучше бы от нее избавился в свое время.

Презрительно закатываю глаза и тут же жалею об этом. Металлическая клешня хватает меня за руку и притягивает к себе, так что чуть нож из кармана не вывалился. Чувствую, что сейчас получу сполна, но вместо этого монстр снимает шлем и ворует с моих губ ещё один поцелуй. Я тут его убить пытаюсь, а он меня целует! Что с ним не так, Спаситель?! Или это со всеми серенькими? Хоть руки не распустил, и на том спасибо.

– Долг не оплачен, – произнесла на их языке змея зло, а затем ушла, ещё до того, как он отпустил меня.

Ну как сказать, отпустил, за талию придерживает ещё, но рот освободил. Айгуль кашлянула, лишь после этого я поняла, что плююсь на него.

– Уходи, – приказал монстр, смотря на меня, но обращаясь к ней.

Мы остались одни, стоим очень близко друг к другу, так что дыхание сбилось. Мне ничего в голову не приходит кроме как всадить ему нож в шею, когда он снова меня поцелует.

– Ничему тебя жизнь не учит, – говорю и себе, и ему в одно и то же время.

Руки подрагивают, как и все внутри меня, как будто меня раздирает от противоречий и отчаяния. Я должна убить его, но при этом совершенно точно погибну и сама. Из-за той связи, или от меча какого-нибудь стражника, это уже не будет важно. При этом нет никаких гарантий, что у Настасьи получится убить их короля. Я ведь даже не знаю, как он

выглядит, этот король, наверняка один из тех, что прибыли сюда со змеей. Это не его легкая кривая улыбка заставляет моё сердце биться так громко в ушах, а отчаяние... Я сказала отчаяние!

– Ты признала наш брак, – с легкой иронией, но почему-то очень довольным видом произносит он, отпуская меня только для того чтобы снять перчатку.

– Чего? – вырывается у меня от удивления.

Вот это вот совсем не вовремя. Неужели нельзя меня поугаждать как обычно? Рывкнуть так, чтобы я сама со страху ножом в шею и всадила? Зачем быть таким... странным?

– Ты сама впервые назвала меня своим мужем, – подмечает монстр с лукавой улыбкой, отбрасывая куда-то перчатку.

Не знаю, что и ответить на это, судорожно сжимаю рукоять ножа и боюсь смотреть на него, но смотрю. Его слегка прохладная рука нежно убирает выбившиеся волосы с лица, а затем касается моей щеки. Большой палец стирает остатки слёз с нее, и он замирает, словно прислушиваясь к чему-то.

– Му Ре, – произносит вдруг с такой тревогой, что сердце предает меня и замирает.

«Я не смогу!» – говорит оно непослушной мне.

«Я должна!» – перевешивает сердце довод разума.

– Му Ре? – повторяет он уже с нажимом, держа меня за лицо обеими руками и вытирая мои не прощенные слезы. – Что происходит?

«Му Ре» переводится как Моя Слабость. Все это время я

была его слабостью...

Возможно, в другое время и в другом месте, я бы посмеялась над такой шуткой проказницы-судьбы, если бы мне не предстояло сделать последнее, что предназначено в этой чертовски несправедливой жизни.

Грянул взрыв за спиной, взрывная волна заставила свалиться на монстра. Мне не нужно оборачиваться, чтобы догадаться, что Настасья, в отличие от меня, не струсила. Со стороны сцены слышны крики множества людей. Монстр отпустил меня, хочет уйти туда, помешать Настасье, но я не могу этого позволить. Я слишком многое не могу себе позволить. Бросаюсь ему на шею и крепко обнимаю, пока нож входит в спину чуть ниже позвоночника, и чувствую, как жуткая боль в то же мгновение пронзает и мою спину.

«Жили они долго и счастливо и умерли в один день», – так я заканчивала любимые сказки Софии. Никогда не думала, что «и умерли в один день» это про меня. Он дергается, пытаясь оторвать меня от себя и все повторяет: «Му Ре»... А я захлебываюсь рыданиями от внутренних противоречий и физической боли, что буквально разрывают меня на части. Он теряет равновесие, и мы падаем на бортик круга с черной водой.

– Брат? Брат?! – слышу крик заместителя главнокомандующего, разносящийся над площадью.

Марат здесь? Нельзя, чтобы он нашел... нас, он снова проведет тот ритуал и исцелит главнокомандующего. Из послед-

них сил, чувствуя, что ещё немного, и все закончится, отталкиваюсь от бортика и падаю прямо в черный круг воды. Все исчезает и растворяется, а последняя моя мысль о том, что в этой истории для всех монстром буду я.